

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования
«Саратовский национальный исследовательский государственный университет
имени Н. Г. Чернышевского»

ЖАНРЫ РЕЧИ

Международный научный журнал

Издается с 1997 года
Выходит 4 раза в год
Саратов (Россия)

2020 № 2 (26)

Speech Genres

International Journal

Published from 1997
4 issues per year
Saratov (Russia)

- Журнал «Жанры речи» зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций. Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС77-76706 от 02.09.2019 г.
- Журнал включен в каталог «Пресса России», подписной индекс 70771
- Сайт журнала: <http://zhanry-rechi.sgu.ru/>
- Журнал включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук (специальности: 10.01.01 – Русская литература (филологические науки), 10.01.08 – Теория литературы. Текстология (филологические науки), 10.02.01 – Русский язык (филологические науки), 10.02.19 – Теория языка (филологические науки))
- Журнал входит в ядро РИНЦ, включен в Russian Science Citation Index (RSCI) на платформе Web of Science
- Журнал входит в Международную базу данных DOAJ

ISSN 2311-0740 (Print)
ISSN 2311-0759 (Online)

© Саратовский университет, 2020

Редакционная коллегия

Главный редактор

В. В. Дементьев, доктор филол. наук, проф. (Саратов, Россия)

Заместитель главного редактора

Л. В. Балашова, доктор филол. наук, проф. (Саратов, Россия)

Ответственный секретарь

О. В. Кощеева, кандидат филол. наук, доц. (Саратов, Россия)

Члены редакционной коллегии:

- В. М. Алтатов*, доктор филол. наук, проф. (Москва, Россия)
Ст. Гайда, доктор филол. наук, проф. (Ополе, Польша)
Е. И. Горошко, доктор филол. наук, проф. (Харьков, Украина)
М. Еленевская, доктор филологии, проф. (Хайфа, Израиль)
Е. Г. Елина, доктор филол. наук, проф. (Саратов, Россия)
В. И. Карасик, доктор филол. наук, проф. (Москва, Россия)
Р. Лакофф, доктор филологии, проф. (Беркли, США)
Т. В. Ларина, доктор филол. наук, проф. (Москва, Россия)
Э. Лассан, доктор филол. наук, проф. (Каунас, Литва)
В. А. Маслова, доктор филол. наук, проф. (Витебск, Беларусь)
А. Мустайоки, доктор филологии, проф. (Хельсинки, Финляндия)
Б. Ю. Норман, доктор филол. наук, проф. (Минск, Беларусь)
Н. В. Орлова, доктор филол. наук, проф. (Омск, Россия)
Б. Питерс, доктор филологии, проф. (Канберра, Австралия)
В. В. Прозоров, доктор филол. наук, проф. (Саратов, Россия)
Р. Ратмайр, доктор филологии, проф. (Вена, Австрия)
В. А. Салимовский, доктор филол. наук, проф. (Пермь, Россия)
О. Б. Сиротинина, доктор филол. наук, проф. (Саратов, Россия)
А. П. Сквородников, доктор филол. наук, проф. (Красноярск, Россия)
Т. И. Стеклова, доктор филол. наук, проф. (Новосибирск, Россия)
З. К. Темиргазина, доктор филол. наук, проф. (Павлодар, Казахстан)
Хуан Мэй, доктор филол. наук, проф. (Пекин, КНР)
Т. В. Шмельёва, доктор филол. наук, проф. (Великий Новгород, Россия)

Editorial Board

Editor-in-Chief

Vadim V. Dementyev, Ph.D, Prof. (Saratov, Russia), <https://orcid.org/0000-0002-7532-5788>

Deputy Editor-in-Chief

Lubov' V. Balashova, Ph.D, Prof. (Saratov, Russia), <https://orcid.org/0000-0002-3979-2143>

Executive Secretary

Olga V. Koshcheeva, Ph.D, Ass.prof. (Saratov, Russia), <https://orcid.org/0000-0002-8506-0867>

Members of the Editorial Board:

Vladimir M. Alpatov, Ph.D, Prof. (Moscow, Russia), <https://orcid.org/0000-0003-4323-2832>

Elena G. Elina, Ph.D, Prof. (Saratov, Russia), <https://orcid.org/0000-0002-9797-3145>

Stanislaw Gajda, Ph.D, Prof. (Opole, Poland), <https://orcid.org/0000-0002-2288-9723>

Olena I. Goroshko, Ph.D, Prof. (Kharkov, Ukraine), <https://orcid.org/0000-0002-8592-1022>

Vladimir I. Karasik, Ph.D, Prof. (Moscow, Russia), <https://orcid.org/0000-0001-8306-5317>

Robin Lakoff, Ph.D, Prof. (Berkeley, USA)

Tat'yana V. Larina, Ph.D, Prof. (Moscow, Russia), <https://orcid.org/0000-0001-6167-455X>

Eleonora Lassan, Ph.D, Prof. (Kaunas, Lithuania), <https://orcid.org/0000-0001-9415-9757>

Valentina A. Maslova, Ph.D, Prof. (Vitebsk, Belarus), <https://orcid.org/0000-0002-7856-0396>

Mei Huang, Ph.D, Prof. (Beijing, China), <https://orcid.org/0000-0003-3580-0107>

Arto Mustajoki, Ph.D, Prof. (Helsinki, Finland), <https://orcid.org/0000-0002-6609-7090>

Boris Y. Norman, Ph.D, Prof. (Minsk, Belarus), <https://orcid.org/0000-0001-8520-5387>

Natalia V. Orlova, Ph.D, Prof. (Omsk, Russia), <https://orcid.org/0000-0003-1761-4765>

Bert Peeters, Ph.D, Prof. (Canberra, Australia), <https://orcid.org/0000-0001-8422-4156>

Valeri V. Prozorov, Ph.D, Prof. (Saratov, Russia), <https://orcid.org/0000-0002-6386-0759>

Renate Rathmayr, Ph.D, Prof. (Vienna, Austria), <https://orcid.org/0000-0003-3038-2276>

Tat'yana V. Shmelyova, Ph.D, Prof. (Velikiy Novgorod, Russia), <https://orcid.org/0000-0002-3360-0518>

Vladimir A. Salimovsky, Ph.D, Prof. (Perm, Russia), <https://orcid.org/0000-0002-4925-2490>

Olga B. Sirotina, Ph.D, Prof. (Saratov, Russia), <https://orcid.org/0000-0002-3258-4536>

Alexandr P. Skovorodnikov, Ph.D, Prof. (Krasnoyarsk, Russia), <https://orcid.org/0000-0002-0171-596X>

Tat'yana I. Steksova, Ph.D, Prof. (Novosibirsk, Russia), <https://orcid.org/0000-0003-4275-7450>

Zifa K. Temirgazina, Ph.D, Prof. (Pavlodar, Kazakhstan), <https://orcid.org/0000-0003-3399-7364>

Maria Yelenevskaya, Ph.D, Prof. (Haifa, Israel), <https://orcid.org/0000-0001-7155-8755>

СОДЕРЖАНИЕ

Общие проблемы теории речевых жанров

- В. И. Карасик**
Москва, Россия
- Высказывание, жанр, дискурс:
семиотическое моделирование 90

Исследования отдельных жанров

- А. В. Сидоренко**
Стерлитамак, Россия
- Запрет в системе речевых и фольклорных жанров 100
- И. А. Тарасова**
Саратов, Россия
- «Канцелярская эстетика» в жанре рецензии-открытки 110
- М. М. Халиков**
Самара, Россия
- Зрелищно-игровые аспекты речевых жанров:
надписи на футболках 118
- З. К. Темиргазина,
А. Д. Амренов**
Павлодар, Казахстан
- Культурная специфика метафоры «жилище» –
«семья» в казахских свадебных тостах 128
- М. В. Батюшкина**
Омск, Россия
- К вопросу о жанровых особенностях
конституционных преамбул 136

Жанры в художественном творчестве

- Э. Лассан**
Вильнюс, Литва
- В. Шендерович. «Соло на флейте»:
к проблеме определения жанра
(между злой сатирой и литературной фугой) 146

Интернет-жанры

- Ю. В. Шурина**
Чита, Россия
- Речевые жанры русскоязычного сегмента социальной
сети Instagram 155

CONTENTS

General Problems of the Speech Genres Theory

- Vladimir I. Karasik** Utterance, Genre, Discourse: Semiotic Modeling..... 90
Moscow, Russia

Studies of Individual Genres

- Alexey V. Sidorenko** The Taboo in the System of Speech and Folklore Genres 100
Sterlitamak, Russia
- Irina A. Tarasova** “Aesthetics of Kantselyarit” in the Genre of Review-Postcard..... 110
Saratov, Russia
- Magomed M. Khalikov** Spectacular and Ludic Aspects of Speech Genres:
Samara, Russia T-shirt-legends..... 118
- Zifa K. Temirgazina,** Cultural Specificity of the “Housing” – “Family” Metaphor
Adilbek D. Amrenov in Kazakh Wedding Toast 128
Pavlodar, Kazakhstan
- Marina V. Batyushkina** To the Question of Genre Features of Preambles
Omsk, Russia to Constitutions..... 136

Genres in Art

- Eleonora Lassan** V. Shenderovich. “A Flute Solo”:
Vilnius, Lithuania on the Problem of the Genre Definition
(between a Wicked Satire and a Literary Fugue) 146

Internet Genres

- Yulia V. Shchurina** Speech Genres of the Russian Language Segment
Chita, Russia of Instagram Social Network..... 155

ОБЩИЕ ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ РЕЧЕВЫХ ЖАНРОВ

УДК 81'42:004.738

ББК 81

DOI: <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2020-2-26-90-99>**В. И. Карасик**
Москва, Россия**Vladimir I. Karasik**
Moscow, Russia**Высказывание, жанр, дискурс:
семиотическое моделирование****Utterance, Genre, Discourse: Semiotic Modeling**

Предложен семиотический подход к моделированию дискурса, представляющий собой его характеристику с позиций 1) соотношения его формы и содержания, 2) определения типов содержания. В первом случае можно выделить три уровня манифестации дискурса на основании признака контекстуализации – высказывание, жанр и тип дискурса. Во втором случае уточняются семиотически релевантные признаки его содержания. Осмысление дискурса как сигнального, иконического или символического знакового образования дает возможность осветить 1) его фатическое осуществление, 2) его тематику в связи с обстоятельствами общения и 3) правила, лежащие в основе его организации. Объяснение дискурса с позиций соотношения его семантики, прагматики и синтактики сориентировано на раскрытие 1) его тематики, 2) личностно-ситуативных характеристик общения (особенно значимы в этом плане различные типы неассертивных смыслов – эмблемы, аллегории и символы) и 3) дискурсивной комбинаторики, интердискурсивных связей и эволюционных изменений дискурса. Семиотическое моделирование дискурса раскрывает его многомерную природу и дает возможность учесть его структурные, тематические, социально-психологические, тонально-прагматические и ситуативно-режимные параметры.

Ключевые слова: дискурс, жанр, высказывание, модель, семиотика, смысл.

The paper deals with semiotic representation of discourse treated as a text immersed in a communicative situation. In this respect discourse may be analyzed from the point of view of 1) its form and content correlation and 2) types of its content. The first approach makes it possible to single out three contextually relevant levels of discourse manifestation: 1) a concrete situationally bound utterance or text, 2) a text genre and 3) a discourse type. The second approach is aimed at description of semiotically relevant contentive types of discourse. Three types of signs as proposed by Ch. Pierce allow us to describe signal, iconic and symbolic types of discourse corresponding to 1) phatic communion conventions, 2) topic and situation correlation and 3) programs of behavior as implanted in discourse. Three types of sign meaning (semantic, pragmatic and syntactic sign dimensions) as postulated by Ch. Morris focus on 1) the meaning of discourse (its topic), 2) personal and situational characteristics of interactions (non-assertive components of meaning – emblems, allegories and symbols – are especially important in this respect), 3) inter-discourse combinations, correlations and evolution patterns. Semiotic modeling of discourse enables us to see its multidimensional nature and describe its structural, topical, social, psychological and situational qualities.

Keywords: discourse, genre, utterance, model, Semiotic, meaning.

Сведения об авторе: Карасик Владимир Ильич, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры общего и русского языкознания.

Место работы: Государственный институт русского языка имени А. С. Пушкина, Москва.

E-mail: vkarasik@yandex.ru

<https://orcid.org/0000-0001-8306-5317>

About the author: Karasik Vladimir Ilyich, Doctor of Philology, Professor of the Department of General and Russian Linguistics.

Place of employment: Pushkin State Russian Language Institute, Moscow.

E-mail: vkarasik@yandex.ru

<https://orcid.org/0000-0001-8306-5317>

В науке противопоставляются феномены (явления, подлежащие изучению) и конструкты (модели этих явлений, построенные исследователями). К числу таких моделей относятся схемы, отражающие совокупности подходов

к изучению дискурса. Изучение дискурса привлекает к себе внимание многих современных исследователей [1–19]. Основные подходы к осмыслению этого феномена сводятся к моделированию его структурных, функцио-

нальных, культурно-исторических и личностно-ситуативных характеристик. Соотношение феномена и конструкта в гносеологическом плане соответствует принципам познаваемости мира, полиаспектности явлений и вытекающей отсюда множественности моделей и асимптотическому приближению конструкта к реальности, т. е. мир познаваем, допускает множество измерений, и наши представления о реальности постоянно приближаются к ее сути.

В данной работе предлагается модель изучения дискурса, в основу которой положены его семиотические характеристики. Дискурс понимается как текст, погруженный в ситуацию общения (уточненная формулировка известного определения «Речь, погруженная в жизнь», по Н. Д. Арутюновой).

В семиотическом плане, как известно, противопоставляются форма и содержание знака, и если дискурс рассматривается как семиотический феномен, то мы вправе выделить его формальные и содержательные признаки. Форма знака представляет собой его чувственно воспринимаемую оболочку, то, что называется телом знака. Применительно к языковым единицам мы говорим о трехуровневом понимании формы языкового знака. На первом уровне (это фонетические или графические знаки) перед нами чувственно воспринимаемые сигналы. На втором уровне – сигналы сигналов, речь идет о значении как знаке, для которого содержание чувственно воспринимаемой оболочки превращается в форму, такова семиотическая природа слов и словосочетаний, а также автосемантических высказываний, взятых вне контекста. На третьем уровне происходит усложнение знаковых характеристик языковых единиц, которые становятся единицами общения и в которых значение приобретает статус смысла, привязанного к ситуации и личностям участников коммуникации, схематически это сигнал сигнала, здесь имеет место двойное переверачивание формы и содержания с переходом этих сущностей на новую ступень. Контекстуализация – это переход знака на его высший уровень. Двигаясь в обратном направлении, мы можем сказать, что контекстуализованный знак открыт нам для непосредственного восприятия и осмысления, далее мы можем установить его значение как абстрактный конструкт и, наконец, определить его форму (тип).

Применительно к дискурсу как ситуативно и культурно обусловленному коммуникативному феномену его контекстуальная ипостась сводится к тексту и релевантным признакам ситуации, позволяющим понять этот текст в его конкретном воплощении. Абстрагируясь

от конкретного текста, мы приходим к текстотипу, и, обобщая ситуативные характеристики коммуникации, мы говорим о дискурсивном жанре. Самой абстрактной ступенью представления дискурса становится в таком случае определение его типа. Например, сталкиваясь с устным телевизионным выступлением политика, мы понимаем, что перед нами жанр предвыборных дебатов, и относим это явление к политическому дискурсу. Это справедливо и в отношении любого типа дискурса: мы видим конкретный текст рассуждений, оформленных по канонам научной статьи, понимаем, что перед нами статья, и оцениваем ее как соответствующую или не соответствующую научному дискурсу в той или иной его тематической предметной разновидности. Таково содержательно-формальное измерение дискурса.

Уточнение содержательных семиотических характеристик языковых знаков представлено в трех типах знаков, по Ч. Пирсу: иконических, сигнальных и символических [20]. Первые являются изобразительными и, замещая реальность, содержат узнаваемые характеристики этой реальности (таковы идеограммы и звукоподражания), вторые принципиально условны и связаны с реальностью только произвольно (подавляющее большинство языковых знаков), третьи включают программу интерпретации (знак превращается в ориентир поведения, например, этикетное приветствие требует ответного этикетного приветствия). Заметим, что третий тип знаков не вписывается в строгую дихотомическую модель соответствия либо несоответствия знака и референта, предполагает качественно иное осмысление знака, и поэтому представляет собой переход от семантики к прагматике знака.

Применительно к дискурсу противопоставление иконических и сигнальных знаков, т. е. противопоставление иконического и сигнального общения, может быть осмыслено как информативное либо фатическое общение, в первом случае в коммуникации есть связь между тематическим содержанием и обстоятельствами коммуникации, во втором случае такой связи нет. Символическое осмысление дискурса (в семиотическом понимании символа) предполагает поведение его участников в соответствии с дискурсивными нормами. В научном дискурсе его конститутивными признаками считаются рациональная аргументация и доказательность, в рекламном дискурсе – эмоциональное воздействие на адресата и персуазивность, включающая отсылки к авторитету и допускающая манипулятивность. Отметим, что в реальном общении эти простые схемы усложняются, поскольку имеет место размывание дискурсивных границ, с од-

ной стороны, и каждый тип дискурса и каждый жанр представляет собой полевое образование, включающее типичные и менее типичные разновидности, с другой стороны. Например, в жанре научного доклада могут появиться включения, относящиеся к политической полемике, рекламному продвижению своей позиции или к несерьезному общению. Так, в научном докладе, посвященном специфике понимания лингвистики и филологии, один авторитетный ученый недавно разбил наше научное сообщество на лингвистов (тех, кто изучает язык как систему), филологов (тех, кто исследует и описывает различные тексты) и «ренегатов от лингвистики» (тех, кто претендует на строгое научное моделирование языковых единиц, но занимается истолкованием их употребления в речи). Такая полемика вызвала улыбки аудитории, но в свое время квалификация тех или иных научных конструкций как примеров буржуазной лженауки приводила авторов этих конструкций к весьма печальным последствиям.

Важнейшей семиотической моделью содержания знаков является противопоставление трех функциональных характеристик этих явлений – семантики, прагматики и синтактики, т. е. отношения знака к реальности, к интерпретатору и к другим знакам [21]. Обычно в качестве иллюстрации приводится средний уровень бытования языковых знаков – лексические знаки. Так, мы понимаем, что слово «цирк» в его прямом значении относится к развлекательному учреждению, в котором работают акробаты, укротители, иллюзионисты, клоуны и т. д. («*Давайте сходим в цирк в воскресенье?*»), в переносном смысле может означать нечто несерьезное («*Это было не торжественное заседание, а цирк*») и системно соотносится с другими словами, обозначающими развлечения либо нечто предвзвешенное («*Я не очень люблю цирк, лучше сходим в театр*»; «*Надоел этот цирк по телевизору на одну и ту же тему, этот бесконечный балаган*»). Дискурсивное осмысление функциональных знаковых характеристик содержания общения позволяет раскрыть его семантические, прагматические и синтаксические особенности.

Семантика дискурса – это его тематическая отнесенность с ситуативно-личностными уточнениями. Таковы, например, типичные проявления медицинского дискурса в жанре рекомендации:

«Евгений Алексеевич, Вам нужно сбалансировать диету, больше гулять на свежем воздухе и отказаться от вредных привычек. Выходите на прогулку каждый день, лучше в парке. У вас неплохие показатели для

вашей возрастной группы. Постарайтесь поменьше нервничать, смотрите по телевизору передачи о животных. Вот вам рецепт, это новое лекарство, у него нет побочных эффектов. Всего Вам доброго!».

Тема дискурса – состояние здоровья пациента. Ситуативно-личностное уточнение темы – кабинет врача, указание на возраст пациента, некоторое сокращение дистанции между участниками общения, установление доверительных добрых отношений между врачом и пациентом. Дополнительная информация – намеренное либо ненамеренное продвижение определенных медицинских препаратов. Дополнительная культурно-ситуативная информация – характеристика телевизионных передач. Читатель, знакомый с современным российским телевидением, знает, что достаточно часто по основным каналам идут различные политические ток-шоу, вызывающие рост тревожности у широкой аудитории, особенно у людей старшего возраста.

Прагматическое измерение дискурса позволяет установить характеристики воздействия участников общения друг на друга, этот аспект речевой деятельности выдвигает на первый план не тематическую предметную специфику коммуникации, а лично- и ситуативно-обусловленные установки коммуникантов.

Личностные установки участников общения дают возможность определить и описать типичные векторы моделирования дискурса как интерактивного события. В такой интеракции можно противопоставить лично- и статусно-обусловленное общение. В первом случае участники дискурса ведут себя так, как хорошо знающие друг друга партнеры по коммуникации, во втором случае они выступают в качестве представителей тех или иных социальных групп [22]. Это противопоставление основано на известной модели коммуникативных дистанций, предложенных Э. Холлом [23]. Разграничиваются четыре типа таких дистанций – интимная, дружеская, социальная и публичная. Эти дистанции соответствуют возможностям физического контакта и, что важно в коммуникативном плане, влияют на способы общения. Интимная дистанция (ребенок на руках у матери либо обнимающиеся влюбленные) вряд ли интересна для лингвистического описания. Дружеская дистанция (люди, которые держатся за руки или могли бы это делать) характеризуется специфической манерой речи: быстрый темп, не очень четкое проговаривание, наличие жаргонизмов и, в ряде случаев, сниженной лексики, обрывы фраз в случаях, когда собеседник уже понял сообщение, а главное – установка на то, что пресуппозиции собеседника совпадают

с пресуппозициями говорящего, и поэтому нет необходимости в пояснениях. Социальная дистанция (общение на расстоянии, предполагающем, что собеседник услышит сказанное с нейтральной громкостью голоса) ориентирует коммуникантов на общение с незнакомыми или полужнаемыми людьми и отличается отчетливостью речи, стремлением использовать только единицы нейтрального стиля, допущением того, что пресуппозиционный фонд собеседника не совпадает с таким фондом говорящего. На этой дистанции осуществляется общение в различных социальных институтах и люди ведут себя в соответствии с институциональными нормами. Публичная дистанция в этом ряду отличается от всех предшествующих вариантов общения, поскольку расстояние между коммуникантами столь велико, что отправителю речи приходится форсировать голос, контролировать мимику и жесты, при этом общение перестает быть симметричным, поскольку слушающие преимущественно молчат и могут лишь демонстрировать понимание или непонимание и ту или иную степень поддержки по отношению к говорящему.

В лингвистическом плане наибольший интерес представляют дружеская и социальная дистанции общения. Первая характеризует общение между своими, вторая – между чужими. Общение между своими распадается, в свою очередь, на коммуникацию бытовую и бытийную, бытовое общение обеспечивает нормальное функционирование первичных малых групп общества, это коммуникация в семье и между друзьями, бытийное характеризует эмпатическое проникновение во внутренний мир другого человека, пусть и незнакомого, но как бы своего, и относится к художественной литературе, а также к некоторым разновидностям общения с самим собой (личный дневник) или религиозного диалога (исповедь). На уровне личностно-обусловленного дискурса на первый план выступает соотношение между сказанной и подразумеваемой информацией. Отметим, что в семиотике этот вопрос трактуется с двух позиций.

Первая состоит в фундаментальном свойстве любого знака, который лишь частично передает некоторое содержание: всякое высказывание есть иносказание, по Л. С. Выготскому [24]. Любое сообщение представляет собой нечто, подобное айсбергу, и невысказанная часть смысла в нем превалирует. Как только пресуппозиция озвучивается, этот айсберг переворачивается, и адресат вынужден конструировать то, что не высказано:

У людей есть глаза, чтобы видеть. – Простите, я не заметил, что это место занято.

В приведенном диалоге первая реплика представляет собой констатацию общеизвестного положения дел, но содержит упрек адресату, который не обратил внимания на то, что некоторое место было занято. Такие высказывания часто оказываются прагматически нагруженными. Можно согласиться с тем, что в таких высказываниях проявляется «принцип некооперации» [25], осознанное стремление говорящего выйти на конфликт.

Выражение неассертивной, скрытой части высказывания преследует разные цели, в том числе делает такое речевое высказывание необычным и запоминающимся. Такова, например, реклама на одном из кафе:

Мы кормим людей!

Первая реакция при прочтении такого текста – удивление: кого же еще можно кормить в кафе? Пресуппозиция, лежащая в основе предназначения любого предприятия общественного питания – столовой, кафе или ресторана, состоит в том, что посетителями этих заведений являются люди. Дальнейшее тема-рематическое движение мысли при прочтении этого занятного объявления фокусирует наше внимание на акцентированном выражении субъекта: оказывается, что только в этом кафе кормят людей. Третий вариант осмысления этого текста связан с действием, соответственно, возникает мысль о том, что в других подобных заведениях с посетителями делают что-то иное. В целом же можно констатировать, что рекламная цель этого объявления выполнена, такой текст запоминается и привлекает внимание посетителей к этому кафе.

Вторая позиция отражает естественное различие между высказываниями, предназначенными для выражения прямого или непрямого смысла. В обиходной и необходимой речи высказывания, не требующие глубинного осмысления, представлены достаточно широко:

По пути домой купи хлеб; У меня горло болит; Заходите, садитесь. На что жалуетесь? и т. д.

Наряду с этими коммуникативными образцами в общении широко представлены различные виды непрямого общения [26]. Можно выделить два основных подхода к моделированию знаков непрямого общения: в первом случае нас интересует соотношение между выраженным и невыраженным смыслами, во втором случае – интерпретативный вектор смысла.

Говоря о соотношении между невыраженной и выраженной информацией, отметим

бинарное единство пресуппозиции и ассерции, подразумеваемого и эксплицированного компонентов знания. Содержательные характеристики этих компонентов знания весьма различны, в пресуппозициях разграничиваются знания о мире и о нормах поведения, но выделяются и другие основания для построения типологии невыраженного знания, например, общечеловеческие и этноспецифические пресуппозиции. Этноспецифические неассертивные установки образуют совокупность фоновых знаний [27, 28]. Такие неассертивные части смыслов могут быть нейтральными либо маркированными для той или другой группы людей. Например, по неписанному кодексу заключенных им нельзя поднимать с пола упавшую ложку.

В прагмалингвистике традиционно выделяются импликации и инференции, т. е. невыраженный смысл высказывания, соотносимый с позициями отправителя либо получателя речи. Такое распределение интерпретативных позиций соответствует известной модели Дж. Остина [29], в которой противопоставляются локуция, иллокуция и перлокуция (то, что сказано, то, что вкладывается в текст, и то, что воспринимается). Соглашаясь с этой схемой, подчеркнем, что во многих элементарных ситуациях иллокутивный и перлокутивный смыслы совпадают, и, более того, принцип диалогичности общения, сформулированный М. М. Бахтиным [30], нивелирует различия между отправителем и получателем речи. Тем не менее, в ряде случаев импликация и инференция не совпадают:

Едет такси. Сзади сидят двое пассажиров и разговаривают.

– *Представляете – я вчера был в ресторане, так у официанта, когда он наливал вино, не было салфетки на руке.*

– *Да что вы говорите... Я тоже недавно был в ресторане с дамой, так официант мне поддал сначала мне!*

– *Да не может быть!*

Водитель не выдержал и спрашивает:

– *Джентльмены, ничего, что я к вам спешу?*

Беседуя о нарушениях этикетных манер поведения, участники общения стремятся подчеркнуть свой статус светских людей и вкладывают в свои высказывания информацию о том, что эти нормы следует знать. Присутствующий при этом третий участник диалога иронически комментирует их беседу, показывая им, что они ведут себя претенциозно.

В лингвистике выделяется также особый тип невыраженной информации – подтекст, т. е. эмоционально-стилевое содержание, вытекающее из коммуникативной ситуации и со-

держания текста [31]. Обычно о подтексте говорят применительно к художественному тексту, но этот тип невыраженной информации можно установить в обиходном дискурсе, а также в любом виде институционального общения – политического, педагогического, медицинского и т. д. Например:

Перебегал улицу на красный свет и был сбит встречным пешеходом (М. Жванецкий).

Мы знаем, что нельзя переходить дорогу при красном свете светофора, но известно также, что многие в нашей стране нарушают это правило. В ироническом наблюдении известного сатирика сталкиваются несколько информационных пластов: фактическое содержание, парадоксальные сведения о происшествии (обычно пешеходов сбивает транспортное средство), эмоциональный подтекст, в котором выражена мягкая ирония по поводу недостаточного уважения к правилам нашими соотечественниками.

Аналогичный подтекст можно увидеть в примечании, которое обычно делает мой друг, уважаемый российский лингвист, сообщая коллегам в информационной рассылке о предстоящих конференциях:

Дедлайн на самом деле до (указывается дата).

Подразумевается, что мы обычно надеемся на то, что можно немного опоздать.

Интерпретативный вектор смысла акцентирует внимание не на содержании некоторого текста, а на тех установках интерпретатора, которые обеспечивают понимание высказывания. Можно выделить три разновидности таких установок: эмблематическая, аллегорическая и символическая интерпретация дискурса [32]. Эмблематическое понимание дискурса выводит на первый план характеристики личностей коммуникантов. Например:

Ты как с матерью разговариваешь?

Человек должен знать, что с матерью следует общаться с уважением.

Entre nous, спектакль не очень интересен.

Говорящий использует французское выражение («между нами (будь сказано)») для того, чтобы показать свой образовательный статус и продемонстрировать собеседнику, что относит его к людям своего круга.

Моделирование коммуникативных эмблем представляет собой обширное поле для исследований. Сюда относятся, в частности, определенные дискурсивные образования, позволяющие сразу же определить, кем является или кем хочет себя показать собеседник:

Я как историк считаю, что...; Ты чё, типа сачкуешь?; Помогите, милоч!

Подобные эмблемы представляют собой ориентиры для построения коммуникативных установок в любом диалоге.

Аллегорическая организация общения представляет собой намеренное использование знаков, требующих поиска подразумеваемой информации и обычно, хотя и не всегда, допускающих единственное прочтение. Это использование пословиц, цитат, аллюзий, притч и басен или их фрагментов с целью назидания, выражения иронического отношения к чему-либо или для создания определенной атмосферы общения:

Извините, я забыл указать издательство на титульной странице. – Человеку свойственно ошибаться.

Отвечающий даёт понять, что не считает проблему серьезной.

Ничего я не доказал начальнику... Против лома нет приёма.

Оправдываясь, говорящий констатирует ограниченность своих возможностей и, по всей видимости, несправедливость мироустройства.

Символическое осмысление дискурса нацелено на поиск сверхценной информации и допускает множественность интерпретации смысла [33]. Отметим, что в данном случае семиотическое понимание символа как программы интерпретации знака уточняется: перед нами прагматический символ. Например:

Нашедший грош и не поднявший его не стоит даже этого гроша (Мидраш).

В этом изречении говорится о том, что следует ценить те возможности, которые открываются перед нами, какими бы малыми они ни казались вначале. Другое толкование обращает наше внимание на то, что человек сам виновен в том, что с ним происходят те или иные неприятности. Третья интерпретация напоминает нам о том, что не следует отчаиваться, какой-нибудь шанс появится. Список можно продолжить. В этом состоит специфика интерпретации символов: они принципиально открыты для дальнейших толкований. Вместе с тем подчеркнем, что один и тот же текст может быть проинтерпретирован в прямом смысле либо в переносном, а в переносном в ряде случаев воспринят эмблематически, либо аллегорически, либо символически.

У ситуативно-обусловленных установок есть внешние и внутренние характеристики регуляции взаимоотношений между коммуникантами. Внешние характеристики сводятся к пониманию особенностей коммуникативного

режима, который может быть устным либо письменным, контактными либо дистантными, протоколно-документальными либо естественными. Эти и другие характеристики режима общения детально охарактеризованы в известном исследовании М. Халлидея [34]. Внутренние характеристики коммуникативного режима представляют собой выбор определенной коммуникативной тональности, т. е. эмоционально-стилевого формата общения. Такая тональность весьма разнообразна и может быть содержательной либо фатической, информативной либо фасциативной, серьезной либо несерьезной (доброжелательно-шутливой, иронической, саркастической, ернической), идеологически нейтральной либо маркированной, обиходно-естественной либо ритуальной и т. д.

Приведу примеры несерьезной коммуникативной тональности. В Интернете размещено множество шуток о специфическом одесском отношении к жизни:

Одесса. В фойе театра висит заботливое объявление: «Администрация за оставленные вещи переживает, но ответственность всё равно не несёт».

Юмористическая тональность этого объявления состоит в том, что стандартная информация о снятии с себя ответственности за пропавшие вещи сопровождается парадоксальным выражением сочувствия к пострадавшим.

На рынке толкучка. Женщина примеряет шляпы. Вдруг громкий возглас продавщицы:

– Где это чучело, что шляпу меряло?! Сбежала что ли?!

– Да тут я, тут.

– Ой, мадам, вас просто не узнать! Богиня, красавица, ну настоящая графиня!!!

Юмористический эффект диалога заключается во внезапном радикальном изменении отношения продавщицы к покупателю (чучело – богиня). Мы понимаем, что на самом деле это отношение не изменилось, но такое коммуникативное сальто заставляет читателя или слушателя улыбнуться.

В одесском автобусе. Напротив Мони села девушка с метлой в руках. Он еле удержался, чтобы не спросить: – Что, не заводится?

В этой потенциальной реплике видна прямая аллюзия: на метле летают ведьмы, и понятно, что такой вопрос, если бы он прозвучал, стал бы прямым оскорблением. Дополнительная информация осознаётся не сразу: и у ведьмы может случиться поломка, тогда ей приходится ехать в общественном транспорте с простыми людьми. Ситуация

приобретает нелепый характер и поэтому вызывает улыбку.

Юмористическая тональность характеризует ситуации, которые произошли с известными одесситами:

Однажды Утёсов и его друг Набатов зашли в одесскую парикмахерскую. – Будьте добры, постригите меня, – попросил Леонид Осипович мастера. Тот отмахнулся: – У меня обеденный перерыв. – Ну что ты мелешь! – возмущился Набатов. – Ведь перед тобой сам Леонид Утёсов! – Ну да. Так я и поверил. Нашли дурака. – Спокойно ему, – предложил Илья Семенович Утёсову. И тот исполнил куплет известной песни об Одессе. – Ух ты! – восторженно произнес парикмахер. – Вы и вправду Утёсов. – Ну вот и постриги меня. – Сейчас не могу, у меня обеденный перерыв.

Юмористический эффект этой ситуации заключается в нарушении пресуппозиции. Предполагается, что встреча с великим популярным певцом изменит отношение парикмахера к своему посетителю. В результате оказывается, что обеденный перерыв важнее, чем любое другое событие. Такая иерархия ценностей представляется нам комичной. Этот текст в определенной мере технологичен: последовательность реплик программируется.

Синтактика знака в семиотике характеризует соотношение этого знака с другими знаками в системе и их множественную взаимосвязь. Применительно к дискурсу можно говорить о дискурсивной комбинаторике, с одной стороны, и интердискурсивных связях, с другой стороны. Эти два направления синтактики дискурса в полной мере соответствуют синтагматике и парадигматике языковых знаков, по Ф. Соссюру. Уместным представляется и третье измерение дискурса, вытекающее из эпидигматики языкового знака, по Д. Н. Шмелеву [35], т. е. эволюция того или другого дискурса.

Существуют определенные типовые комбинации конкретных высказываний, либо жанров, либо типов дискурса. Так, медийный дискурс смыкается с рекламным, развлекательным и политическим, научный – с педагогическим и просветительским, жанр статьи предполагает связь с жанром рецензии, проповедь связана с исповедью, жалоба – с утешением, оскорбление – с ответным оскорблением и т. д. Отметим, что комбинаторика жанров и конкретных высказываний в составе жанров может носить однородный либо разнородный характер, т. е. жанры могут линейно комбинироваться в рамках одно и того же дискурса либо сочетаться с жанровыми образованиями, относящимися к другому дискурсу (например,

экзаменаторы порой начинают объяснять экзаменуемым суть вопросов, превращая экзамен в лекцию, но иногда вступают с ними в полемику, не относящуюся к теме собеседования, переводя общение в бытовую плоскость).

Интердискурсивные характеристики общения представляют собой ассоциативные отсылки того или другого конкретного высказывания к иной коммуникативной ситуации (цитирование, аллюзия или пародия) либо к иному речевому жанру или типу дискурса.

Стихотворение Н. Басовского является откликом на замечательный поэтический текст Д. Самойлова «Давай уедем в город» («Давай уедем в город, где мы с тобой бывали»):

*Давай уедем в город, где не были ни разу,
нисколько не похожий на виденные прежде,
а разве что на мельком услышанную фразу
о снова обретенной нечаянной надежде.*

*Давай уедем в город, не думая о плате, –
платить придется завтра, а нынче всё
неважно:*

*душа плывёт над миром кабинкой на канате,
и вниз глядеть так остро – и весело,
и страшно.*

*Давай уедем в город, устроим на день
праздник,
порадуемся молча пока зелёным веткам,
а городов немало стеснительных и разных,
и что такое праздник? –
листок, летящий с ветром!..*

В этом тексте, ритмически совпадающем с исходным стихотворением, содержится прямая аллюзия ко множеству текстов о летящем с дерева листке, от «Последнего листа» О. Генри до «Опавших листьев» Жака Превера.

В пародии М. Ахтямова «Сальери и Моцарт» ёрнически обыгрываются содержание и форма известной маленькой трагедии А. С. Пушкина:

*Все говорят – нет правды на земле,
Но нет ее и выше – поглядите,
Кому Господь дает и власть и деньги?
Тем неучам бездарным, что и званья
Великого – певец или композитор,
Не заслужили всей своей халтурой,
И смеют за музыку выдавать
Бездарные и пошлые творенья.*

*Тому пример – приятель мой Сальери,
Когда-то мы с ним вместе постигали
Великие, пленительные тайны,
Которые открыл великий Глюк...
Но глюк другой, ужасный с ним случился –*

*Увы и ах! Его пленили деньги.
И вот он в кабаках шансон голимый
Лабает для окрестной козаностры.
И вот уже попсой своей бездарной
Он уши телезрителей калечит.*

Обличительный пафос речи Сальери из исходного текста карнавалено переверачивается в цитируемых словах Моцарта. Прямая цитата «Нет правды на земле, но нет ее и выше» открывает драматическое действие, а затем происходит резкое снижение стиля. Макароническое соединение лексики высокого стиля с современным жаргоном (*глюк, голимый, лабать, попса*), использование итальянского обозначения мафии *cosa nostra* в русской транскрипции превращает эту развернутую аллюзию в буффонаду, карикатурное изображение события.

Производность, эпидигматическое измерение дискурса, показывает варианты развития различных коммуникативных образований. Известно, что все жанры институционального дискурса возникают на базе повседневного общения: бытовая жалоба в определенной ситуации превращается в официальную жалобу на правонарушение действия кого-либо, обидная угроза становится дипломатически закрепленным протокольным текстом, обещание превращается в присягу, похвала переходит в приказ о поощрении сотрудников. Интересны случаи не только жанровой эволюции, но и инволюции (распада коммуникативного образования, не востребованного в изменившихся условиях общения). Например, весьма распро-

Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (проект № 19-012-00609 А «Современная российская аксиосфера: семантическая и прагматическая трансформация русского культурного кода»).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Арутюнова Н. Д. Дискурс // Лингвистический энциклопедический словарь. М.: Сов. энцикл., 1990. С. 136–137.
2. Борботько В. Г. Общая теория дискурса (принципы формирования и смыслопорождения): автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Краснодар, 1998. 48 с.
3. Водак Р. Язык. Дискурс. Политика. Волгоград: Перемена, 1997. 139 с.
4. Дейк Т. А. ван. Язык. Познание. Коммуникация: пер. с англ. Благовещенск: Благовещ. гуманит. колледж, 2000. 310 с.
5. Демьянков В. З. Текст и дискурс как термины и как слова быденного языка // Язык. Личность. Текст:

страненные на определенном этапе развития общества заклинания, представляющие собой обращение к высшим силам, постепенно превратились в присловья и затем почти исчезли.

Подведём основные итоги.

Семиотическое моделирование дискурса представляет собой его характеристику с позиций 1) соотношения его формы и содержания, 2) выделения и описания типов содержания. В первом случае противопоставляются три уровня манифестации дискурса на основании признака контекстуализации – высказывание, жанр и тип дискурса. Во втором случае уточняются семиотически релевантные признаки его содержания. Осмысление дискурса как сигнального, иконического или символического знакового образования дает возможность осветить 1) его фатические условия, 2) его тематику в связи с обстоятельствами общения и 3) правила, лежащие в основе его организации. Объяснение дискурса с позиций соотношения его семантики, прагматики и синтактики сориентировано на раскрытие 1) его тематики, 2) личностно-ситуативных характеристик общения (особенно значимы в этом плане различные типы неассертивных смыслов – эмблемы, аллегории и символы) и 3) дискурсивной комбинаторики, интердискурсивных связей и эволюционных изменений дискурса. Семиотическое моделирование дискурса раскрывает его многомерную природу и дает возможность учесть его структурные, тематические, социально-психологические, тонально-прагматические и ситуативно-режимные параметры.

The research is given a financial support by the Russian Foundation for Basic Research (Department of Humanitarian and Social Science), the research project no. 19-012-00609 entitled «Modern Russian Axiosphere: semantic and pragmatic transformation of the Russian cultural code».

сб. к 70-летию Т. М. Николаевой. М.: Языки славянской культуры, 2005. С. 34–55.

6. Кибрик А. А. Когнитивные исследования по дискурсу // Вопросы языкознания. 1994. № 5. С. 126–139.

7. Кубрякова Е. С. О понятиях дискурса и дискурсивного анализа в современной лингвистике (Обзор) // Дискурс, речь, речевая деятельность: функциональные и структурные аспекты: сб. обзоров. М.: ИНИОН РАН, 2000. С. 7–25.

8. Макаров М. Л. Основы теории дискурса. М.: Гнозис, 2003. 280 с.

9. Манаенко Г. Н. Лингвистические координаты понятия «дискурс» // Вопросы когнитивной лингвистики. 2011. № 4. С. 83–92.

10. Седов К. Ф. Становление дискурсивного мышления языковой личности: психо- и социолингви-

стический аспект. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1999. 180 с.

11. Серю П. Как читают тексты во Франции // Квадратура смысла: Французская школа анализа дискурса: пер. с фр. и португ. М.: Прогресс, 1999. С. 14–53.

12. Степанов Ю. С. Альтернативный мир. Дискурс. Факт и принцип причинности // Язык и наука конца 20-го века: сб. ст. М.: Рос. гос. гуманит. ун-т, 1995. С. 35–73.

13. Чернявская В. Е. Дискурс как объект лингвистических исследований // Текст и дискурс. Проблемы экономического дискурса: сб. науч. тр. СПб.: Изд-во С.-Петербург. гос. ун-та экономики и финансов, 2001. С. 11–22.

14. Brown G., Yule G. Discourse Analysis. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1983. 288 p.

15. Coulthard M. An introduction to Discourse Analysis. L.: Longman, 1985. 212 p.

16. Fairclough N. Discourse and Text: Linguistic and Intertextual Analysis within Discourse Analysis // Discourse and Society. 1992. № 3. P. 192–217.

17. Schiffrin D. Approaches to Discourse. Oxford: Oxford Univ. Press, 1994. 314 p.

18. Slembrouck S. What is meant by “discourse analysis”? URL: <http://bank.rug.ac.be/da/da.htm> (дата обращения: 23.09.19).

19. Stubbs M. Discourse Analysis: The Sociolinguistic Analysis of Natural Language. Oxford: Blackwell, 1983. 272 p.

20. Пирс Ч. С. Избранные философские произведения: пер. с англ. М.: Логос, 2000. 448 с.

21. Моррис Ч. Основания теории знаков // Семиотика / под ред. Ю. С. Степанова. М.: Радуга, 1983. С. 37–89.

22. Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград: Перемена, 2002. 477 с.

23. Hall E. T. The Hidden Dimension. New York: Anchor, 1969. 217 p.

24. Выготский Л. С. Мышление и речь. Изд. 5-е, испр. М.: Лабиринт, 1999. 352 с.

25. Николаева Т. М. О принципе «некооперации» и / или о категориях социолингвистического воздействия // Логический анализ языка: противоречивость и аномальность текста. М.: Наука, 1990. С. 225–235.

26. Дементьев В. В. Непрямая коммуникация. М.: Гнозис, 2006. 376 с.

27. Верещагин Е. М., Костомаров В. Г. Лингвострановедческая теория слова. М.: Рус. яз., 1980. 320 с.

28. Шмелев А. Д. Русская языковая модель мира: Материалы к словарю. М.: Языки славянской культуры, 2002. 224 с.

29. Остин Дж. Слово как действие // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 17. Теория речевых актов. М.: Прогресс, 1986. С. 22–129.

30. Бахтин М. М. Философия поступка. М.: Лабиринт, 1996. 183 с.

31. Гальперин И. Р. Текст как объект лингвистического исследования. М.: Наука, 1981. 140 с.

32. Карасик В. И. Языковая кристаллизация смысла. М.: Гнозис, 2010. 351 с.

33. Аверинцев С. С. Символ // Философский энциклопедический словарь. М.: Сов. энцикл., 1983. С. 607–608.

34. Halliday M. A. K. Language as social semiotic: the social interpretation of language and meaning. L.: Arnold, 1978. 256 p.

35. Шмелев А. Д. Проблемы семантического анализа лексики (на материале русского языка). М.: Наука, 1973. 280 с.

REFERENCES

1. Arutyunova N. D. Diskurs [Discourse]. In: *Lingvisticheskiy enciklopedicheskiy slovar'* [Linguistic Encyclopedic Dictionary]. Moscow, Sovetskaya enciklopediya Publ., 1990, pp. 136–137 (in Russian).

2. Borbot'ko V. G. *Obshchaya teoriya diskursa (principy formirovaniya i smyslopороzhdeniya)* [General theory of discourse: principles of formation and text generation]. Thesis Diss. Dr. Sci. (Philol.). Krasnodar, 1998. 48 p. (in Russian).

3. Vodak R. *Yazyk. Diskurs. Politika* [Language. Discourse. Politics]. Volgograd, Peremena Publ., 1997. 139 p. (in Russian).

4. Dejk T. A. van. *Yazyk. Poznanie. Kommunikaciya* [Language. Cognition. Communication]. Blagoveshchensk, Blagoveshch. humanit. kolledzh, 2000. 310 p. (in Russian).

5. Dem'yankov V. Z. *Tekst i diskurs kak terminy i kak slova obydennoy yazyka* [Text and discourse as terms and words of everyday language]. In: *Yazyk. Lichnost'. Tekst: sb. k 70-letiyu T. M. Nikolaevoy* [Language. Personality. Text: Collection of articles to the 70th anniversary of T. M. Nikolaeva]. Moscow, Yazyki slavyanskoy kul'tury Publ., 2005, pp. 34–55 (in Russian).

6. Kibrik A. A. Cognitive investigations of discourse. *Voprosy yazykoznaneya*, 1994, no. 5, pp. 126–139 (in Russian).

7. Kubryakova E. S. O ponyatiyah diskursa i diskursivnogo analiza v sovremennoy lingvistike (Obzor) [On the notions of discourse and discourse studies in modern linguistics]. In: *Diskurs, rech', rechevaya deyatel'nost': funktsional'nye i strukturnye aspekty: sb. obzorov* [Discourse, speech, speech activity: functional and structural aspects: Collection of reviews]. Moscow, INION RAN, 2000, pp. 7–25 (in Russian).

8. Makarov M. L. *Osnovy teorii diskursa* [Foundations of discourse theory]. Moscow, Gnozis Publ., 2003. 280 p. (in Russian).

9. Manaenko G. N. Linguistic coordinates of the notion “discourse”. *Voprosy kognitivnoy lingvistiki* [Issues of Cognitive Linguistics], 2011, no. 4, pp. 83–92 (in Russian).

10. Sedov K. F. *Stanovlenie diskursivnogo myshleniya yazykovoy lichnosti: psiho- i sociolingvisticheskiy aspekty* [Discursive thinking formation of linguistic personality: psycholinguistic and sociolinguistic aspects]. Saratov, Izd-vo Sarat. un-ta, 1999. 180 p. (in Russian).

11. Serio P. Kak chitayut teksty vo Francii [How texts are read in France] In: *Kvadratura smysla: Francuzskaya shkola analiza diskursa* [Sense quadrature: French School of Discourse Analysis]. Moscow, Progress Publ., 1999, pp. 14–53 (in Russian).

12. Stepanov Yu. S. Al'ternativnyj mir. Diskurs. Fakt i princip Prichinnosti [Alternative world. Discourse. Fact and the cause principle]. In: *Yazyk i nauka konca 20-go veka: sb. st.* [Language and science of the end of 20th century: coll. of art.]. Moscow, Ros. gos. humanit. un-t, 1995, pp. 35–73 (in Russian).

13. Chernyavskaya V. E. Diskurs kak ob'ekt lingvisticheskikh issledovaniy [Discourse as the object of linguistic investigation]. In: *Tekst i diskurs. Problemy ekonomicheskogo diskursa: sb. nauch. tr.* [Text and discourse. Problems of Economic Discourse: Collection of articles].

St.-Petersburg, Izd-vo S.-Peterb. gos. un-ta ekonomiki i finansov, 2001, pp. 11–22 (in Russian).

14. Brown G., Yule G. *Discourse Analysis*. Cambridge, Cambridge University Press, 1983. 288 p.

15. Coulthard M. *An introduction to Discourse Analysis*. London, Longman, 1985. 212 p.

16. Fairclough N. Discourse and Text: Linguistic and Intertextual Analysis within Discourse Analysis. *Discourse and Society*, 1992, no. 3, pp. 192–217.

17. Schiffrin D. *Approaches to Discourse*. Oxford, Oxford University Press, 1994. 314 p.

18. Slembrouck S. *What is meant by “discourse analysis”?* Available at: <http://bank.rug.ac.be/da/da.htm> (accessed 23 September 2019).

19. Stubbs M. *Discourse Analysis: The Sociolinguistic Analysis of Natural Language*. Oxford, Blackwell, 1983. 272 p.

20. Peirce Ch. S. *Izbrannye filosofskie proizvedeniya* [Selected philosophical works]. Moscow, Logos Publ., 2000. 448 p. (in Russian).

21. Morris Ch. Osnovaniya teorii znakov [Foundations of sign theory]. In: *Semiotika* [Semiotics]. Yu. S. Stepanova, ed. Moscow, Raduga Publ., 1983, pp. 37–89 (in Russian).

22. Karasik V. I. *Yazykovo krug: lichnost', koncepty, diskurs* [Linguistic circle: personality, concepts, discourse]. Volgograd, Peremena Publ., 2002. 477 p. (in Russian).

23. Hall E. T. *The Hidden Dimension*. New York, Anchor, 1969. 217 p.

24. Vygotskij L. S. *Myshlenie i rech'* [Thought and speech]. Izd. 5, ispr. Moscow, Labirint Publ., 1999. 352 p. (in Russian).

25. Nikolaeva T. M. O principe “nekooperacii” i / ili o kategoriyah sociolingvisticheskogo vozdejstviya [On the “non-cooperation” principle and / or on categories of sociolinguistic influence]. In: *Logicheskij analiz yazyka: protivorechivost' i anomal'nost' teksta* [Logical analysis of

language: inconsistency and anomaly of text]. Moscow, Nauka Publ., 1990. pp. 225–235 (in Russian).

26. Dement'ev V. V. *Nepryamaya kommunikaciya* [Indirect communication]. Moscow, Gnozis Publ., 2006. 376 p. (in Russian).

27. Vereshchagin E. M., Kostomarov V. G. *Lingvostranovedcheskaya teoriya slova* [Linguistic and cultural theory of word]. Moscow, Russkij yazyk Publ., 1980. 320 p. (in Russian).

28. Shmelev A. D. *Russkaya yazykovaya model' mira: Materialy k slovaryu* [Russian linguistic world model: materials to the dictionary]. Moscow, Yazyki slavyanskoj kul'tury Publ., 2002. 224 p. (in Russian).

29. Austin J. Slovo kak dejstvie [How to do things with words]. *Novoe v zarubezhnoj lingvistike. Vyp. 17. Teoriya rechevyh aktov* [New in foreign linguistics: Issue 17. Theory of Speech Acts]. Moscow, Progress Publ., 1986, pp. 22–129 (in Russian).

30. Bahtin M. M. *Filosofiya postupka* [Philosophy of action]. Moscow, Labirint Publ., 1996. 183 p. (in Russian).

31. Gal'perin I. R. *Tekst kak ob'ekt lingvisticheskogo issledovaniya* [Text as an object of linguistic investigation]. Moscow, Nauka Publ., 1981. 140 p. (in Russian).

32. Karasik V. I. *Yazykovaya kristallizaciya smysla* [Linguistic crystallization of meaning]. Moscow, Gnozis Publ., 2010. 351 p. (in Russian).

33. Averincev S. S. Simvol [Symbol]. In: *Filosofskij enciklopedicheskij slovar'* [Philosophical Encyclopedic Dictionary]. Moscow, Sovetskaya enciklopediya Publ., 1983, pp. 607–608 (in Russian).

34. Halliday M. A. K. *Language as social semiotic: the social interpretation of language and meaning*. London, Arnold, 1978. 256 p.

35. Shmelev D. N. *Problemy semanticheskogo analiza leksiki (na materiale russkogo yazyka)* [Problems of lexis semantic analysis (on the material of the Russian language)]. Moscow, Nauka Publ., 1973. 280 p. (in Russian).

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СТАТЬИ

Карасик В. И. Высказывание, жанр, дискурс: семиотическое моделирование // Жанры речи. 2020. № 2 (26). С. 90–99. DOI: <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2020-2-26-90-99>

For citation

Karasik V. I. Utterance, Genre, Discourse: Semiotic Modeling. *Speech Genres*, 2020, no. 2 (26), pp. 90–99 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2020-2-26-90-99>

Поступила в редакцию: 23.11.2019 / Принята: 17.01.2020 / Опубликовано: 01.06.2020

Received: 23 November 2019 / Accepted: 17 January 2020 / Published: 01 June 2020

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

ИССЛЕДОВАНИЯ ОТДЕЛЬНЫХ ЖАНРОВ

УДК 81'27:811.161.1

ББК 81.2Рус-5

DOI: <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2020-2-26-100-109>

А. В. Сидоренко
Стерлитамак, Россия

Alexey V. Sidorenko
Sterlitamak, Russia

**Запрет в системе
речевых и фольклорных жанров**

Исследование посвящено запрету как традиционному речевому жанру, являющемуся заметной частью актуальной речезанровой системы. Запрет как речевой и отчасти фольклорный жанр основывается на системе поверий, передающихся от поколения к поколению, и обеспечивает соблюдение определенных правил поведения, прежде всего – недопущение действий, способных, согласно традиционной картине мира, принести вред нарушителю. Мотивировка запрета носит чаще всего иррациональный (мифологический) характер, предписание предлагает пути нейтрализации негативных последствий его нарушения. При наличии двух последних компонентов жанр имеет трехчастную структуру. Запрет представлен и в традиционной культуре, и в современной речи, в том числе в детской. Это жанр со свободной структурой, однако знающий и элементы клише. В современной русской речи запрет широко представлен, что подтверждается многочисленными примерами из живой устной речи и художественной литературы. По ряду признаков запрет отличается от близкого к нему жанра – приметы. Среди свойственных запрету синтаксических конструкций выделяются прежде всего различные сложные предложения со значением причины, условия, следствия, цели, односоставные неопределенно-личные предложения «генерализованной семантики». Традиционные мотивировки к запретам нередко метафоричны, архаичны, содержат демонологическую лексику, единицы с семами 'смерть', 'болезнь', 'лишение' и т. п. Источником содержания запрета является не субъект, но коллектив, поэтому вербализация его текста совсем не обязательно осуществляется адресантом более высокого статуса. В зависимости от этого параметра в основе речевого жанра запрета могут лежать речевые акты запрета или предостережения.

Ключевые слова: запрет, детская речь, мотивировка, предписание, традиционная культура, фольклор, суеверия, система речевых жанров современности.

**The Taboo in the System of Speech
and Folklore Genres**

The research deals with the taboo as a traditional speech genre, which is a prominent part of the contemporary system of speech genres. The taboo as a speech and partly folklore genre is based on the system of beliefs passed down from generation to generation, and ensures compliance with certain rules of behavior, first of all – preventing actions which, according to the traditional world view, can harm the violator. The motivation of the taboo is most often of irrational (mythological) character, the prescription suggests ways to neutralize the negative consequences of its violation. With the latter two components, the genre has a three-part structure. The taboo is presented both in traditional culture and in modern discourse, including children's discourse. This is a free-structure genre, but it also includes elements of a cliché. In modern Russian discourse, the taboo is widely represented, which is evidenced by numerous examples from spoken language and fiction. On a number of grounds, the taboo differs from a close to it genre – omen. Syntactic constructions of taboo include, first of all, different types of polypredicative sentences with the semantics of cause, condition, consequence, purpose, mononuclear sentences of “generalized semantics”. Traditional motivations for the taboo are often metaphorical, archaic, contain demonological vocabulary, words with the sems “death”, “disease”, “deprivation”, etc. The source of the content of the taboo is not the subject, but the collective, so the verbalization of its text is not necessarily carried out by the addresser of a higher status. According to this parameter, the speech genre of the taboo may be based on speech acts of prohibition or caution.

Keywords: taboo, children's discourse, motivation, prescription, traditional culture, folklore, superstition, the contemporary system of speech genres.

Сведения об авторе: Сидоренко Алексей Владимирович, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка.

About the author: Sidorenko Alexey Vladimirovich, Candidate of Philology, Associate Professor of the Department of the Russian Language.

Место работы: Башкирский государственный университет, Стерлитамакский филиал.

E-mail: alexeysidorenkoff@gmail.com

<https://orcid.org/0000-0002-9656-6820>

Place of employment: Sterlitamak Branch of the Bashkir State University.

E-mail: alexeysidorenkoff@gmail.com

<https://orcid.org/0000-0002-9656-6820>

Вводные замечания. Суеверия и язык

Суеверия являются неискоренимым спутником жизни человека. Они противоречат как научному, так и религиозному мировоззрению, но активно влияют на речевую практику современности. Примером является модное словоупотребление «крайний» вместо «последний» (ср. аномальные сочетания типа *крайний альбом музыканта, крайняя вахта рабочего, крайняя пара студента*), присутствующее даже ведущим федеральных СМИ (см. перечень примеров такого рода и анализ явления в работе [1]). Следы суеверий в языке многочисленны: это эвфемизмы (*враг* вместо *дьявол* [2: 87]), фразеологизмы – пожелания и предостережения (*тьфу-тьфу, чтоб не сглазить; не к ночи будет сказано; ни пуха ни пера*) и т. п. Суеверия отражаются в массовой культуре (песня «Чёрный кот») и современном фольклоре, где они часто пародируются, высмеиваются:

Женщина – любовнику, с которым ее застиг муж:

– Прыгай с балкона.

– Здесь же тринадцатый этаж!

– Прыгай, сейчас не до суеверий!

Переворот в культурной парадигме, свершившийся под знаменем перестройки, создал благоприятные условия для вторжения самых разных поверий, суеверий и т. п. в картину мира жителя советского, а затем постсоветского пространства. Конкуренция между системами верований и ценностей, предлагаемыми традиционными для России конфессиями, восточными учениями, сектами, лжеучителями, магами, экстрасенсами, телевизионными целителями и т. п., породила изменения и в речевых жанрах русской культуры. Возвращение традиционных церковных жанров массовой аудитории (*отпевание, проповедь, слово* и др.) привело к обоснованию включения в традиционную систему функциональных стилей русского языка и «хорошо забытого старого» религиозно-проповеднического стиля [3]. В согласии с положением М. М. Бахтина о том, что «в каждой сфере речевой деятельности вырабатывается целый репертуар речевых жанров» [4: 159], СМИ и книжные издательства стремительно предложили читателю и зрителю систему речевых жанров (далее – РЖ) оккультно-магического и астрологического характера: *гороскопы, предсказания*

(*Нострадамус, Ванга* и др.), *пособия по чёрной и белой магии, телесеансы магии и целительства, заговор* и т. п. Последний, по словам исследователей, «вновь вошел в живую речевую практику» [5: 332]. Однако едва ли правомерно отождествлять его с традиционным *заговором*, поскольку, во-первых, сменилась общекультурная парадигма и произошла перестройка всей системы РЖ (жанры той же сферы, что и *заговор*, – *заклинание, приговор, благопожелание* – находятся на периферии); во-вторых, традиционный *заговор* – жанр особый, часто недоступный профанному носителю языка (в отличие от *заклинания*). Так, нередко налагаются жесткие ограничения на адресанта *заговора* [6: 239], способы передачи таких текстов [7: 53] и т. д. Разумеется, новые колдуны стремятся выдержать стиль текстов *заговора*, который и сегодня выглядит подчеркнуто архаичным [5: 332]. Однако этот РЖ, по-видимому, является вторичным.

Жанр запрета в традиционной культуре

Между тем существует традиционный РЖ, сущностных основ которого, как кажется, не коснулись изменения в русской культуре. Его многовековое существование подкрепляется системой традиционных *запретов*, благополучно передаваемых в России от поколения к поколению в разных идеологических контекстах. Как мы увидим далее, основная масса такого рода *запретов* зафиксирована уже В. И. Далем в «Пословицах и поговорках русского народа» (см. разделы «Человек – Приметы» (том I) и «Суеверия – Приметы» (том II) [8]). Приведем в качестве иллюстрации фрагмент из романа А. Сальникова «Петровы в гриппе и вокруг него» (2017): «*Мать сказала, что в доме свистеть нельзя, а то не будет денег*». В данном высказывании вербализуется один из общеизвестных в русской культуре *запретов* и его *мотивировка*.

Согласно Л. Н. Виноградовой и С. М. Толстой, *запреты (табу)* – это «система правил, регламентирующих бытовое и обрядовое поведение и хозяйственную деятельность индивидуума и коллектива... <...> особый разряд верований и особый языковой (в определенной степени и фольклорный) жанр. Как правило, запреты имеют двухчастную структуру и состоят из собственно запрета и его мотивировки. Логически, а часто и вербально запрет связан с определенным предписанием,

тогда его формула оказывается трехчастной, например, бел. «когда продаешь корову, не надо передавать ее новому хозяину голой рукой [собственно запрет], иначе не будет плодиться [мотивировка в форме следствия], надо обернуть руку полрой платья [предписание]» [9: 269–270]. Иногда *мотивировку* заменяет рассказ о том, к каким последствиям привело нарушение *запрета*, часто в жанре *былички* [9: 270]. Таким образом, запрету как определенному правилу поведения соответствует *запрет* как особый РЖ, имеющий сложную структуру и состоящий в наиболее развернутом виде из собственно *запрета*, *мотивировки* и *предписания*. Вместе с тем два последних компонента существуют и как самостоятельные РЖ: так, С. М. Толстая отдельно выделяет их среди жанров «свободной структуры» [10: 21]. Отмечено также, что *запрет* и *предписание* выступают как «кантитетическая пара, совпадая по своему жанру и модальности, но различаясь по аксиологическому вектору», подобно *благопожеланию* и *проклятию*, *похвале* и *брани* и т. п. [10: 21].

Жизнестойкость *запрета* как РЖ обеспечивается тем, что стоящие за ним представления, как уже отмечалось, хотя и противоречат религиозному и атеистическому (научному) мировоззрениям, на деле легко уживаются с ними «в душе» обычного человека. По Г. Г. Слышкину, «в картине мира каждого жанра можно выделить один или несколько системообразующих концептов, выражающих потребности носителя культуры, ради удовлетворения которых создается данный жанр» [11: 43]. С этой точки зрения жизнеспособность рассматриваемого РЖ легко объясняется тем, что соблюдение *запрета* обеспечивается страхом перед карой за его нарушение, целью самого жанра является «предотвращение угрожающих жизни и благополучию людей событий и состояний» [9: 270].

Жанр запрета в среде взрослых и детей

Запрет как РЖ присущ детской среде и вполне соответствует детской картине мира. Во-первых, тексты таких «детских» фольклорных жанров, как *волшебная сказка* («*Не пей, козленочком станешь*») и *страшные истории* (в зачине классического «Гроба на колёсиках» мать запрещает дочери включать радио) содержат мотив нарушения *запрета* как важную часть сюжета. Во-вторых, *запрет* основывается на мифологических представлениях, к которым дети особенно чувствительны. Так, едва ли не самая мощная по силе воздействия *мотивировка* ряда детских запретов звучит так: *а то мама умрёт*. Её устойчивый характер связан с тем, что в ней вербализуется

один из самых сильных детских страхов. Мотив возможной смерти матери носит устойчивый характер, о чем свидетельствует его частотность в произведениях разных исторических периодов: «*Неужели когда-нибудь мама умрет – сначала мама – она старше. Как же папа будет без мамы? И все мы без нее?*» (И. М. Дьяконов. «Книга воспоминаний», 1915–1922); «*А вдруг мама умрет*». (Б. С. Житков. «Виктор Вавич», 1941); «*Вторым страданием было другое внезапное откровение: ее мама умрет раньше, чем она...*» (И. Безладнова. «Дина», 2003). Данная формула *мотивировки* предельно проста и потому убедительна: союз *а то* оформляет отношения альтернативной мотивации («передает информацию типа ‘иначе’, ‘в противном случае’») [12: 629] между двумя частями сложносочиненного предложения (либо – двумя соположенными простыми предложениями), соответствующими собственно *запрету* и его *мотивировке*. (Такие конструкции характерны для высказываний со значением опасения [13: 50–51], а также угрозы [14: 107]). Подлежащее *мама* вводит в структуру *мотивировки* субъекта, на которого (как и в традиционных *запретах*) направлено «угрожающее... событие или состояние» [9: 270], а сказуемое *умрёт*, выраженное глаголом в форме будущего времени, указывает на максимальную степень проявления возможных негативных последствий нарушения табу. Эта *мотивировка* присуща ряду характерных для советского детства *запретов*, среди которых особенно памятные: 1. *Нельзя наступать кому-либо на ногу (запрет)*. В случае его нарушения *тот, кому наступили, обязан наступить на ногу нарушителю (предписание)*. Отметим, что нарушитель, всегда заинтересованный в соблюдении запрета, обычно сам в таких ситуациях подставлял ногу. 2. *Нельзя показывать (носить поверх одежды) свой крестик*. 3. Сидя на стуле или табурете, *нельзя болтать ногами*. 4. *Нельзя ходить спиной вперед*. 5. *Нельзя надевать обувь с правой ноги на левую*. См. в повести П. Санаева «Похороните меня за плинтусом» (1994): «*Один раз я прошелся задом наперед и боялся потом целую неделю, потому что бабушка сказала: “Кто ходит задом, у того мать умрет”. По этой же причине я боялся перепутать тапочки и надеть на левую ногу правый*». (Кстати, по С. М. Толстой, «ходить задом наперед или в одной ноге обутой, другой разутой» – у белорусов к смерти отца или матери [15: 70]).

Приведённые детские *запреты* со временем приобрели, по-видимому, этикетный характер. Рассмотренная *мотивировка* может вводиться в мир детей взрослыми, чтобы

добиться от них определённого поведения, а также в силу её предельной ясности распространяться самими детьми (как и взрослыми) на большое количество запретов: «*В детскую входит бабушка, очень бледная, она говорит, что мама больна и что если мы, дети, будем шуметь и бегать по комнатам, мама умрет*». (А. Щеглов. «Фаина Раневская: вся жизнь», 2003). Ее популярность объясняется и тем, что непосто, используя лишь этикетные/этические категории («некрасиво» и т. п.), объяснить ребёнку, почему нельзя болтать ногами и т. п. Аргумент же о возможной смерти матери принимается некритически (ср. детскую клятву «сердцем матери» [16]). К тому же мотив смерти нарушителя табу или его родственника – один из самых частотных в традиционных запретах [9: 272]. Языковое оформление *мотивировки* «*а то мама умрет*» свойственно детской речи, в речи взрослых оно выглядит чуть иначе: «*Не бей жабу – дождь пойдет/мать умрет*...» [9: 272]. Отметим, что в исследованиях императива *мотивировка* (или «основание», «примыкающее к прескрипции и содержащее ее мотивировки») осмыслена как «один из характерных контекстов императивного высказывания» [17: 18–19].

Детские запреты, как это часто бывает с детскими фольклорными жанрами, наследуют традиционную мифологическую модель, в основе которой – представление о связи между нарушением табу и следующим за ним нежелательным событием. Хотя нередко *запрет* можно объяснить рационально, в этом случае соответствующей будет и *мотивировка*. Так, *запрет* наступать на ногу другому человеку можно объяснить возможностью дальнейшего конфликта: «*Оказывается, драка просто так, без темы. Один нечаянно на ногу наступил, другой стукнул – оба хороши*». (С. Л. Рябцева. «Дети восьмидесятых», 1989). На сайте «Приметы и поверья» этот *запрет* трактуется как *примета* (в силу непреднамеренности самого действия): «*Человек, который наступил на ногу другому, обязательно с ним поругается или же между ними будут испорчены отношения*» (<http://roveriya.ru/chelovek/nastupit-na-nogu/>). Предписание носить крестик поверх одежды священник, отвечая на вопрос читателя журнала «Фома», объясняет благочестием (<https://foma.ru/nado-li-pryatat-natelnij-krestik-pod-odezhdu.html>). *Запрет* качать ногами, сидя на стуле (иногда мотивированный тем, что нарушитель таким образом «*чертей на ноге катает*»; см. у В. И. Даля: *Ногами под лавкой качать – черта тешить*), нередко в речи обходится без *мотивировки* и выступает в контексте иных транслируемых ребёнку правил хоро-

шего тона: «*Мне нельзя было “перебивать старших” и вмешиваться в их разговор, болтать ногами или опускать руку под стол, чтобы погладить дежурившего там пуделя Джека...*». (А. С. Эфрон. «Попытка записей о маме», 1955–1975). Все эти наблюдения подтверждают важную закономерность: между *запретом* и *мотивировкой* нет однозначного соответствия [18: 64].

Среди других детских *запретов* следует особо отметить следующий: *если двое идут вместе и их общий путь оказывается разделённым неким препятствием* (столбом, деревом, урной), *ни в коем случае нельзя обходить его с разных сторон*, поскольку это может привести к ссоре. Поэтому в данном случае предписано одному из идущих *вернуться назад и обойти препятствие либо заблаговременно переместиться вправо или влево*. Иное предписание для такого случая: *нужно дотронуться друг до друга и произнести широко известные формулы-заклинания «Привет-привет на тысячу лет!» или «Привет на сто лет!»*.

О современном бытовании РЖ *запрета* рассказывает следующая история, опубликованная в Интернете:

«Сегодня иду на работу по переходу метро Тёплый Стан. Рядом идёт парень с девушкой таким же шагом. Проходят они небольшой столб. Она с одной стороны, он с другой. Парень подходит к ней, касается руки, и говорит:

– Привет на 100 лет.

Детский сад прямо. Я улыбнулся, иду дальше, а по соседству диалог развивается. Парень ещё раз касается руки девушки и уж вопросительно так спрашивает:

Парень (П): Привет на 100 лет?!/Девушка (Д): .../(П): Ну ты что, мне не скажешь этого?/(Д): Эээ... Чего?/ (П): Ну “привет на сто лет”!/(Д): Эээ... Зачем?! (явно не врубаясь)/(П): Ну ты че, мы же поссоримся, если не скажешь! Видела, ведь столб прошли!/(Д): Да ну тебя, я не верю в эти приметы дурацкие.../(П): Блин, ты мне скажи это, и можешь дальше не верить!!

Тут девушка заметила (наверное), что я иду прислушиваясь, покраснела, и зло так парню шепнула:

– Отстань от меня со своими дурацкими и идиотскими приметами!!!

Короче, пока мы шли по переходу (он длинный) до турникетов в метро, они реально поссорились, причём довольно сильно.) А кто-то говорит, что приметы, это всё фигня?:(» (<http://live4fun.ru/joke/224291>).

Характерно, что здесь *запрет* квалифицирован как *примета*, что можно объяснить большей осмысленностью *приметы* как РЖ в сравнении с *запретом*. Если воспользоваться формулой В. В. Дементьева, «это то “имя жанра”, которое “первым приходит в голову” при опознании» такого рода высказываний

[19: 84]. Есть точка зрения, согласно которой *запрет* является разновидностью *приметы*: так, Н. И. Коновалова выделяет «приметы-констатации, приметы-регламентации, приметы-запреты, приметы-прогнозы и приметы-пояснения» [20: 207]. *Запрет* и *примета* обнаруживают близость и с точки зрения структуры. Так, следующая *примета* у В. И. Даля приводится вместе с *предписанием*: *Соль просыпать нечаянно – к ссоре (причем, чтобы ссоры не было, посыпают просыпанную солью голову)*. *Запрет* и *примета* сближаются и тем, что могут описывать близкие ситуации: *Булавку на себя концом не подымай. Если найденная булавка лежит к тебе головой, вспомнил приятель; если острием к тебе, замышляет враг*. Однако первая формула прямо императивна, а вторая – нет, это скорее информирование, прогноз (в согласии с толкованием *приметы* как «устойчивой связи двух явлений объективной действительности, одно из которых понимается как знак, а второе – как его толкование, обычно в виде прогноза на будущее» [21: 279–280]). *Примета* покрывает ситуации, которые адресатом не контролируются; *запрет*, напротив, направлен на сознательное управление поведением адресата. Если считать, что это один РЖ, то следует признать, что он может быть и императивным, и информативным. Уже в этих кратких размышлениях содержится указание на различие по крайней мере по трем параметрам «модели речевого жанра» Т. В. Шмелёвой [22] (коммуникативная цель, тип диктумного события, образ адресата). Кроме того, *примета* и *запрет* разграничиваются авторами этнолингвистического словаря «Славянские древности» [9; 21].

По нашим наблюдениям, описанные здесь и многие другие *запреты*, усвоенные в детском возрасте, человек нередко стремится соблюдать и во взрослой жизни, во-первых, поскольку *мотивировка* таких запретов, как правило, касается базовых ценностей человеческой жизни – жизни, здоровья, отношений с близкими, материальных благ и т. п., во-вторых, многие из них соблюдаются по привычке или в качестве элемента игрового поведения.

Значительная часть *запретов* существует как во взрослой, так и в детской среде. Так, широко известен запрет «на себе не показывать», иначе *показываемое (обычно увечье) коснется и того, кто показывает*. «По рядам бродил развеселый народ, и только самые сердобольные просили продавцов “на себе не показывать”». («Комсомольская правда», 2002.10.07). Чтобы избежать негативных последствий нарушения табу, иногда предлагается «смахнуть» с себя *показанное* и «сдуть» это с рук. *Нельзя перешагивать ребенка,*

иначе он не вырастет. Если кто-то перешагнул через ребенка, предписано *еще раз шагнуть в обратном направлении. Нельзя зашивать одежду на себе, иначе нарушителя ждут проблемы в учёбе (мотивировка нередко формулируется как «мозг зашьёшь»*. Ср. у В. И. Даля: *На себе платье зашивать, пуговку пришивать – пришьёшь память*). В качестве *предписания* иногда предлагается «*взять нитку в рот*». Ср. в романе А. Иличевского «Ай-Петри» (2005): «*Вглядываясь, как ныряет в бесчувственную опушку мякоть игла, я невольно прикусываю язык*. Так мне в детстве всегда велела сделать бабушка, когда что-то правила, подшивала на мне. «А то память зашью», – говорила она и сама брала в уголок рта кусок нитки». Нами зафиксирован существовавший в советское время в детской среде *запрет убивать пауков*, мотивированный тем, что иначе «*квартиру не дадут*» (интересно, что паук в традиционной культуре славян выполняет функцию домашнего покровителя [23]). До сих пор повсеместно соблюдаются *запреты передавать и здороваться через порог, есть с ножа* и др.: «*По русскому обычаю через порог не здороваются...*» (М. А. Шолохов. «Поднятая целина», 1959). В России обычно *не купаются* после 2 августа – Ильина дня. В следующем фрагменте интервью с носителем диалекта озвучивается популярная *мотивировка* данного запрета: «*[А почему купаться нельзя?] Вода холодная. Илья пророк, говорить, в реку нассал*» («Ильин день», с. Ярославка, Никифоровский район, Тамбовская область, 2002). Известны студенческие *запреты*, связанные прежде всего с сессионным периодом (*не мыть голову перед экзаменом* и т. п. [20: 287–290]).

Запреты особенно строго соблюдаются во время наиболее важных событий в жизни человека: рождения, свадьбы, смерти, болезни [9: 270]. Так, полна *запретов* похоронная обрядность. К примеру, и сегодня предписано, по формуле В. И. Даля, «*родным не нести покойника, чтоб не подумали, что они рады смерти его*». *Запрет* соблюдается и поныне, но данная *мотивировка* едва ли столь же известна. Поэтому многие *запреты* функционируют в речи без *мотивировки* и *предписания*, которые со временем забываются и утрачиваются. (У В. И. Даля некоторые *запреты* записаны без этих компонентов: *По закату солнца хлебом и деньгами не ссужают*. В современной речи данный *запрет* обычно мотивируется тем, что «*денег не будет*», а в случае его нарушения предписывается *передавать деньги не из рук в руки, а положить на пол*). Это закономерно: многие *мотивировки* не соответствуют кар-

тине мира современного человека (и часто архаичны по лексическому составу). Так, соблюдаемый и ныне запрет «не покидай ножа на ночь на столе» едва ли сегодня может быть всерьез мотивирован формулой В. И. Даля: «лукавый зарежет». Данная мифологическая модель, лежащая во множестве традиционных запретов (ничтожное действие приводит к серьезнейшим последствиям), пародируется в современной устной формуле «Не ковыряй в носу пальцем – будет война с китайцем». Еще один любопытный факт заключается в существовании высказываний-«антидотов», снижающих напряжение в ситуации вынужденного нарушения запрета при отсутствии предписания. Например, незамужней девушке, которая сидит на углу стола, говорят в ответ на чью-либо реплику о том, что она не выйдет замуж: «Выйдешь-выйдешь. Чем вострей (имеется в виду угол стола. – А. С.), тем быстрее». Это тоже явление современное, отражающее более критическое восприятие некоторых традиционных запретов.

Ряд запретов в традиционной культуре касается речевого поведения: запрет говорить, здороваться и благодарить в определенных ситуациях, упоминать некоторых животных и демонологических персонажей, употреблять личные имена [9: 270]. Отсюда «разрешающие» формулы типа «не к ночи будь сказано», произнесение которых является реализацией предписания на случай нарушения «языкового» запрета.

Языковое воплощение РЖ запрета

С. М. Толстая относит запреты к «жанрам относительно свободной структуры», поскольку в них «устойчивым является лишь само передаваемое содержание» [10: 21]. Запреты могут быть сформулированы более или менее вариативно (многие из них автор данной статьи формулирует самостоятельно), ему могут соответствовать разные мотивировки (как мифологического характера, так и этического, иногда этикетного). Так, в традиционной культуре, по В. И. Далию, «хлеб – батюшка, кормилец», поэтому «кроху наземь уронить грешно». Запрет на пренебрежительное отношение к хлебу в русской культуре остался, хотя от мотивировки «грешно» по понятным причинам отказались. Так, в советском детском саду попытки детей кидаться хлебом (и вообще играть с едой) пресекались (см. статью «Кидаться хлебными шариками» в словаре С. Б. Борисова «Русское детство» [24: 590]), широко были представлены тексты-призывы, воспитывающие чувство уважения к хлебу («Хлеб всему голова» и т. п.)

Производитель речи может либо озвучивать общепринятую формулу того или иного запрета, либо самостоятельно его формулировать, тем самым комментируя свои действия (например, прежде чем позвать протянутую руку, переступает порог) адресату, отступающему от предписываемой модели поведения. Если судить по формулам запрета, записанным В. И. Далем, они могут быть представлены разнообразными типами сложных конструкций, где одна из частей выражает собственно запрет, а в другой озвучивается мотивировка: сложноподчиненными с придаточными цели, условия: *Коли ступишь на чужой след, то будут болеть ноги; Не покидать ниток на веретене к воскресному и праздничному дню, чтобы не рвались; Когда сядешь есть, не закрыв книгу, заешь память; бессознательными сложными с причинными, условными и следственными отношениями: Не играй ножом – ссора будет; На себе платье зашивать, пуговку пришивать – пришьешь память; Хлеб – батюшка, кормилец; кроху наземь уронить грешно; Ногами под лавкой качать – черта тешить. В детской речи запрет (с мотивировкой), как отмечалось, нередко выражен сложносочиненным предложением: *Нельзя наступать на ногу, а то мама умрет. Аналогично построен традиционный славянский запрет не переступать старый веник, «а то скотина засохнет»* [18: 63]. Эти наблюдения соответствуют выводам С. М. Толстой о содержательных особенностях мотивировок, которые могут выражать цель (с помощью союзов *чтобы, для того, чтобы*), причину (*потому что, так как, ибо, поскольку*) и следствие (*а то, а не то, иначе*), при этом такие конструкции легко преобразуются одна в другую (целевая – в следственную и т. д.) [18: 60]. Мотивировка может быть выражена и «сокращенно – предложной конструкцией с целевыми и другими предложениями» (например, «для здоровья») [18: 61], тогда формулировка запрета (вместе с мотивировкой) будет соответствовать простому предложению. Иногда мотивировка заключена в слове с оценочным значением, тогда конструкция также будет простой: *Грешно обувать левую ногу наперед правой. Если мотивировка отсутствует, запрет формулируется с помощью простых, нередко односоставных «неопределенно-личных предложений генерализованной семантики»* [25: 127], например: *По закате солнца хлебом и деньгами не ссужают.* («Субъект в таких предложениях имеет обобщенное значение, представляет человеческий коллектив. Конкретный адресат акта побуждения рассматривается как один из множества и, следовательно, входит в «объем» субъекта» [25: 127]). Иногда запрет выражен*

в определенно-личных конструкциях с прохитивом: *До утренней зари не гляди в окно. Булавку на себя концом не подымай.* Возможны инфинитивные конструкции: *Через порог не здороваться, не беседовать;* безличные: *В день рождения Христова хозяину не годится со двора идти: овцы заблудятся.* Мотивировки запретов нередко метафоричны (*заешь память, пришьешь память*), содержат «демонологическую» лексику (*чёрт, лукавый, бес, диавол*), слова с семами 'смерть' (*смерть, умереть, покойник*), 'болезнь' (*лишаи, корча*), 'лишение' (*нищета*) и т. п. Отмеченные здесь лексико-синтаксические особенности текстов данного РЖ отражают их принадлежность к фольклорной речи. Интересно, что именно таким образом запреты представлены в русских сказках, где для этой цели «используется прохитив от глагола с конкретной семантикой: не бери, не трогай, не иди, затем следует указание возможного вреда в случае нарушения запрета (Не бери золотого пера; возьмешь – горе узнаешь...») [26: 53].

РЖ запрета и речевые акты запрета и предостережения

Запрет как РЖ, по нашим сведениям, не был предметом отдельного исследования. В диссертации Т. В. Русиновой исследуется речевой акт (РА) (но не РЖ – данные понятия в работе противопоставлены) *запрета*, с помощью которого «можно останавливать, предотвращать, предупреждать нежелательные для адресата и адресанта действия или события» [27: 3]. В общем та же коммуникативная цель свойственна и *запрету* как РЖ: «предотвращение угрожающих жизни и благополучию людей событий и состояний: болезни, смерти, голода, падежа скота, неурожая, засухи, градобития и т. п.» [9: 270]. Следовательно, текст *запрета* произносится до возможного нежелательного действия адресата. Однако он может произноситься и постфактум, чтобы добиться от адресата, нарушившего *запрет*, выполнения *предписания* (см. отмеченную выше историю из Интернета о парне и девушке, которой предписывалось сказать «Привет на сто лет!»).

Автор диссертации отмечает, что *запрет* может быть рассмотрен «как жанрообразующая единица жанра запрета или как элемент других жанров» [27: 7]. Условием реализации РА *запрета* в типических случаях является более высокий статус адресанта, который эксплицирует собственную волю [27: 6]. В речи чаще всего текст РЖ *запрета* озвучивается коммуникантом более высокого статуса, т. к. именно он является носителем и транслятором традиционных норм поведения и заинтере-

ресован в их соблюдении. В основном этот статус проявляется только в возрастных характеристиках, на что указывает частотность упоминания в приводимых выше примерах таких лиц, как *мать, бабушка*. Более высоким статусом наделен по отношению к единичному адресату и коллектив: особенно красноречиво это выглядит в приведенном выше примере о запрете купаться после Ильина дня, где источник табу обозначен словом «*говорят*». Наконец, более высоким статусом обладает и адресант, равный в социальном и возрастном отношении, но обладающий знанием о запрете (см. ту же историю о парне и девушке). Хотя более высокий статус адресанта вообще для данного РЖ необязателен: «*Не свисти, – слышу я голос жены. – Денег не будет*». (Д. Каралис. «Мы строим дом», 1987–2001). Важнее наличие общих фоновых знаний коммуникантов, не критическое отношение к нормам, ценностям и картине мира коллектива [20: 202–203].

РА *запрета* нередко реализуется с помощью перформативных глаголов (*Запрещаю тебе здесь находиться!*), РЖ *запрета* (в том понимании, какое вкладывается в него здесь) такой возможности не допускает, поскольку источником самого запрета (как обычая) является не адресант, а традиция того или иного коллектива. Все отмеченные особенности хорошо видны из фрагмента романа «Ненастье» А. Иванова (2015), где более опытный солдат учит более молодого правилам поведения на войне: «*Есть приметы – соблюдай их, и будет легче <...> Не брейся перед боевым выходом. Не фоткайся. Не прощайся за руку. Не говори “я пойду”, говори “меня послали”. Не говори “последний”, говори “крайний”*». В данном случае это не экспликация воли старшего, не приказ, но трансляция опыта (укажем и здесь на отмеченную выше квалификацию этого опыта как системы «примет»), или *предостережение*. Как раз о такого рода *запретах* («где речевой акт осуществляется в интересах адресата») Т. В. Русинова пишет, что они «могут приближаться» к *предостережению* [27: 9]. По-видимому, в основе РЖ *запрета* (*табу*) могут лежать РА и *запрета*, и *предостережения*, что зависит от статуса коммуникантов: первый случай характерен для ситуаций с более высоким статусом адресанта, где запрет категоричен (так родители, чтобы предотвратить игры с головным убором, внушали детям, что *его нельзя вращать на руке, иначе «голова закружится»*); второй случай характерен для ситуаций с равными по статусу собеседниками, где «указание на норму является проявлением мягкой степени императивности» [28: 29] (к примеру, приглашая другого вой-

ти в помещение и только тогда пожимая протянутую руку, мы предостерегаем обоих от нарушения известного запрета, озвучивая его. Кстати, такое озвучивание является в данной ситуации знаком вежливости, в сущности, косвенным РА).

Завершая разговор о соотношении РЖ запрета и РА запрета и предостережения, можно остановиться на решении, согласно которому данный РЖ может включать в свой состав в зависимости от ситуации какой-либо из этих двух РА; при этом сами эти РА могут быть признаны первичными РЖ запрета и предостережения. Тогда рассматриваемый в данной статье РЖ запрет (как вариант для снятия омонимии предлагаем вслед за авторами «Славянских древностей» использовать в скобках дополнительную номинацию *табу*, что подчеркнуто и в выборе именно данного слова для перевода названия РЖ на английский язык в заглавии статьи) необходимо будет признать вторичным РЖ (с одной стороны, отличающимся от первичного «сфе-

рой функционирования, или стилистической обработкой» [29: 167]; с другой стороны, включающим первичный РЖ в свой состав [29: 170]; наконец, в силу его возможности быть косвенным РЖ [29: 172]).

Заключение

Как уже отмечалось, за каждым РЖ стоит свой концепт; РЖ является частью определенной картины мира. Если в сравнении с картиной мира, соответствующей представителю народной речевой культуры, суеверий сегодня стало в целом меньше, но многие из традиционных *запретов* соблюдаются и поныне (в некоторых случаях, как было показано выше, теряя *мотивировку* и наиболее архаичные лексические элементы). Поэтому РЖ *запрета (табу)* является, несмотря на изменения во внешне- и внутрикультурной парадигме, заметной частью «речевой картины современности» [19] и вообще русской культуры.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Головина Э. Д. *Крайний или последний?* // Русская речь. 2014. № 4. С. 59–64.
2. Сенчикова Е. П. *Словарь эфемизмов русского языка*. 2-е изд. М.: Наука, 2016. 460 с.
3. Крысин Л. П. Об одной лакуне в системе функциональных стилей современного русского языка // Русский язык в школе. 1994. № 3. С. 69–71.
4. Бахтин М. М. *Проблема речевых жанров* // Бахтин М. М. *Собрание сочинений*: в 5 т. Т. 5. М.: Русские словари, 1997. С. 159–206.
5. Борисова И. Н., Корх С. С. *Прагматический потенциал жанра заговора: цветовой код* // Жанры речи: сб. науч. ст. Вып. 5. Жанр и культура. Саратов: ИЦ «Наука», 2007. С. 332–345.
6. Толстая С. М. *Заговор* // Славянские древности: Этнолингвистический словарь: в 5 т. / под ред. Н. И. Толстого. М.: Международные отношения, 1999. Т. 2. С. 239–244.
7. Смирнов Ю. П. *Передача, исполнение и запоминание заговоров на русском севере* // Этнолингвистика текста. Семиотика малых форм фольклора. I. Тезисы и предварительные материалы к симпозиуму. М.: Наука, 1988. С. 53–55.
8. Даль В. И. *Пословицы и поговорки русского народа*: в 2 т. Изд. 2-е. СПб.: Изд. М. О. Вольфа, 1879. 685 + 638 с.
9. Виноградова Л. Н., Толстая С. М. *Запреты (табу)* // Славянские древности: Этнолингвистический словарь: в 5 т. / под ред. Н. И. Толстого. М.: Международные отношения, 1999. Т. 2 С. 269–273.
10. Толстая С. М. *Речевые акты и речевые жанры в фольклоре* // Живая старина. 2015. № 4. С. 20–23.
11. Слышкин Г. Г. *Речевой жанр: перспективы концептологического анализа* // Жанры речи: сб. науч. ст. Вып. 4. Жанр и концепт. Саратов: ИЦ «Наука», 2005. С. 34–49.
12. *Русская грамматика* / Н. Ю. Шведова (гл. ред.). М.: Наука, 1980. Т. 2: Синтаксис. 714 с.
13. Добрушина Н. Р. *Грамматические формы и конструкции со значением опасения и предостережения* // Вопросы языкознания. 2006. № 2. С. 28–67.
14. Булыгина Т. В., Шмелёв А. Д. *Косвенное выражение побуждения: общекоммуникативные постулаты или языковые конвенции?* // Функционально-типологические аспекты анализа императива. Ч. 2. Семантика и прагматика повелительных предложений / под ред. Л. А. Бирюлина, В. С. Храковского. М.: Ин-т языкознания АН СССР; Л.: Ленингр. отд-ние АН СССР, 1990. С. 103–110.
15. Толстая С. М. *Смерть* // Славянские древности: Этнолингвистический словарь: в 5 т. / под ред. Н. И. Толстого. М.: Международные отношения, 2012. Т. 5. С. 58–71.
16. Сидоренко А. В. *Детская клятва в советскую эпоху: речевые характеристики* // Жанры речи. 2016. № 2 (14). С. 76–82.
17. Масленникова Л. А. *Основание императивного высказывания (на материале английского и русского языков)* // Функционально-типологические аспекты анализа императива. Ч. 2. Семантика и прагматика повелительных предложений / под ред. Л. А. Бирюлина, В. С. Храковского. М.: Ин-т языкознания АН СССР; Л.: Ленингр. отд-ние АН СССР, 1990. С. 18–22.
18. Толстая С. М. *Семантические категории языка культуры: Очерки по славянской этнолингвистике*. М.: Либроком, 2010. 368 с.
19. Дементьев В. В. *Теория речевых жанров и актуальные процессы современной речи* // Вопросы языкознания. 2015. № 6. С. 78–107.
20. Коновалова Н. И. *Сакральный текст как лингвокультурный феномен*. 2-е изд. Екатеринбург: УГПУ, 2007. 298 с.
21. Агапкина Т. А., Белова О. В. *Примета* // Славянские древности: Этнолингвистический словарь: в 5 т. /

под ред. Н. И. Толстого. М.: Международные отношения, 2009. Т. 4 С. 279–280.

22. Шмелева Т. В. Модель речевого жанра // Жанры речи : сб. науч. ст. / под ред. В. Е. Гольдина. Саратов : ГосУНЦ «Колледж», 1997. Вып. 1. С. 88–98.

23. Гура А. В. Паук // Славянские древности : Этнолингвистический словарь : в 5 т. / под ред. Н. И. Толстого. М.: Международные отношения, 2009. Т. 3. С. 646–648.

24. Борисов С. Б. Русское детство XIX – XX вв. : культурно-антропологический словарь : в 2 т. СПб. : Дмитрий Буланин, 2012. Т. 2. 829 с.

25. Хазова О. Н. Неопределенно-личные предложения и выражение побуждения в современном русском языке // Функционально-типологические аспекты анализа императива. Ч. 2. Семантика и прагматика повелительных предложений / под ред. Л. А. Бирюлина, В. С. Храковского. М.: Ин-т языкознания АН СССР; Л.: Ленингр. отд-ние АН СССР, 1990. С. 124–128.

26. Найдич Л. Э. Императив в русской волшебной сказке // Функционально-типологические аспекты анализа императива. Ч. 2. Семантика и прагматика повелительных предложений / под ред. Л. А. Бирюлина, В. С. Храковского. М.: Ин-т языкознания АН СССР; Л.: Ленингр. отд-ние АН СССР, 1990. С. 49–53.

27. Руссинова Т. В. Особенности функционирования запрета (на материале русского и английского языков) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Саратов, 2006. 21 с.

28. Сухих О. А. Категория императивности в речевом общении // Функционально-типологические аспекты анализа императива. Ч. 2. Семантика и прагматика повелительных предложений / под ред. Л. А. Бирюлина, В. С. Храковского. М.: Ин-т языкознания АН СССР; Л.: Ленингр. отд-ние АН СССР, 1990. С. 27–31.

29. Дементьев В. В. Теория речевых жанров. М.: Знак, 2010. 600 с.

REFERENCES

1. Golovina E. D. Krajniji or poslednij? *Russian speech*, 2014, no. 4, pp. 59–64 (in Russian).

2. Senichkina E. P. *Slovar' evfemizmov russkogo yazyka* [Dictionary of Russian euphemisms]. Moscow, Nauka Publ., 2016. 460 p.

3. Krysin L. P. Ob odnoj lakune v sisteme funkcional'nyh stilej sovremenno go russkogo yazyka [On one lacuna in the system of functional styles of the modern Russian language]. *Russkij yazyk v shkole* [Russian language at school], Moscow, 1994, no. 3, pp. 69–71 (in Russian).

4. Bakhtin M. M. Problema rechevykh zhanrov [The problem of speech genres]. *Bakhtin M. M. Sobraniye sochinenii: v 5 t. T. 5* [Collected words : in 5 vols], Vol. 5. Moscow, Russkiye Slovarei Publ., 1996, pp. 159–206 (in Russian).

5. Borisova I. N., Korh S. S. Pragmaticheskij potencial zhanra zagovora: cvetovoj kod [Pragmatic potential of the conspiracy genre: color code]. *Zhanry rechi : sb. nauch. st.* [Speech Genres : coll. of sci. art.]. Saratov, 2007, iss. 5, pp. 332–345 (in Russian).

6. Tolstaya S. M. Zagovor [Spell]. *Slavjanskije drevnosti : Jetnolingvisticheskij slovar' : v 5 t.* [N. I. Tolstoy, ed. Slavic antiquities: Ethnolinguistic dictionary], vol. 2. Moscow, Mezhdunarodnye otnosheniya Publ., 1999, pp. 239–244 (in Russian).

7. Smirnov Yu. P. Peredacha, ispolnenie i zapominanie zagovorov na russkom severe [Transfer, execution and memorization of spell in the Russian north]. In: *Etnolingvistika teksta. Semiotika malyh form fol'klora. I. Tezisy i predvaritel'nye materialy k simpoziumu* [Ethnolinguistic of text. Semiotics of small forms of folklore. I. Abstracts and preliminary materials for the symposium]. Moscow, Nauka Publ., 1988, pp. 53–55 (in Russian).

8. Dal' V. I. *Posloviy i pogovorki russkogo naroda : v 2 t. Izd. 2-e.* [Proverbs and sayings of the Russian people : in 2 vols]. 2nd ed. Vol. 2. St. Petersburg, Izd. M. O. Vol'fa, 1879. 685 + 638 p. (in Russian).

9. Vinogradova L. N., Tolstaya S. M. Zaprety (tabu) [Taboo]. *Slavjanskije drevnosti : Jetnolingvisticheskij slovar' : v 5 t.* [N. I. Tolstoy, ed. Slavic antiquities: Ethnolinguistic dictionary], vol. 2, Moscow, Mezhdunarodnye otnosheniya Publ., 1999, pp. 269–273 (in Russian).

10. Tolstaya S. M. Speech acts and speech genres in folklore. *Living antiquity*, 2015, no. 4, pp. 20–23 (in Russian).

11. Slyshkin G. G. Rechevoj zhanr : perspektivy konceptologicheskogo analiza [Speech genre : perspectives of conceptual analysis]. *Zhanry rechi : sb. nauch. st.* [Speech Genres : coll. of sci. art.], Saratov, ITs "Nauka", 2005, iss. 4, pp. 34–49 (in Russian).

12. *Russkaya grammatika. T. 2. Sintaksis* [ed. N. Yu. Shvedova. Russian grammar. Vol. 2. Syntax]. Moscow, Nauka Publ., 1980. 714 p. (in Russian).

13. Dobrushina N. R. Grammatical forms and constructions with the meaning of apprehension and caution. *Voprosy Yazykoznanija*, 2006, no. 2, pp. 28–67 (in Russian).

14. Bulygina T. V., Shmelyov A. D. Kosvennoe vyrazhenie pobuzhdeniya : obshchekommunikativnye postulaty ili yazykovye konvencii? [Indirect imperative : general communicative postulates or language conventions?]. In: *Funkcional'no-tipologicheskie aspekty analiza imperativa. Ch. 2. Semantika i pragmatika povelitel'nyh predlozhenij* [eds. L. A. Birulin, V. S. Hrakovsky, Functional and typological aspects of the analysis of the imperative. Part 2. Semantics and the pragmatics of imperative sentences]. Moscow, In-t yazykoznanija, Leningrad, Leningr. otd-nie, 1990, pp. 103–110 (in Russian).

15. Tolstaya S. M. Smert' [Death]. *Slavjanskije drevnosti : Jetnolingvisticheskij slovar' : v 5 t.* [N. I. Tolstoy, ed. Slavic antiquities: Ethnolinguistic dictionary], Vol. 5. Moscow, Mezhdunarodnye otnosheniya Publ., 2012, pp. 58–71 (in Russian).

16. Sidorenko A. V. Children's oath in the soviet era: speech genre characteristics. *Speech Genres*, 2016, no. 2 (14), pp. 73–79. DOI: 10.18500/2311-0740-2016-2-14-72-78 (in Russian).

17. Maslennikova L. A. Osnovanie imperativnogo vyskazyvaniya (na materiale anglijskogo i russkogo yazykov) [The basis of the imperative sentence (on the material of English and Russian languages)]. In: *Funkcional'no-tipologicheskie aspekty analiza imperativa. Ch. 2. Semantika i pragmatika povelitel'nyh predlozhenij* [eds. L. A. Birulin, V. S. Hrakovsky. Functional and typological aspects of the analysis of the imperative. Part 2. Semantics and the pragmatics of imperative sentences]. Moscow, In-t yazykoznanija, Leningrad, Leningr. otd-nie, 1990, pp. 18–22 (in Russian).

18. Tolstaya S. M. *Semanticheskie kategorii yazyka kul'tury : Ocherki po slavyanskoj etnolingvistike* [Semantic categories of culture language: Essays on Slavic eth-

nolinguistics]. Moscow, Librokom Publ., 2010. 368 p. (in Russian).

19. Demytyev V. V. "Speech genre" theory and actual processes in contemporary speaking. *Voprosy Yazykoznaniiya*, 2015, no. 6, pp. 78–107 (in Russian).

20. Konovalova N. I. *Sakral'nyj tekst kak lingvokul'turnyj fenomen. 2-e izd.* [Sacred text as a linguocultural phenomenon. 2nd ed.]. Ekaterinburg, Ural'sky gos. ped. un-t, 2007. 298 p. (in Russian).

21. Agapkina T. A., Belova O. V. Primeta [Omen]. *Slavjanskije drevnosti: Jetnolingvisticheskiy slovar': v 5 t.* [N. I. Tolstoy, ed. Slavic antiquities: Ethnolinguistic dictionary], Vol. 4. Moscow, Mezhdunarodnye otnosheniya Publ., 2009, pp. 279–280 (in Russian).

22. Shmeleva T. V. Model' rechevogo zhanra [Model of the speech genre]. *Zhanry rechi: sb. nauch. st.* [Speech Genres: coll. of sci. art.]. Saratov, GosUNTs "Kолledzh", 1997, iss. 1, pp. 88–98 (in Russian).

23. Gura A. V. Pauk [Spider]. *Slavjanskije drevnosti: Jetnolingvisticheskiy slovar': v 5 t.* [N. I. Tolstoy, ed. Slavic antiquities: Ethnolinguistic dictionary], Vol. 3. Moscow, Mezhdunarodnye otnosheniya Publ., 2009, pp. 646–648 (in Russian).

24. Borisov S. B. *Russkoe detstvo XIX–XX vv.: kul'turno-antropologicheskiy slovar': v 2 t.* [Russian childhood of the XIX–XX centuries: cultural and anthropological dictionary: in 2 vols.], vol. 2. St. Petersburg, Dmitriy Bulanin, 2012. 829 p. (in Russian).

25. Hazova O. N. Neopredelenno-lichnye predlozheniya i vyrazhenie pobuzhdeniya v sovremennom russkom yazyke [Indefinite-personal sentences and expression of imperative in contemporary Russian]. In: *Funkcional'no-tipologicheskie aspekty analiza imperativa.*

Ch. 2. Semantika i pragmatika povelitel'nyh predlozhenij [eds. L. A. Birulin, V. S. Hrakovsky. Functional and typological aspects of the analysis of the imperative. Part 2. Semantics and the pragmatics of imperative sentences]. Moscow, In-t yazykoznaniiya, Leningrad, Leningr. otd-nie, 1990, pp. 124–128 (in Russian).

26. Najdich L. E. Imperativ v russkoj volshebnoj skazke [Imperative in Russian fairy tale]. In: *Funkcional'no-tipologicheskie aspekty analiza imperativa. Ch. 2. Semantika i pragmatika povelitel'nyh predlozhenij* [eds. L. A. Birulin, V. S. Hrakovsky. Functional and typological aspects of the analysis of the imperative. Part 2. Semantics and the pragmatics of imperative sentences]. Moscow, In-t yazykoznaniiya, Leningrad, Leningr. otd-nie, 1990, pp. 49–53 (in Russian).

27. Russinova T. V. *Osobennosti funkcionirovaniya zapreta (na materiale russkogo i anglijskogo yazyka)* [Features of the functioning of the prohibition (on the material of Russian and English)]. Thesis Diss. Cand. Sci. (Philol.). Saratov, 2006. 21 p. (in Russian).

28. Suhii O. A. Kategoriya imperativnosti v rechevom obshchenii [Imperative category in speech communication]. In: *Funkcional'no-tipologicheskie aspekty analiza imperativa. Ch. 2. Semantika i pragmatika povelitel'nyh predlozhenij* [eds. L. A. Birulin, V. S. Hrakovsky. Functional and typological aspects of the analysis of the imperative. Part 2. Semantics and the pragmatics of imperative sentences]. Moscow, In-t yazykoznaniiya, Leningrad, Leningr. otd-nie, 1990, pp. 27–31 (in Russian).

29. Demytyev V. V. *Teoriya rechevyh zhanrov* [Theory of speech genres]. Moscow, Znak Publ., 2010. 600 p. (in Russian).

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СТАТЬИ

Сидоренко А. В. Запрет в системе речевых и фольклорных жанров // *Жанры речи*. 2020. № 2 (26). С. 100–109. DOI: <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2020-2-26-100-109>

For citation

Sidorenko A. V. The Taboo in the System of Speech and Folklore Genres. *Speech Genres*, 2020, no. 2 (26), pp. 100–109 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2020-2-26-100-109>

Поступила в редакцию: 21.07.2019 / Принята: 20.10.2019 / Опубликовано: 01.06.2020

Received: 21 July 2019 / Accepted: 20 October 2019 / Published: 01 June 2020

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

УДК 821.161.1'38

ББК 81.2

DOI: <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2020-2-26-110-117>

И. А. Тарасова
Саратов, Россия

Irina A. Tarasova
Saratov, Russia

«Канцелярская эстетика» в жанре рецензии-открытки

В центре исследования – проблема жанрово-стилевой некомпетентности студентов, ее лингвистические и социокультурные причины. Объектом исследования является стилистическая природа нового жанра рецензии-открытки.

В результате стилистического анализа было установлено несоответствие между теоретическими представлениями о жанре рецензии-открытки и его реальном воплощении в работах, представленных на конкурс педагогических рецензий-открыток на современную детскую книгу. Материалом исследования послужили работы студентов факультета психолого-педагогического и специального образования Саратовского национального исследовательского государственного университета. Для сравнения привлекались рецензии-открытки победителей аналогичного конкурса, проводимого институтом системных проектов Московского городского педагогического университета (МГПУ). С точки зрения функциональной стилистики, рецензия – аналитический жанр публицистического стиля. Стилиевая доминанта поддерживается рекламной составляющей. Однако в студенческих работах стилиевой параметр существенно деформирован под влиянием «канцелярита». Стилистический анализ студенческих открыток выявил основные черты официально-делового стиля: стандартность, обилие официально-деловой фразеологии, неличный характер изложения, преобладание имени над глаголом. В рецензиях-открытках «взрослых» участников конкурса (учителей, преподавателей, библиотекарей) канцелярская стилистика фактически не представлена. Автор полагает, что причина жанрово-стилевой некомпетентности не ограничивается невысоким уровнем речевой культуры, в частности нарушением принципа сферной дифференцированности речи. «Возвращение» канцелярита – одна из типологических черт консервативной культуры–2, когда документ оказывает влияние на другие типы словесности и бюрократический язык воспринимается как норма.

Ключевые слова: канцелярит, жанр рецензии-открытки, культура речи, культура-два, жанровая некомпетентность.

“Aesthetics of Kantselyarit” in the Genre of Review-Postcard

The paper focuses on the problem of genre-style incompetence of students, its linguistic and sociocultural reasons. This article is aimed at establishing the stylistic nature of a new genre of a review-postcard. The results of the stylistic analysis show a certain contradiction between theoretical ideas about the genre of the review-postcard and its real embodiment in the students' works submitted to the contest of pedagogical reviews-postcards for a modern children's book.

The data contains 25 reviews written by the students of Faculty of Pedagogical and Special Needs Education of Saratov State University. For comparison the author uses 25 reviews of the winners of a similar contest conducted by the Institute of System Projects of MSPU.

From the point of view of functional stylistics, the review is an analytical genre of journalistic style. Its style dominant is supported by its advertising component. However, in the students' works, the style parameter is significantly deformed by the influence of the so called “kantselyarit” (officialese/newspeak).

The stylistic analysis of students' postcards reveals the main features of the official style: standardization, an abundance of official phraseology, non-personal character of the narration, the predominance of nouns over verbs. In the postcard reviews of more mature participants of the contest (teachers, librarians), “kantselyarit” stylistics are not actually represented.

The author believes that the cause of genre-style incompetence is not limited to a low level of speech culture (in particular, the violation of the principle of the sphere of communication differentiation). The “return” of “kantselyarit” is one of the typological features of the conservative Culture–2, when documents influence other types of literature, and the bureaucratic language is perceived as the norm.

Keywords: Newspeak (kantselyarit), review-postcard genre, culture of speech, the culture Two, genre incompetence.

Сведения об авторе: Тарасова Ирина Анатольевна, доктор филологических наук, профессор кафедры начального языкового и литературного образования.

About the author: Tarasova Irina Anatolievna, Doctor of Philology, Professor of the Department of the Primary Linguistic and Literary Education.

Место работы: Саратовский национальный исследовательский государственный университет им. Н. Г. Чернышевского.

E-mail: tarasovaia@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0003-3188-215X>

Place of employment: Saratov State University.

E-mail: tarasovaia@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0003-3188-215X>

Вступление

Выражение «канцелярская эстетика» принадлежит К. И. Чуковскому [1: 127]. Строго говоря, слово «эстетика» нужно закавычить дважды: в знаменитой книге «Живой как жизнь» оно характеризует позицию «влюбленных в канцелярский шаблон» [1: 109]: «Каким же нужно быть рабом канцелярской эстетики, чтобы услаждать себя ими <канцелярскими оборотами. – И. Т.> в крохотной статейке, повторяя чуть ли не в каждом абзаце...», – восклицает автор [1: 127].

К. Чуковский первый взглянул на канцелярит «остраненным» взглядом, увидел его мертвящую опасность для жизни языка. Писатель не скупится на оценочные характеристики: «казенная брехня» [1: 116], «жюльнический жаргон» [1: 118], «канцелярский жаргон» [1: 119], «словесная гангрена» [1: 130]. Какая уж тут эстетика...

Что же заставило меня обратиться к этому малоприятному и по сути антиэстетичному явлению – канцеляриту? Недоумение, изумление и в конце концов научный интерес, зародившийся в ходе интерпретации результатов конкурса студенческих рецензий-открыток на современную детскую книгу. Я не первый год вхожу в жюри этого конкурса, проводимого среди студентов педагогического направления, и не могу отделаться от ощущения, что год от года наши студенты пишут всё хуже. В чем проявляется это «хуже»? Возникшее вначале на уровне подсознания это ощущение настойчиво взывало к лингвистической рефлексии.

Так возникла предлагаемая статья.

Рецензия-открытка: жанр vs стиль

Прообразом факультетского конкурса¹ педагогических рецензий-открыток на детскую и подростковую книгу является «взрослый» конкурс, организованный институтом системных проектов МГПУ и адресованный учителям, преподавателям вузов, библиотекарям. В положении о конкурсе дается краткое определение жанра «рецензия-открытка». «Рецензия – это критическое сочинение, письменный разбор, содержащий краткий анализ и оценку

литературного произведения компетентным человеком (рецензентом). Одним из видов рецензий является педагогическая рецензия-открытка – это небольшое размышление автора, навеянное чтением произведения и обусловленное образовательными или воспитательными задачами» [2].

В чрезвычайно содержательной работе Э. Лассан, посвященной жанру рецензии, содержится интересное наблюдение о сближении значений жанровых имен *рецензия* и *отзыв* в современном интернет-дискурсе, где «квалифицированный анализ подменяется индивидуальным впечатлением» [3: 191], в то время как изначально это разные жанры: концептуальным ядром рецензии являются анализ и оценка, отзыва – впечатление и мнение. «Для отзыва в большей степени характерна модальность мнения (эпистемическая), в то время как для рецензии, которая должна принадлежать квалифицированному специалисту и в большей степени выражать оценку, основанную на общепринятых критериях ее вынесения, может быть характерна модальность долженствования», т. е. деонтическая модальность [3: 191].

Тексты, послужившие материалом исследования (25 рецензий профессиональных педагогов и 25 студенческих рецензий), занимают различное место на шкале рецензия – отзыв. Студенческие работы фактически все являются отзывами, думается, не в последнюю очередь из-за невысокого уровня аналитических способностей пишущих. Однако в идеале организаторы конкурса ориентируют участников именно на написание рецензий.

Каков статус стиливого параметра в определении специфики этого жанра?

Тесная взаимосвязь стиля и жанра подчеркнута в известном высказывании М. Бахтина: «Где стиль, там и жанр» [4: 244]. Однако их соотношение как более абстрактного/менее абстрактного, абсолютного/относительного параметров в типологии текстов видится исследователям по-разному.

С функционально-стилистической точки зрения стиль и жанр соотносятся как общее и особенное, – утверждает В. А. Салимовский: любой функциональный стиль реально существует лишь как совокупность жанров [5: 68].

¹Речь идет о факультете психолого-педагогического и специального образования Саратовского национального исследовательского государственного университета, готовящем учителей начальных классов.

Ставя вопрос о соотношении стиля и жанра, Н. В. Орлова допускает их обратное соотношение: «Стиль – одна из *переменных* в системе жанрообразующих факторов, один из дифференциальных признаков жанра» [6: 56].

Н. В. Орлова обращает внимание на то, что «до сих пор не опровергнуто ни одно из противоречащих друг другу утверждений: 1) у каждого стиля свой репертуар жанров и 2) жанр может переходить из стиля в стиль, то есть не реализуется в каком-то одном стиле» [6: 51]. Последнее кажется справедливым в отношении жанра рецензии: например, рецензия на выпускную квалификационную (дипломную) работу реализует основные признаки научного стиля, рецензия как жанр проблемно-аналитической журналистики ориентирована на публицистический стиль [7]. В нашем материале есть одна работа, подчиненная стратегии самопрезентации, в результате чего рецензия приобретает жанровые контуры эссе как художественно-публицистического текста².

По наблюдениям Э. Лассан, единство жанра рецензии определяется не столько единством тематических, композиционных, стилистических особенностей, сколько интенциями говорящего (рецензента) и его социальной ролью.

В работе Э. Лассан вариативность жанра рецензии методологически осмыслена через взаимодействие нескольких социальных полей (в терминологии П. Бурдьё): поля рецензирования, поля искусства, поля политики и поля рекламы. Доминирование одного из полей определяет тип модальности, оценки, стилистические признаки рецензии.

В наших открытках поле рецензирования взаимодействует с полем литературы и – отчасти – с полем рекламы. Влияние поля рекламы отражено в рекомендуемой организаторами конкурса структуре рецензии, включающей (факультативно) название рецензии («может иметь вид рекламного слогана, созданного с целью привлечь внимание читателей» [2])³. Своеобразным рекламным приемом можно считать и оформление рецензии в виде открытки, т. е. обращение к воздействующему потенциалу визуального ряда. В оформлении обложек студенческих открыток использованы карандаши, фломастеры, тушь, гуашь, техника аппликации. Одна рецензия выполне-

на в форме волшебного сундучка. В то же время вербальные средства воздействия довольно однообразны: риторические вопросы, обращенные к читателю (*Ваш ребенок любит детективы? Но вы не можете найти интересную книгу для детей? Верите в новогодние чудеса и любите котиков? Тогда эта книга для вас!*); оценочные прилагательные и наречия (*современная, интересная и познавательная сказка, настоящий английский детектив для детей, замечательная книга отлично подходит для маленьких любительниц пони, идеальный подарок для девочки, сказка очень приятная, читается легко и быстро*). Оригинальные лексические средства образности единичны, метафоры шаблонны и не всегда семантически оправданы (*окунуться в гамму эмоций и бурю переживаний, щенок окунулся в атмосферу любви и заботы, книга погрузит вас в атмосферу нового года, это не просто произведение, это палитра чувств и эмоций*). В двух работах использован прием контраста (*история про девочку с необычайно высоким ростом, но маленьким возрастом*), в трех – парцелляция.

В целом рецензии образуют особый – педагогический – подтип, так как функционируют внутри педагогического дискурса. Это взаимодействие отражено в формулировке цели рецензии: «представить педагогическую идею включения рецензируемого произведения в сферу образования и просвещения школьников» [2]. Иначе говоря, если использовать методологический ход Э. Лассан, поле рецензирования подчинено полю образования. Нельзя не указать еще на одно «осложняющее» обстоятельство. Студенческие рецензии писались с учебной целью. Эта вторичная для жанра цель в ряде случаев могла оказаться основной. Другими словами, скрытая интенция пишущего – получить одобрение преподавателя/хорошую оценку. Думается, что эта интенция сработала как ограничитель на использование элементов разговорности (черта, присущая современному интернет-отзыву [8]) и определила в качестве жанрообразующего параметра доминанту совсем иного стиля.

Канцелярит: живой как жизнь?

Начну с показательного примера. Работа, представленная на конкурс очень хорошей студенткой, демонстрирует влияние докумен-

²В рецензию на стихотворный сборник Ю. Кузнецовой рецензент включил собственные стихотворения, навеянные трагической судьбой юной поэтессы. Уровень версификационной техники автора рецензии значительно превосходит стихотворные опыты объекта рецензирования.

³Этой возможностью студенты не воспользовались. Заголовок имеет только одна рецензия, упомянутая в предыдущей сноске. Она называется «Спасительный полет длиною в жизнь». По набору экспрессивных средств эта работа также выгодно отличается от массового, довольно скудного фона.

та на другие типы текстов словесной культуры, в частности сочинения⁴, которые оказываются детерминированы канцелярской стилистикой:

«Школа снеговиков» А. Усачева – это первая книга, которая входит в целую серию произведений про Деда Мороза. Книга посвящена одному предновогоднему моменту жизни Деда Мороза и Снегурочки. Текст произведения легко адаптирован под читателя младшего школьного и дошкольного возраста. Сама книга, напечатанная издательством «Самовар», содержит большое количество иллюстраций, интересных для рассматривания детьми и способствующих лучшему восприятию текста. При этом все иллюстрации многоплановы и вмещают в себя обилие деталей. Автор книги имел цель не только эмоционально настроить читателя, но и преподать уроки нравственности, что так необходимо для личностного развития ребенка. «Школу снеговиков» можно рекомендовать к прочтению детям дошкольного возраста, так как книга дает представление о том, что происходит за стенами школы, и может вызвать интерес и желание детей самим пойти учиться. А младшие школьники могут почерпнуть для себя из книги ценные уроки.

Явление, образно обозначенное К. Чуковским «канцелярит», означает «вторжение официально-делового стиля в иные функциональные сферы речи» [10: 30]. В книге К. Чуковского, носящей просветительский характер, признаки канцелярита даны в самом общем виде: стандартные, шаблонные фразы, заштампованность речи, ее функциональная неуместность. Писатель прибегает к приёму приведения цитат, в которых обороты канцелярской речи выделены курсивом. При внимательном чтении достаточно легко реконструируются лингвистические признаки «канцелярского языка», до сих пор определяющие специфику официально-делового стиля [11]. Это отдельные лексемы, например, отглагольное прилагательное «данный», производные отыменные предлоги (*в силу, за счет*), цепочки родительных и творительных падежей, отглагольные существительные, неличный характер изложения (*нельзя не отметить, надо признать*).

«Стиль этот расцвел в литературе, начиная приблизительно с середины 1920-х годов. Похоже, что в настоящее время “канцелярит” мало-помалу увядает», – пишет К. Чуковский

в начале 1960-х [1: 122]. Данные нашего исследования показывают, что прогноз критика оказался излишне оптимистичным.

Приведем примеры «канцелярского слога», извлеченные из студенческих рецензий. Примеры сгруппированы на основе признаков, присущих официально-деловому стилю речи. В некоторых примерах представлены два и более признаков.

На первом месте по частотности безусловный маркер официальной речи – отглагольное прилагательное *данный*. Оно встречается примерно в половине рецензий. По-видимому, стилистическая окраска этого слова ощущается студентами в самом общем виде как книжная (а не собственно официально-деловая), поэтому эта лексема становится в студенческих работах (в том числе в курсовых, дипломных) обязательной принадлежностью письменной речи. В рецензиях круг лексем, определяемых этим прилагательным, довольно широк: данная книга, данная история, данная сказка, данные упражнения, данная серия книг: *Чем же интересна данная книга? Данная книга – это вызов педагогике и устоям образования. Данная история учит верить в свои силы и никогда не сдаваться. Сюжет данной сказки венгерского писателя Дюлы Урбана похож на советский мультфильм «Голубой щенок». И если у детей появится интерес и желание стать следователем, то данные упражнения будут кстати.*

Стремление придать своему сочинению книжный характер приводит к использованию лексем, которые вслед за Т. В. Шмелевой можно назвать «ключевыми словами текущего (бюрократического) момента» [12]. Кочуя из документа в документ, они приобретают своеобразную текстопорождающую и мыслеимитирующую функцию, заполняя лексические лакуны, заменяя оригинальность мысли привычным современным, «модным» шаблоном. Во времена К. Чуковского «канцеляризировались», стали шаблонными слова *вопрос, показ, линия, борьба, протест...* Сейчас в этот круг входят *рейтинг, проблема, социум, компетенция, толерантность, комфортный, адаптация, формат*. Круг слов меняется – их функция остается прежней: сведение на нет элементов авторизации речи, «любых форм проявления субъективной модальности» [10: 32]. Обрастая кругом регулярных лексических партнеров, эти формы порождают официально-канцелярскую фразеологию, которая воспроизводится автоматически: *Имея некую особенность в своей*

⁴А. П. Романенко вслед за Ю. В. Рождественским различает в системе словесности три типа текстов: документы, сочинения и эпистолы. Работа А. П. Романенко посвящена влиянию документа на художественную словесность [9].

внешности, дети не всегда чувствуют себя комфортно. Дети, чтоб вписаться в социум, должны, по мнению многих, располагать тем набором гаджетов, которые популярны в данный момент времени в среде их сверстников. Кто-то будет канючить и истязать родителей, в надежде навязать им свои проблемы по адаптации в коллективе. Женя встречается с непростой проблемой. На что ты вообще способен для повышения своего рейтинга?

Некоторые штампы, демонстрируя удивительную живучесть, заставляют вспомнить фразеологию советского времени. Это тем более удивительно, что все участники конкурса родились в конце 1990-х годов и имеют о советской эпохе очень приблизительное представление. Тем не менее, рецензенты утверждают: *На мой взгляд, это одно из лучших произведений воспитательного характера. Эта сказка поднимает серьезные этические вопросы и социальные проблемы, которые существуют и по сей день. Главная ее <книги> идея – влияние школы на становление личности.*

Именной характер официально-делового стиля проявляется в употреблении отглагольных существительных (*прочтение <рассказа> вызовет улыбку и подарит положительные эмоции; большое количество иллюстраций, интересных для рассматривания детьми; первая учительница – самое важное в становлении нашего фундамента*), замене глагола словосочетанием глагол+существительное (*Стандартный вопрос учительницы превратился в необычное домашнее задание – узнать как можно больше о своих бабушках и предоставить рассказ на следующий урок*), многочленных словосочетаниях именной структуры (*Юная школьница постигает нелегкий опыт общения с молодой и неопытной учительницей. Книга приближает к проблеме одиночества старшего поколения*).

Неличный характер повествования переплетается с императивностью: *С малых лет необходимо объяснить ребенку, что нельзя относиться к человеку, непохожему на тебя, с враждой, злобой, ведь нужно быть толерантным по отношению ко всем, невзирая на нацию, расу и недостатки.*

Анализ «взрослых» открыток показал, что канцелярских оборотов здесь существенно меньше. В 25 работах нам удалось отметить только 5 фраз, носящих отпечаток делового стиля. Объясняется это, по-видимому тем, что, во-первых, для заключительного этапа конкурса отобраны только лучшие работы (они составляют содержание журнала «Школьная библиотека: сегодня и завтра»

№ 6 за 2018 год). Во-вторых, уровень жанровой и стилистической компетенции учителей и библиотекарей в целом выше, чем жанрово-стилевые представления студентов. Наконец (и это представляется самым важным), сложившаяся языковая личность обладает более высоким уровнем сопротивляемости речевому штампу. Однако отдельные примеры канцелярита можно найти и во «взрослых» открытках: *Авторы поднимают темы учительства, любви, дружбы; Для детей эта книга – хорошая психологическая терапия, она поможет ребенку отдохнуть, создаст положительный жизненный настрой* [13: 7].

«Книга может быть прочитана с учащимися 6–7 классов как на уроке, так и на внеклассном мероприятии, нацеленном на развитие эмпатии и толерантного отношения к людям с ограниченными возможностями здоровья, в частности к незрячим», – считает заведующая библиотекой. При этом автор рецензии не замечает, что «развитие эмпатии и толерантного отношения» стилистически контрастирует с «трогательной историей о слепой девочке» [13: 4].

А вот отрывок из рецензии педагога-библиотекаря: «Начало у словаря добра есть. На основе этого станем размышлять, так как же я владею социальной компетенцией, связанной с жизнью в обществе. Ведь герои рассказа проигнорировали данную компетенцию, выходя из школы. Данный рассказ использую в своей работе» [13: 22].

Отмеченные стилевые особенности допускают двоякую интерпретацию.

Культура речи vs культура–2

Т. В. Шмелева видит в канцелярите «лишь один из речевых недугов, общая природа которых состоит в нарушении принципа сферной дифференцированности русской речи» (наряду с бытовитом, науковитом, криминалитом и др.) [14: 95]. «Гениально обнаруженный и обозначенный Чуковским канцелярит – это использование языковых средств с сильной памятью деловой сферы (канцеляризм) прежде всего в бытовой, обиходной сфере общения, где они воспринимаются как нелепые, а иногда и оскорбительно неуместные» [14: 95].

Другой уровень интерпретации канцелярита предлагает А. П. Романенко [15]. Ставя знак равенства между канцеляритом и новоязом (языком тоталитарного общества), исследователь приходит к следующим выводам. Канцелярит не просто проблема культуры речи, это риторико-стилистическая проблема советской словесной культуры. Его существование обусловлено не просто низким уровнем

речевой культуры (как декларировал Чуковский), а всем укладом советской общественно-языковой практики (как фактически показал Чуковский)⁵. Другими словами, канцелярит – это социолингвистическое явление. Причина канцелярита – в бюрократизме общественных отношений, т. е. в социальной структуре общества.

А. П. Романенко обращает внимание на то, что канцелярит претендует на статус речевой (риторической и стилистической) нормы. Он детерминирует речевую деятельность общества и воспринимается большинством носителей языка как норма [15: 102].

В работе того же автора «Советская советская культура: образ ратора» [17] советская документная словесность рассматривается в парадигме чередования двух типов культур: революционной, «взрывной» культуры–1 и консервативной, «застывающей» культуры–2. Эта же мысль развивается в исследовании С. Хазагеровой и Г. Хазагерова: «Канцелярит – это первый и очень важный шаг культуры–2 в ее языковом строительстве» [18: 201].

Противопоставление двух культур, введенное в известной работе В. Паперного [19], обладает мощным объяснительным потенциалом не только в отношении сталинской эпохи, но, как показал автор, является регулярно возобновляющимся на протяжении всей истории России. В. Паперного интересовали общесемиотические различия между описанными моделями культуры, А. П. Романенко верифицировал эти модели на материале речевой практики.

В лингвистических работах конца 1990-х – начала 2000 годов отмечается, что «в 90-е годы культура–1 взяла реванш» [18: 208], а следы новояза, подвергаемые тотальному осмеянию [20], встречаются в бытовой речи преимущественно пожилых людей, «что свидетельствует о сохранении у многих говорящих особенностей советского менталитета» [20: 28]. Однако уже на исходе первого десятилетия нового века наблюдения над языком политиков

заставляют В. В. Дементьева прийти к выводу, что «политики, с одной стороны, продолжают использовать задушевную/обсценную речь и модели поведения (вплоть до публичного рукоприкладства в парламенте) <т. е. черты культуры–1. – И. Т.>, с другой – массово и как будто бы вполне закономерно переходят на канцелярит и канцеляритоподобные явления, уже не боясь показаться похожими на своих тоталитарных предшественников» [21: 36]. В. В. Дементьев связывает этот факт с тем, что указанные явления, «реализующие потенции правого члена оппозиции персональность/имперсональность, эффективны именно для целей, присущих политической коммуникации» [21: 38]. Думается, что представленный в статье материал позволяет поместить эти явления в более широкий культурологический контекст.

Заключение

Иллокутивная цель речевого акта рецензирования может быть вслед за Э. Лассан определена как взаимосвязь «самопредставления автора рецензии» и «директива» [3: 204]. Проведенный нами стилистический анализ педагогических рецензий-открыток продемонстрировал, что стратегия самопрезентации в студенческих рецензиях фактически полностью заблокирована «канцелярской стилистикой» [17: 154], которой в принципе чужда персональность [10, 21].

Понимаемый как социолингвистическое явление, канцелярит, впервые описанный К. И. Чуковским, может рассматриваться как одна из языковых репрезентаций культуры–2, модель которой представлена в работе В. Паперного.

Факт периодической сменяемости двух типов культур в истории нашей страны не снимает с языковой личности ответственность за выбор между творчеством и речевым стандартом, напротив, придает проблеме формирования стилистической и жанровой компетенции мировоззренческое значение.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Чуковский К. И. Собрание сочинений : в 15 т. Т. 4. М. : Агентство ФТМ, Лтд., 2012. 592 с.
2. Конкурс рецензий-открыток. URL: <https://www.mgpu.ru/konkurs-retsenzij-otkrytok/> (дата обращения: 07.07.2019).
3. Лассан Э. Р. Рецензия как жанр и как речевой акт // Лингвистика речи. Медиастилистика. М. : Флинта : Наука, 2012. С. 190–205.

4. Бахтин М. М. Проблема речевых жанров // Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. М. : Искусство, 1979. С. 237–280.

5. Салимовский В. А. Функционально-стилистическая традиция изучения жанров речи // Жанры речи : сб. науч. ст. Саратов : ГосУНЦ «Колледж», 1999. Вып. 2. С. 61–76.

6. Орлова Н. В. Жанры разговорной речи и их «стилистическая обработка»: К вопросу о соотношении стиля и жанра // Жанры речи : сб. науч. ст. Саратов : ГосУНЦ «Колледж», 1997. С. 51–56.

⁵Указанные политические коннотации свойственны только русскому «канцеляриту». Как показал В. М. Алпатов, в других культурах отношение к деловому стилю может быть иным [16].

7. Тertychnyi A. A. Жанры периодической печати. М.: Аспект Пресс, 2002. 320 с.

8. Еремина М. А. Речевой жанр отзыва в коммуникативном пространстве Интернета // Научный диалог. 2016. № 5 (53). С. 34–45.

9. Романенко А. П. Влияние документа на советскую художественную словесность // Романенко А. П. Советская герменевтика. Саратов: ИЦ «Наука», 2008. С. 151–164.

10. Седов К. Ф. «Новояз» и речевая культура личности (становление языковой личности) // Вопросы стилистики. Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 1993. Вып. 25. С. 29–35.

11. Кожина М. Н., Дускаева Л. Р., Салимовский В. А. Стилистика русского языка. М.: Флинта: Наука, 2010. 464 с.

12. Шмелева Т. В. Ключевые слова текущего момента // Colloquium. 1993. № 1. С. 33–41.

13. Коллекция педагогических рецензий-открыток // Школьная библиотека: сегодня и завтра. 2018. № 6. С. 1–24.

14. Шмелева Т. В. Канцелярит и другие речевые недуги // Речевое общение: специализированный вестник. Красноярск, 2000. Вып. 3 (11). С. 95–99.

15. Романенко А. П. Канцелярит: риторический аспект (о книге К. И. Чуковского «Живой как жизнь») // Риторика. 1997. № 1(4). С. 95–104.

16. Алпатов В. М. В защиту канцелярита // Жанры речи. 2018. № 4 (20). С. 254–260.

17. Романенко А. П. Советская словесная культура: образ ратора. М.: УРСС, 2003. 212 с.

18. Хазагерова С., Хазагеров Г. Культура–1, культура–2 и гуманитарная культура // Знамя. 2005. № 3. С. 199–209.

19. Паперный В. Культура Два. М.: Новое литературное обозрение, 2016. 416 с.

20. Земская Е. А. Клише новояза и цитация в языке постсоветского общества // Вопросы языкознания. 1996. № 3. С. 23–31.

21. Деметьев В. Русский новояз в свете теории коммуникативных ценностей (на материале политической речи) // Политическая лингвистика. 2010. № 4 (34). С. 24–40.

REFERENCES

1. Chukovskii K. I. *Sobranie sochinenii: v 15 t.* [Complete Works: in 15 vols]. Vol. 4. Moscow, Agentstvo FTM, Ltd., 2012. 592 p. (in Russian).

2. *Konkurs retsenzii-otkrytok* (Review Postcard Contest). Available at: <https://www.mgpu.ru/konkurs-retsenzij-otkrytok/> (accessed 07 July 2019) (in Russian).

3. Lassan E. R. Retsenziia kak zhanr i kak rechevoi akt [Review as a Genre and as a Speech Act]. In: *Lingvistika rechi. Mediastilistika* [Linguistic of Speech. Medialinguistics]. Moscow, Flinta, Nauka Publ., 2012, pp. 190–205 (in Russian).

4. Bakhtin M. M. Problema rechevykh zhanrov [The Problem of Speech Genres]. In: *Estetika slovesnogo tvorchestva* [Aesthetics of Verbal Creativity]. Moscow, Iskusstvo Publ., 1979, pp. 237–280 (in Russian).

5. Salimovskii V. A. Funktsional'no-stilisticheskaia traditsiia izucheniia zhanrov rechi [Functional and Stylistic Tradition of Studying the Genres of Speech]. *Zhanry rechi* :

sb. nauch. st. [Speech genres: coll. of sci. art.]. Saratov, GosUNTs “Kolledzh”, 1999, pp. 61–76 (in Russian).

6. Orlova N. V. Zhanry razgovornoj rechi i ikh «stilisticheskaia obrabotka»: K v oprosu o sootnoshenii stilia i zhanra [Conversation Genres and their Stylistic Processing: On the Issue of the Relationship between Style and Genre]. *Zhanry rechi* : *sb. nauch. st.* [Speech Genres: coll. of sci. art.]. Saratov, GosUNTs “Kolledzh”, 1997, pp. 51–56 (in Russian).

7. Tertychnyi A. A. *Zhanry periodicheskoi pechati* [Periodical Press Genres]. Moscow, Aspekt Press, 2002. 320 p. (in Russian).

8. Eremina M. A. Speech Genre of Comment in the Communicative Space of the Internet. *Scientific Dialogue*, 2016, no. 5 (53), pp. 34–45 (in Russian).

9. Romanenko A. P. Vliianie dokumenta na sovetskuiu khudozhestvennuiu slovesnost' [Influence of Documents on the Soviet Art Literature]. In: *Sovetskaia germenevika* [Soviet Hermeneutics]. Saratov, ITs “Nauka”, 2008, pp. 151–164 (in Russian).

10. Sedov K. F. «Novoiaz» i rechevaia kul'tura lichnosti (stanovlenie iazykovoi lichnosti) [Newspeak and Personal Speech Culture (the Formation of a Language Personality)]. *Voprosy stilistiki* [Styling issues]. Saratov, Izd-vo Sarat. un-ta, 1993, iss. 25, pp. 29–35 (in Russian).

11. Kozhina M. N., Duskaeva L. R., Salimovskii V. A. *Stilistika russkogo yazyka* [Russian Language Stylistics]. Moscow, Flinta, Nauka Publ., 2010. 464 p. (in Russian).

12. Shmeleva T. V. Keywords of the Current Moment. *Colloquium*, 1993, no. 1, pp. 33–41 (in Russian).

13. Kolleksiia pedagogicheskikh retsenzij-otkrytok [The Collection of Pedagogical Review Postcards]. *Shkol'naia biblioteka: segodnia i zavtra* [School Library: Today and Tomorrow], 2018, no. 6. pp. 1–24 (in Russian).

14. Shmeleva T. V. Kantseliarit i drugie rechevye nedugi [Kantseliarit and other Speech Illness]. *Rechevoe obshchenie: spetsializirovannyi vestnik* [Speech Communication: Special Herald]. Krasnoyarsk, 2000, iss. 3 (11), pp. 95–99 (in Russian).

15. Romanenko A. P. Kantseliarit: ritoricheskii aspekt (o knige K. I. Chukovskogo “Zhivoi kak zhizn”) [Kantseliarit: Rhetorical Aspect (About the Book of K. Chukovsky “Alive as Life itself”)]. *Ritorika* [Rhetoric], 1997, no. 1 (4), pp. 95–102 (in Russian).

16. Alpatov V. M. In Defence of Bureaucrats. *Speech Genres*, 2018, no. 4 (20), pp. 254–260 (in Russian).

17. Romanenko A. P. *Sovetskaia slovesnaia kul'tura: obraz ritora* [Soviet Verbal Culture: the Image of the Orator]. Moscow, URSS Publ., 2003. 212 p.

18. Khazagerova S., Khazagerov G. Culture–1, Culture–2, and Humanitarian Culture. *Banner*, 2005, no. 3, pp. 199–209 (in Russian).

19. Papernyi V. *Kul'tura Dva* [Architecture in the Age of Stalin]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2016. 416 p. (in Russian).

20. Zemskaya E. A. Klishe novoiazia i tsitatsiia v iazyke postsovetskogo obshchestva [Newspeak Cliche and Citation in the Language of the Post-Soviet Societies]. *Voprosy iazykoznaniiia* [Topics in the Study of Language], 1996, no. 3, pp. 23–31 (in Russian).

21. Dement'ev V. Russian Newspeak in the Light of the Theory of Communicative Values (on the Material of Political Speech). *Political Linguistics*, 2010, no. 4 (34), pp. 24–40 (in Russian).

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СТАТЬИ

Тарасова И. А. «Канцелярская эстетика» в жанре рецензии-открытки // Жанры речи. 2020. № 2 (26). С. 110–117. DOI: <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2020-2-26-110-117>

For citation

Tarasova I. A. “Aesthetics of Kantselyarit” in the Genre of Review-Postcard. *Speech Genres*, 2020, no. 2 (26), pp. 110–117 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2020-2-26-110-117>

Поступила в редакцию: 18.07.2019 / Принята: 22.10.2019 /
Опубликована: 01.06.2020

Received: 18 July 2019 / Accepted: 22 October 2019 /
Published: 01 June 2020

Статья опубликована на условиях лицензии Creative
Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

This is an open access article distributed under the terms of
Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

УДК 811.111

ББК 81.2Англ-5

DOI: <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2020-2-26-118-127>

М. М. Халиков
Самара, Россия

Magomed M. Khalikov
Samara, Russia

Зрелищно-игровые аспекты речевых жанров: надписи на футболках

Spectacular and Ludic Aspects of Speech Genres: T-shirt-legends

В статье обосновывается тезис о релевантном социо-семиотическом позиционировании надписей на футболках в системе современных массовых коммуникаций и вытекающей отсюда правомерности их включения в класс исследовательских объектов теории языка и дискурсивных практик. Показано, что исследуемые тексты маркированы в двойном отношении как проявления жанрово-функциональной системности социокоммуникативной практики. С одной стороны, они иллюстрируют тенденцию к формированию зрелищно-игрового модуса функционирования языка в процессах современной коммуникации, с другой – интегрируются с корпусом вербальных и невербальных средств фатической коммуникации, специализированных на функции коммуникативной адаптации пространства социальных контактов. Выделяется ряд особенностей, характеризующих знаково-коммуникативную природу указанных текстов: их роль в структурировании физического пространства и генерировании информационных потоков, усложненность плана выражения, полимодальность, референционно-прагматическая амбивалентность. Проводится анализ релевантных реализаций категории субъекта дискурса; показано, что для данной категории текстов, помимо имманентно имплицитных функциональных ролей автора и адресата, актуальна субъектная позиция демонстратора текста. Рассматривается проблема интенциональной структуры исследуемых текстов; она диффузна и контекстно детерминирована, неисчерпаема в аспекте детализации; в качестве инвариантных системно-значимых (парадигмальных) интенциональных характеристик таких текстов выделяются коммуникативная контекстуализация пространства социальных контактов, игровые гедонистические эффекты, репрезентация экзистенциального опыта и социокультурных ценностей.

Ключевые слова: надписи на футболках, визуализация дискурса, социальная семиотика, комплексный знак, субъект дискурса, интенциональная структура.

Сведения об авторе: Халиков Магомед Магомедович, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой лингвистики.

Место работы: Самарский государственный университет путей сообщения.

E-mail: magomed_samara@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0002-1306-632X>

The article supports the thesis about the relevant socio-semiotic positioning of T-shirt-legends in the system of modern mass communication and the consequently resulting legitimacy of their investigation as a specific class of research objects of language theory and discourse analysis. The author argues that texts under examination are marked in two ways as manifestations of genre and functional consistency in socio-communicative practices. On the one hand, they illustrate the trend towards the formation of spectacular and ludic modus of language functioning in modern communication discourse, on the other hand, they are integrated into the paradigm of verbal and non-verbal means of phatic communication, specified for the communicative contextualization of area of spontaneous social contacts. To characterize the semiotic-communicative nature of those texts a number of features are highlighted: their role in structuring the social space and generating information flows, complexity of expression level, polymodality, ambiguity of reference and pragmatic function.

The article includes the analysis of relevant implementations of the category of discourse subject; it is demonstrated that for a given category of texts, in addition to the inherently implied functional roles of the author and recipient, relevant subjective position of the text demonstrator is crucial. There is a focus on the problem of intentional structure of the studied texts; the author comes to the conclusion that this structure is diffusive and context-deterministic, inexhaustible in the aspect of detail; invariant and systematically relevant (paradigmatic) intentional characteristics of such texts are specified as the communicative contextualizing of social contacts area, producing ludic and hedonic effects, representation of existential experiences and socio-cultural values.

Keywords: T-shirt-legends, visualization of discourse, social semiotics, complex sign, subject of discourse, structure of intentionality.

About the author: Khalikov Magomed Magomedovich, Doctor of Philology, Professor, Head of the Department of the Linguistics.

Place of employment: Samara State Transport University.

E-mail: magomed_samara@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0002-1306-632X>

Введение

Выбранная здесь в качестве исследовательского объекта категория текстов представляет собой социокультурный феномен, сочетающий в себе тривиальность внешней рецепции и ряд значимых с точки зрения социальной семиотики функциональных характеристик. Она легко идентифицируема и вычленима в многообразии речевых текстовых форм по очевидному эмпирическому признаку, что стимулирует интерес к ее рассмотрению в качестве особого субстанционального явления общественной жизни. Аргументы в пользу идеи о возможности научно-лингвистической проблематизации данной группы текстов на основе аксиологии собственно исследовательских практик можно разделить на два типа: 1) *экстралингвистические*: тенденция к визуализации современной культуры, экспансии коммуникационных практик на основе наглядности (изобразительности); усиление интереса к зрелищно-информационному потенциалу тела человека; идеология постмодернизма с ее пристрастием к смешению различных по своей природе сущностей, к игровому дискурсу и т. д.; статистическая релевантность данного явления как элемента социокультурной жизни; виртуализация сферы человеческого общения и порожденные ею когнитивные состояния (рефлексия по поводу дефицита живого эмоционального контакта между людьми; потребность в компенсаторных формах коммуникации, в том числе – в виде имитирования реального общения); 2) *лингвистические*: актуализация дискурсивной парадигмы и ее базисных постулатов в науке о языке (интерес к исследованию текстов в аспекте их «погруженности в жизнь», в предметно-деятельностную практику человека; архаизация представления о значимых и незначимых для лингвистического анализа текстах); высокое содержательное, нормативно-языковое и стилистическое качество данных текстов, их разноплановый референционно-прагматический и лингвокультурологический потенциал.

Сказанное представляется достаточным для обоснования тезиса о социокультурной значимости и научно-лингвистической валидности текстов, используемых для оформления футболок. Это явление в концентрированном виде характеризует время и пространство социальных коммуникаций, оно требует осмысления и включения в исследовательский дискурс, его нельзя отнести к маргиналиям культуры и науки. О проблемно-познавательных перспективах этой темы и возможности придания феномену текстильных принтов статуса методологически обособленного научно-

лингвистического объекта свидетельствует появление в последние годы ряда работ, специально посвященных отдельным аспектам этой социокоммуникативной практики [1–3]. В данной статье сделана попытка научной проблематизации некоторых неосвещенных в прежних публикациях аспектов этой темы. Речь идет о правомерности рассмотрения указанных текстов как частного случая реализации стратегии зрелищности в функционировании языка, о специфике знаково-коммуникативной ситуации с включением текстильного принта, об особенностях реализации категории субъекта дискурса и структуре интенциональности данных текстов.

Также не вызывает сомнений необходимость выделения особого аспекта лингвистических исследований, фокусированного на средствах и приемах семантико-экспрессивной актуализации материальной (визуально-графической) субстанции языка, на стратегии прагматической эксплуатации потенциала наглядности полиграфии и текстового дизайна. Это явление экспансивно развивается в современном мире, и можно говорить о релевантном многообразии зрелищно-специализированных речевых практик, главной отличительной особенностью которых является асимметричность онтологии: они репрезентированы только визуально-печатной (письменной) формой и не могут быть в принципе преобразованы в звучащую речь или теряют при этом существенную часть семантико-прагматического потенциала. Диапазон этого явления необычайно широк; среди простейших его форм можно назвать эксцентричные словообразовательные бленды (*Streast* – название сети уличных пунктов питания) или синтагматические композиции в смешанном шрифтовом исполнении («Чернов. Chernov» – фильм об эмигрантах из России). В наиболее развитых формах это явление предстает как жанровая разновидность изобразительного искусства (например, в творчестве художника-концептуалиста Э. Булатова; ср. также каллиграфию, леттеринг). Средства визуальнотекстовой актуализации традиционно изучаются графостилистикой, но на самом деле речь идет о гораздо более масштабном явлении – интенции графической субстанции языка к функциональной автономности, к формированию собственной, отличающейся от устноречевой, системы приемов самовыражения и усиления семантико-прагматического потенциала текста. Телеология человеческой ментальности базируется на идее осмысленности всего сущего, даже в хаосе небесных светил мы находим когнитивную целесообразность в виде знаков зодиака и иных конфигураций. Мозг исходит из презумпции, что нет в мире

явлений, не способных к трансляции смыслов. Именно этой универсальной экзистенциальной всепроницаемостью семантики можно объяснить то, что письмо и печать, возникшие как явления утилитарно-технического порядка, со временем выработали собственные стратегии коммуникативной эффективности, базирующиеся на специфике материального субстрата. Коммуникативные технологии, репрезентированные исключительно визуальной сенсорной природой графической субстанции языка, формируют сегодня особый аспект социокультурных практик; в этой связи представляется возможным говорить о семиотике зрелищности в языке.

Именно в этом ракурсе рассматриваются здесь надписи на футболках, представляющие интерес не только как значимый элемент организации публичной жизни, но и как способ визуальной актуализации релевантных социокультурных смыслов, связанный с вторжением телесно-пространственной реальности языка в структуру предметно-событийной обыденности.

Специфика знаково-коммуникативной ситуации

Тексты на футболках участвуют в формировании и структурировании визуального физического пространства в местах обитания людей, прежде всего – в городе. Таким образом возникает область непосредственного взаимодействия двух основополагающих категорий, определяющих бытие человека: пространства и текста. Эти категории онтологически и функционально взаимосвязаны: «Текст пространственен, и пространство есть текст», тексты «семиотически обживают пространство» [4: 227]. В исследуемом здесь феномене свойства глубинной одноприродности и структурного изоморфизма указанных категорий проявляются в непосредственном и эксплицитном виде, в интеграционном опыте создания единого знаково-информационно-коммуникативного продукта.

Есть еще один аспект рассмотрения проблемы пространства и текста. Живые существа инстинктивно маркируют пространство своего пребывания («метят территорию»); этот первичный универсальный семиотический инстинкт сохранился и в культурной практике человечества. Пресловутая надпись «Здесь был Вася» – типичный случай парадигмы текстуализации пространства. Человек воспринимает текст как прием самоутверждения в мире, испытывает от текстового насыщения пространства своеобразный экзистенциальный восторг. Осознание нелимитированности текстов во времени, в отличие от жизни че-

ловека, придает этой практике особую силу интенциональности, превращает ее в антропологическую универсалию: значительную часть текстов человек использует для «оглашения своего бытия и удвоения его в фиксированном слове» [5: 76].

Способы визуальной репрезентации текста в качестве элементов, формирующих физическое пространство как среду обитания социума, довольно разнообразны. Наряду с надписями на футболках (одежде) можно назвать и такие составляющие современного городского текстового ландшафта, как граффити, реклама, боди-арт (татуировка), модульные информационные тексты (баннеры, таблички, плакаты и проч.). Все эти виды текстовой, паратекстовой, креолизованно-текстовой деятельности формируют особый аспект визуального имиджа современного города, репрезентируют актуальный набор культурно-значимых смыслов и в этом качестве образуют некоторую функциональную общность – как коммуникативные практики, построенные на семиотике зрелищности, дискурсивной идеологии театральности, «демонстрации смыслов» (см. об этом [6] и [7]).

Надписи на футболках функционируют в фокусе взаимодействия двух разных семиотических систем: семиотики языка и семиотики одежды. Если рассматривать проблему их знаковой сущности в более широком плане, то обнаружится, что она представляет собой комплексное образование, возникающее в результате взаимодействия множества смысло-несущих факторов: психологических, когнитивных, эмоциональных, культурологических, прагматических, поведенческих, эстетических, гедонистических. План выражения представляет собой структуру, в составе которой вербальный текст взаимодействует с предметно-событийным контекстом. Троиединством «словесный текст + предметная среда + действия людей» создается знаковый комплекс синкретичного типа, транслирующий в каждом конкретном случае уникальный набор социокультурных смыслов и импликаций. В некоторых случаях текст надписи и тело человека функционируют как элементы единой смысловой синтагматической композиции, создающие в комплексном взаимодействии нетривиальные семантико-прагматические эффекты. Например, субтильная девушка демонстрирует на футболке принт *Fragile? Who?* Это прием комической провокативной фокусировки, коммуникативная игра с высоким потенциалом социально-позитивного воздействия. Впрочем, шутливо-иронически относятся к своим физическим характеристикам и люди массивного телосложения; когда толстяк появляется в футболке *I need some space*, возника-

ет коммуникативное сообщение, в котором вербальная семантика выступает во взаимодействии с эффектами телесной зрелищности. Пример коммуникативно-синтагматической интеграции текста и физической деятельности: девушка на роликовых коньках и в футболке с призывом *Run!*. Таким образом, важнейшим семиотическим признаком текстильных принтов является их социально-смысловая интегрированность в визуально-информативную эмпирику бытия.

Синкретично-многоплановый характер знаковой композиции подчеркивается и графически: отсутствием точки как визуально-смысловой границы, отказом от употребления заглавной буквы в зачине фразы, игнорированием знаков препинания как сугубо лингвистических сущностей. Это дизайнерское решение призвано усилить эффект растворенности вербального текста в предметно-визуальном контексте.

Как известно, восприятие предметного мира происходит одновременно, а текст воспринимается в линейной протяженности (длительно). Это два разных способа формирования, передачи и освоения информации: путем демонстрации физических объектов в естественной наглядности и в символической форме, путем кодирования и декодирования знаковых комплексов. В случае надписей на футболках это онтологическое различие не является препятствием для успешного взаимодействия вербального и невербального, оно нейтрализовано структурным изоморфизмом интегрирующихся элементов: короткая вербальная фраза по характеру рецепции не сильно отличается от визуального предметно-ситуационного фрагмента мира; ср. трактовку ритмообразующей роли и структурного подобию фотографического снимка и поэтической фразы Ю. Н. Тыняновым: «кадр – такое же единство, как ... замкнутая стиховая строка» (цит. по: [8: 26]).

Еще одним феноменологически значимым признаком данных текстов является демонстрируемый ими синкретизм рационального и эмоционального, двойственный характер прагматики, сочетающей в себе референциальную информативность и обращение к сфере чувственного. Эмоциональный мотив можно рассматривать как их константный признак, интенсивность его реализации варьируется от предельно высокой (*Hello!* или *you are beautiful*) до минимальной, имплицитно-обусловленной фактом демонстрируемой значимости социального контакта (ср., например, обыденно-философские сентенции, не предполагающие моментальной эмоциональной реакции: *everything can change/nothing is real*). Априорная эмоциональность позволяет

включить эти тексты в систематику средств моделирования коммуникативной ситуации и рассматривать их в одном ряду с такими невербальными формами проявления социальной солидарности и эмпатии, как улыбка, махание рукой, кивок головой, комплиментарный взгляд, касание рукой, обнимание и др. В более широком плане можно говорить о системе средств коммуникативной поддержки, стратегии «эмоционального поглаживания» – движении, направленном против практики самоизоляции людей и дезэмоционализации сферы общения; идеологи этого движения иницируют и такие глобальные гуманитарные акции, как Международный день спонтанного проявления доброты или Международный день объятий.

Исследуемые тексты интересны и тем, что они нередко маркированы в плане атрибуции своей принадлежности к определенному физическому или социокультурному пространству. Например, природно-климатическое своеобразие Шотландии отражено в надписи *better a rainy day on a hill than a sunny one in the office*. В текстильных принтах может быть актуализована также идентифицирующая информация иного типа, например семантика гендерности. Надписи *king is king/my game my rules/f*ck you* воплощают идеологию маскулинности, а тексты *fake love is boring me/yes but no* репрезентируют женскую ментальность.

В условиях интеграции всегда возникает проблема гармоничного взаимодействия коммуницирующих сторон, максимально выигрышного использования потенциала каждой из них. В отношении вербальной составляющей исследуемого здесь культурного феномена это проявляется в том, что, как правило, используемые в дизайне футболок тексты безупречны с точки зрения нормы языка, стилистики и прагматики речи. Словесно-текстовая образцовость гармонирует с возвышенным когнитивным и социокультурным содержанием, возникает своеобразная ситуация семиотического иконизма. Эта тенденция явно доминирует, встречающиеся случаи языковой и этической деструктивности только подтверждают ее – методом «от обратного».

Проблема категории субъектности

Роман Якобсон выделил в семиотической модели коммуникации шесть конститутивных элементов: адресант, адресат, сообщение, контекст, контакт, код [9]. Исследуемый здесь тип коммуникации (текстильные принты) структурируется согласно данной модели: в нем представлены все указанные номенклатурные факторы. Вопрос в другом – в онтологической состоятельности самого коммуникатив-

ного события как реалии социальной жизни: Можно ли считать его эмпирически-очевидным фактом социальных интеракций? Можно ли говорить о том, что коммуникация имеет место? Можно ли оценить ее как успешную? Эти вопросы возникают из проблемы субъектности дискурса, проблемы причастности человека к коммуникативному действию.

Любая ипостась языка-речи подразумевает присутствие человека; любой текст выступает как индексальный знак, имплицитно мыслящий об отправителе и реципиенте речи. Данная гносеологическая предпосылка имеет свою специфику в приложении к анализируемым здесь текстам, что обусловлено особым их положением в систематике явлений социальной жизни. Известно, что в структурировании социального континуума заметную роль играет феномен когнитивной неопределенности: пограничные и переходные состояния, противоположные восприятия и оценки, коммуникативная инверсия, комбинаторика потенциального и реального, яви и фантазии, рационального и эмоционального. В некоторых видах дискурсивных практик двуплановость, недосказанность, референционно-прагматическая открытость и незавершенность выступают как их базовый телеологический признак. Надписи на футболках относятся к данному типу дискурса, что наиболее рельефно проявляется в том, как реализуется в них категория субъектности.

Очевидно, что коммуникация посредством текстильных слоганов осуществляется в проекции на прототипическую модель коммуникации, обязательными элементами которой, как известно, являются отправитель и получатель речевого сигнала. Для данного типа коммуникации актуальны три ролевые позиции категории субъектности: автор текста, демонстратор текста, адресат текста. Модус бытийности и семиотический статус каждого из этих субъектов различны.

Коммуникативная позиция автора представлена, в свою очередь, в трех вариантных реализациях: S1 – надпись на футболке является оригинальным текстом, созданным (анонимным) дизайнером одежды для тиражирования в массовом производстве и сбыте (*Good girls go to heaven, bad girls go to London*); S2 – текст представляет собой уникальный креативный слоган, разработанный для сугубо индивидуального использования (в Лос-Анджелесе девушка, не допущенная в ночной клуб по причине несоответствия стандартам стройности, заказала протестный принт *Fat Is The New Black*; по всему миру набирает популярность практика *custom T-shirt* – изготовление футболки в выбранном заказчиком единичном текстовом оформлении); S3 – для декориро-

вания футболки используется прецедентный текст, вербальная цитата из истории культуры (*All You Need Is Love/No pain no gain*). Демонстратор текста (носитель футболки) является единственным эмпирически идентифицируемым агентом данной коммуникации; только он фигурирует в коммуникативном действии как реальное физическое лицо. Обозначим эту ролевую позицию символом S4. В ее структуре можно выделить ряд сопутствующих вариантных элементов агентивности: S4-1 – «автор зрелищно-игровой презентации» (ему принадлежит идея данного коммуникативного действия); S4-2 – «реальный исполнитель указанного действия», S4-3 – «носитель коммуникативной инициативы, коммуникативный лидер»; S4-4 – «модератор, управляющий процессом восприятия и понимания текстовой презентации». Ролевая позиция S4 может совпасть с позицией S2 (человек носит футболку, текст к которой он сочинил сам). Особый вариант данной коммуникативной роли: S4A – футболка стала случайным приобретением, хозяин футболки не является языковой личностью по отношению к тексту, его интенция здесь не актуализована.

Коммуникативно-ролевая позиция адресата S5 отличается от перечисленных выше тем, что она массово-дисперсна, тотально-адресатна, плюралистична и предполагает множественность трактовки в аспекте ее коммуникативно-прагматической реальности. Релевантными актуализациями этой позиции можно считать: S5-1 – адресат воспринял текст и отреагировал вербально или невербально в духе интенциональности послания; S5-2 – адресат воспринял текст и отреагировал вербально или невербально вопреки интенциональной установке автора; S5-3 – адресат воспринял текст ментально, но внешних признаков реагирования не проявил; S5-4 – адресат визуально заметил текст, но не освоил его содержательно.

Множественность коммуникативно-ролевых вариаций предполагает разнообразие возможностей их комбинаторики и возникающих при этом социально-смысловых отношений. Например, комбинаторный вариант S2 + S4 + S5-1 подразумевает принципиально иной тип коммуникативной реализации, чем вариант S1 + S4A + S5-2.

Таким образом, категория дискурсивного субъекта в исследуемой группе текстов не реализована в виде эмпирически-очевидной когнитивной конфигурации, сопоставимой, например, с ситуациями бытового диалога, в которых участники коммуникации (кто и с кем говорит) маркированы эксплицитно и точно. Референционная ясность в отношении субъектов дискурса в данном случае и не нужна,

она бы противоречила социокоммуникативному целеполаганию таких текстов, функцией которых является не обращение к конкретному адресату от конкретного отправителя речи с конкретной информацией о фактах жизни, а интеллектуально-символическая игра с бесконечностью смыслов и адресаций, имеющая целью придание позитивно-эмоциональной тональности пространству социального контакта. В этом тексты на футболках близки междометиям.

Интенциональная структура

Всякий текст возникает как реализация определенного набора коммуникативных интенций, признанных адресантом в качестве релевантных для данного сообщения; «текст – это интенциональное произведение автора, обращенное к адресату» [10: 226]. Интенциональность текста – это качество, благодаря которому интегрируемые в процессе социальной коммуникации единицы, формы и структуры языка становятся актуальными конституентами дискурса – коммуникативного события, в котором воплощается жизнь языка.

На наш взгляд, интенциональную структуру исследуемой здесь категории текстов, обуславливающую ее уникальное своеобразие в плане речевых жанров диверсификации социальных коммуникативных практик, можно представить следующим образом.

Коммуникативная контекстуализация социального пространства, актуализация идеи ценностной значимости человеческого общения как онтологической универсалии. Собственно говоря, информационно-коммуникативная деятельность человека никогда не прекращается, «мы постоянно находимся в процессе коммуникации с окружающими, хотим мы этого или нет» [11: 50]. Тексты на футболках можно трактовать и как реакцию на современные проблемы в сфере человеческого общения, как протест против нарастающей его безэмоциональности, анонимности, виртуализации. Интенция коммуникативной контекстуализации реализуется по-разному: в виде эксплицитной контактной инициативы (*Hello//Look at me!*), провокативно-вопросительной реплики (*How are you today?//Can you hear my heart?*), коммуникативного розыгрыша – конструирования ситуации фиктивно продолжающегося диалога (*And so what?//Just in time*). Очарование этих текстовых визуализаций состоит в том, что хотя при этом, как правило, дело не доходит до реального вербального взаимодействия, они приводят к изменению когнитивного и психоэмоционального состояния адресата. Особенно эффективны в этом плане речевые формулы с потенциалом максималь-

ной эмпатийности (*You look gorgeous//Smile! It's your day//Today you have inspired me*). Интерактивная коммуникативная и психоэмоциональная действенность подобных трансляций очевидна. Значительны и общесемиотические эффекты: символизация бытийного пространства, трансформирование предметно-событийного контекста путем приписывания ему метакоммуникативных смыслов и интенций, экскламативное напоминание о диалогической природе культуры и гуманизма, о том, какую роль играет в нашей жизни «общение как сущность человека» [12: 140].

Коммуникативная игра, карнавализация дискурса. Игра – необходимая часть биологической и социокультурной программы человека (*homo ludens*). Ее роль в освоении жизненного пространства и практической деятельности огромна. Установка на игру может абсолютно доминировать в индивидуальной и коллективной системе мировоззрения; ср. в этой связи замечание исследовательницы о писателе А. Д. Синявском: «Пространство бытия создавалось и трактовалось им прежде всего как игровое» [13: 136–137]. Вся человеческая культура может трактоваться в проекции на концепт игры, как это делал, например, Л. Витгенштейн, автор игровой теории происхождения, развития и функционирования языка и культуры. В сфере человеческого общения игра выступает как многоплановое явление: и как содержание, и как средство осуществления, и как цель коммуникации. Тотальность игровых стратегий в процессах общения очевидна: «В любом коммуникативном акте существует игровая установка и в этом плане можно говорить об игровой коммуникации» [14: 55].

Существуют социальные новеллы, преимущественно ориентированные на коммуникативную игру; к их числу относится и исследуемое здесь явление. Механизм реализации игровой установки в данном случае состоит в эксцентричном «сочетании несочетаемого», в нарушении границ бытования вещей, в приписывании им валентных связей, несвойственных их природе. Текст теряет онтологическую дискурсивную идентичность, оказывается нетождественным самому себе, выводится из первичного для него семиотического абстрактно-лингвистического пространства и транспонируется в дискурс конкретных вещей, в мир физических предметов и событий, приобретает новые свойства и функции – как элемент визуальной структурности мира, обладающий особым сверхлингвистическим потенциалом информативности.

В арсенале средств воплощения языковой игры в исследуемом типе текстов обнаружены: семантическая провокация на базе полисе-

мии/омонимии (*I'm a legend* – референтом имени может быть сам текст или хозяин футболки), конвергенция фоностилистических приемов (*Live Love Live Laugh* – аллитерация, паронимическая аттракция, повтор), оксюморон в рифмующейся композиции (*Master of disaster*), замена константного элемента речевого клише его фонетическим коррелятом по принципу семантического контраста (*Nice to eat you*), эксцентричное нарушение узувальных валентно-синтагматических связей (*Life laughs in flowers/Love is my favorite color*), экспликация семантики слова путем конструирования ситуации парадоксально-гротесковой наглядности (*Everything is a copy of a copy a copy of a copy a copy of...*). Как видно, предпочтение отдается здесь тем приемам прагматической мобилизации, которые обладают максимальной, моментально обнаруживающейся экспрессией. Это можно объяснить скоротечностью коммуникативного контакта, желанием вызвать прогнозируемый суггестивный эффект непосредственно в момент визуальной фиксации текста.

Особую нишу в систематике изучаемых явлений составляют креативные комбинационные решения, ориентированные исключительно на визуальное восприятие, не проецируемые на устный речевой модус. Им свойственны как минимум еще две отличительные особенности: бросающая эксцентричность формы и мотивированность дизайнерского решения семантикой языкового материала. Фигуративное решение воспринимается как изобразительно-номинативная экспликация узувальной языковой семантики; это наблюдается, например, при перевернутом написании слова с соответствующей семантической симптоматикой:

GNORW

Одна из функций визуально-актуализованных деструктивных манипуляций с языковым материалом – создание атмосферы когнитивной неопределенности (энигматизация дискурса), провоцирование адресата на разнонаправленные семантические поиски. Наиболее эффектно смотрятся дизайнерские композиции, построенные на параллелизме графики и семантики, когда визуальная композиция не только привлекает внимание необычностью формы, но и иллюстрирует семантический мир слова:

CRAZY

Игровые опыты всегда связаны с формированием нетривиальной перспективы восприятия языкового материала; примечательно, что визуально-ориентированные игровые интенции

могут быть реализованы с использованием классических ресурсов текстовой эксцентрики. В следующем примере игрового визуального эксперимента гротескно-автореферентная лексема *bitch* актуализована в форме акростиха:

Beautiful
Intelligent
Talented
Cute
Hot

Карнавально-иронический экспрессивный эффект усложнен очевидным контрастом между узувальной семантикой слова и побуквенными его окказиональными толкованиями (оксюморон).

Репрезентация экзистенциального опыта и социокультурных ценностей. При всем разнообразии семантики и прагматики исследуемых текстов они образуют автономный класс социокультурных объектов с четко маркированным экстралингвистическим отличием, которое сопряжено в них с типологически-релевантной спецификой лингвистических и дискурсивно-прагматических функций. Эти надписи не только служат для декорирования одежды, они выполняют и собственно текстовые функции, в том числе – информационно-коммуникативные. В эмпирике социокультурного пространства они позиционированы как изолированные коммуникативные события, как открытое динамическое множество некоординированных информационных артефактов. На первый взгляд, они не образуют содержательно и формально структурированной целостности. Но вместе с тем нельзя абсолютизировать представление об их дисперсности и фатальной разобщенности в структуре социокоммуникативных практик. Это отнюдь не так. В современной науке хаос трактуется как особый аспект репрезентации системных связей, отмечается его креативная роль в структурировании мира. Это особый модус организации объектов – физических и ментальных, статических и динамических, реальных и виртуальных. При таком подходе множество рассредоточенных в физическом пространстве текстов визуально-презентационного дискурса можно трактовать как образующие одну дискурсивно-лингвистическую целостность. В проекции на парадигмальные основы культуры, на систему мировоззренческих и ценностных пресуппозиций данного общества и данного времени эти тексты выступают как системно-функциональная совокупность. В частной детали одежды опосредованно отражена та или иная сторона жизни общества: его уклад, система ценностей, нравственные регуляции.

Эти информационные потоки представляют собой специфический способ моделирования мира, они семантически интегрируются, образуют непрогнозируемые конфигурации смыслов в сознании каждого из индивидуальных реципиентов, формируют своеобразную модель картины мира. Это особый тип интерактивного нарратива, социальной рефлексии, хронотопически интонированного повествования. Отсутствие эмпирически очевидной симптоматики целостности не является достаточным основанием для выведения этих явлений за рамки эпистемологической модели системности. Более того, можно привести аргументы в пользу того, что эти тексты манифестируют особый тип системно-дискурсивного структурирования коммуникативно-речевого континуума, реализуемый на основе специфического набора когнитивных и прагматических функций. Элементы системности обнаруживаются, например, в общих принципах общесодержательной организации таких текстов, в их отношении к нормам языка и этикета. Тексты на футболках выступают как средства социально-рефлексивной фокусировки, как приемы проблематизации общественно-значимых явлений.

В числе фундаментальных смыслоорганизующих интенций данных текстов, обеспечивающих их имплицитно-собирающую содержательную системность, следует назвать стратегию отображения общественного опыта и социокультурных ценностей. Частным аспектом этой стратегии является артикулирование социально-поведенческих идеалов и позитивно-креативных жизненных позиций. Проиллюстрируем этот тезис.

Семанτικο-прагматическим лейтмотивом многих надписей стала пропаганда активно-деятельного отношения к жизни, что, как известно, является абсолютным приоритетом в англосаксонской идеологии протестантизма. Эта коммуникативно-смысловая доминанта реализуется максимально эксплицитно – употреблением глаголом *do* в императивной конструкции: *Do it//Just do it//Think less do more//Do what you like//Dream it, wish it, do it//Do something good today*. Возможны синонимические и экспрессивно-стилистические вариации этой intersubъективной модальности: *Workout every day//Never stop//Shut up and train*. В суггестивных формулах нередко подчеркивается важность психологической готовности к действиям, к осуществлению своих планов: *If you want you can//Fall asleep with a dream, wake up with a purpose//Follow your dreams*.

В семантической парадигме корпуса исследуемых текстов значительное место занимает актуализация идеи жизненной стойкости и решимости в достижении целей; характерно,

что при этом, как правило, избегаются директивно-императивные апелляции: *I will never give up//Surrender is not an option//Never complain, never explain//Success is the best revenge//Believe in yourself*.

Экзистенциальные максимы, устанавливающие высокий социальный статус личностных морально-волевых качеств, могут быть референционно амбивалентны: *Born to win//Born to be free*. Они выступают и как средства самопрезентации (характеризуют отправителя текста), и как приемы суггестивно-императивной актуализации социально-престижных характеристик человека (имплицитная побудительность).

Широко представлен в номенклатуре текстильных принтов побудительный мотив оптимистического восприятия жизни, пребывания в гармонии с миром, умения открывать радости бытия. Способы актуализации этой линии интенциональности разнообразны: житейская сентенция с очевидными императивными импликациями *There are so many reasons to be happy everyday*, директивный гедонистический призыв *Enjoy your life* или его спецификации *Enjoy the little things//Enjoy the sweetness of nature*.

Социокультурные феномены часто имеют психологическую подоплеку. К такого рода явлениям в современных обществах следует отнести культивирование фобий, причиняющее вред физическому и психологическому благополучию людей. На почве рефлексии над деструктивной сущностью этого явления возникли слоганы, фокусированные на идее преодоления страха: *Live free, fear nothing//Fear less//Not afraid//Don't be afraid*. Простой и эффективный способ манифестации социальной солидарности, психологической поддержки людей, нуждающихся во внешних импульсах для восстановления душевного равновесия.

Важным интегративно-конститутивным признаком текстильных слоганов является четкость их позиционирования в отношении социальной аксиологии, системы общественных установок, норм и предписаний для регулирования деятельности практики индивидуумов. Общая интенциональная характеристика таких текстов – консенсус в отношении соблюдения социальных норм и табу, коммуникативно-этикетная валидность, ориентированность на позитивную ментальную и эмоциональную реакцию. Могут быть выделены три аспекта этой характеристики: этическая нормативность, лингвистическая корректность, эстетическая предпочтительность. Общность по признаку модуса исполнения – типологическая системно-объединительная черта исследуемых текстов.

Выводы

1. В практике текстового декорирования футболок находят воплощение ряд специфических черт современной массовой коммуникации: демократизм, поликодовость, установка на эмфатизацию и визуальные эффекты, прямой диалог с адресатом, смысловая и подтекстовая амбивалентность.

2. Все более активно проявляет себя модус функционирования языка, реализуемый исключительно средствами его визуально-графической субстанции. В связи с этим можно говорить о феномене зрелищности в употреблении языка и нарастании тенденции к функциональной асимметрии двух важнейших форм коммуникации (устной и письменной).

3. Тексты на футболках парадигматически интегрируются с другими вербальными и невербальными знаками, посредством которых реализуется позитивно-интонированная контактная инициатива и стратегия социальной солидарности. Эти знаки образуют отдельный аспект социальной семиотики, реализующий задачу коммуникативной контекстуализации бытийной среды.

4. Тексты, используемые для оформления футболок, отличаются специфическим набором лингвистических и дискурсивных характеристик, что позволяет рассматривать их как особую нарративную целостность и разновидность жанровых (субжанровых) коммуникативно-речевых практик.

5. В аспекте техники семиозиса тексты данной группы выступают как составная часть комплексной знаковой композиции, двумя другими релевантными компонентами которой являются фондовый предметно-культурный контекст и поведенческая активность людей в момент спонтанной интеракции.

6. Категория субъекта дискурса в концептуальной модели текстильных принтов представлена тремя позициями: автор/демонстратор/адресат. Эмпирически и референционно очевидна во всех случаях агентивная роль демонстратора, две другие роли отнесены к сфере импликаций: единичной (автор) и тотальной (адресат).

7. Исследуемые тексты выступают как полиинтенциональные культурные феномены, ориентированные на ритмико-смысловое декорирование стихийного потока обыденности и производство игровых (гедонистических) эффектов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Иванова Т. Е.* Alma mater, laudamus nomen tuum («Альма матер, славим имя твое»): Лингвосомиотика креолизованных текстильных инскрипций университетов мира // Изв. Волгоград. гос. пед. ун-та. 2018. № 5(128). С. 150–154.

2. *Мартынова Е. М.* Вербальная коммуникация посредством вестиментарного облика // Вестн. Черепов. гос. ун-та. 2019. № 1 (88). С. 77–85.

3. *Халиков М. М.* Текстиль и тексты: семиотика надписей на футболках // Поволж. пед. вестн. 2015. № 2 (7). С. 140–147.

4. *Топоров В. Н.* Пространство и текст // Текст: семантика и структура. М.: Наука, 1983. С. 227–284.

5. *Пиргов К. С.* Забота о своей духовности, или техника скриптитизации индивидуальной жизни // Vita Cogitans: Альманах молодых философов. Вып. 4. СПб.: С.-Петербург. филос. о-во, 2004. С. 75–107.

6. *Макаров М. Л.* Основы теории дискурса. М.: Гнозис, 2003. 280 с.

7. *Олянич А. В.* Презентационная теория дискурса. М.: Гнозис, 2007. 507 с.

8. *Северская О. И.* Поэтическая фотография // Русская речь. 2011. № 4. С. 25–30.

9. *Якобсон Р.* Лингвистика и поэтика // Структурализм: «за» и «против». М.: Прогресс, 1975. С. 193–230.

10. *Карасик В. И.* Языковой круг: личность, концепты, дискурс. М.: Гнозис, 2004. 390 с.

11. *Почепцов Г. Г.* Семиотика. М.: Рефл-бук; Киев: Ваклер, 2002. 432 с.

12. *Мамардашвили М. К.* Необходимость себя. Лекции. Статьи. Философские заметки. М.: Лабиринт, 1996. 432 с.

13. *Калмыкова В. В.* Эстетические воззрения А. Д. Снявского // Вопросы философии. 2009. № 7. С. 135–152.

14. *Шаховский В. И.* Эмоции и коммуникативное игровое пространство языка // Массовая культура на рубеже XX–XXI веков: Человек и его дискурс. М.: Азбуковник, 2003. С. 46–56.

REFERENCES

1. Ivanova T. E. Alma mater, laudamus nomen tuum (“Alma mater, we praise your name”): Linguosemiotics of creolized textile inscriptions of World’s Universities. *News of Volgograd State Pedagogical University*, 2018, no. 5(128), pp. 150–154 (in Russian).

2. Martynova E. M. Verbal communication by means of vestimentar image. *Bulletin of Cherepovets State University*, 2019, № 1 (88), pp. 77–85 (in Russian).

3. Khalikov M. M. Textile and texts: Semiotics of T-shirt-legends. *Pedagogical Bulletin of Volga Region*, 2015, no. 2 (7), pp. 140–147 (in Russian).

4. Toporov V. N. Prostranstvo i text [Space and text]. In: *Text: semantika i struktura* [Text: Semantics and Structure]. Moscow, Nauka Publ., 1983, pp. 227–284 (in Russian).

5. Pirgov K. S. Zabota o svoey duckovnosti, ili tekhnika skriptizatsii individualnoy zhizni [Care for ones spirituality, or technics for scriptisation of individual life]. *Vita cogitans: Almanakh molodykh filosofov* [Vita cogitans: Anthology for junior philosophers]. Saint Petersburg, Saint

Petersburg Philosophical Society, 2004, iss. 4, pp. 75–107 (in Russian).

6. Makarov M. L. *Osnovy teorii diskursa* [Basics of Discourse Theory]. Moscow, Gnozis Publ., 2003. 280 p. (in Russian).

7. Olyanich A. V. *Prezentatsionnaya teoriya diskursa* [The Presentation Discourse Theory]. Moscow, Gnozis Publ., 2007. 507 p. (in Russian).

8. Severskaya O. I. Poetic Photograph. *Russian Speech*, 2011, no. 4, pp. 25–30 (in Russian).

9. Jakobson R. Lingvistika i poetika [Linguistics and Poetics]. In: *Strukturalizm: "za" i "protiv"* [Structuralism: Pro and Contra]. Moscow, Progress Publ., 1975, pp. 193–230 (in Russian).

10. Karasik V. I. *Yazykovoy krug: lichnost', kontsepty, diskurs* [Language Circle: Personality, Concepts, Discourse]. Moscow, Gnozis Publ., 2004. 390 p. (in Russian).

11. Pocheptsov G. G. *Semiotika* [Semiotics]. Moscow, Refl-buk, Kiev, Vakler Publ., 2002. 432 p. (in Russian).

12. Mamardashvili M. K. *Neobkhodimost' sebya. Lektsii. Stat'i. Filosofskiye zametki* [Necessity of oneself / Lectures. Papers. Philosophical Notes]. Moscow, Labyrinth Publ., 1996. 432 p. (in Russian).

13. Kalmykova V. V. Aesthetic Views of A. D. Synyavsky. *Problems of Philosophy*, 2009, no. 7, pp. 135–152 (in Russian).

14. Shakhovskiy V. I. Emotsii i kommunikativnoe igrovoe prostranstvo yazyka [Emotions and Communicative-ludic Space of Language]. In: *Massovaya kul'tura na rubezhe XX–XXI vekov: Chelovek i ego diskurs* [Mass culture at the edge of XX–XXI centuries: Person and their Discourse]. Moscow, Azbukovnik Publ., 2003, pp. 46–56 (in Russian).

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СТАТЬИ

Халиков М. М. Зрелищно-игровые аспекты речевых жанров: надписи на футболках // Жанры речи. 2020. № 2 (26). С. 118–127. DOI: <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2020-2-26-118-127>

For citation

Khalikov M. M. Spectacular and Ludic Aspects of Speech Genres: T-shirt-legends. *Speech Genres*, 2020, no. 2 (26), pp. 118–127 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2020-2-26-118-127>

Поступила в редакцию: 16.05.2019. / Принята: 16.09.2019 / Опубликовано: 01.06.2020

Received: 18 May 2019 / Accepted: 16 September 2019 / Published: 01 June 2020

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

УДК 811.512.122'373

ББК 81

DOI: <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2020-2-26-128-135>

**З. К. Темиргазина,
А. Д. Амренов**
Павлодар, Казахстан

**Zifa K. Temirgazina,
Adilbek D. Amrenov**
Pavlodar, Kazakhstan

Культурная специфика метафоры «жилище» – «семья» в казахских свадебных тостах

Cultural Specificity of the “Housing” – “Family” Metaphor in Kazakh Wedding Toast

В предлагаемой работе рассматривается специфика метафорического осмысления понятия «семья» в казахской культуре. Исследование осуществляется на материале текстов казахских свадебных тостов. Эта разновидность речевого жанра тоста характеризуется признаками типизированности и вариативности, определяемыми конвенциональными нормами языка и речевой коммуникации. Слова, фразеологические сочетания, в которых объективируется метафорическая модель с областью-источником «жилище» и областью-мишенью «семья» в текстах казахских свадебных тостов, свидетельствуют о своеобразии языковой концептуализации понятия семьи. В языковых единицах сохранились «следы» языческих мифологических воззрений, древних обычаев, ритуалов и поверий казахов. В метафорической модели «жилище» – «семья» отражено представление о создании новой семьи как строительстве/устройстве нового жилища. Помимо общего представления семьи как жилища (ақ отау), в реализации этой метафорической модели участвуют элементы фрейма «жилище/юрта»: шаңырақ, босаға, кереге. Они относятся к наиболее семиотически нагруженным элементам казахской юрты и выступают символами счастья, безопасности, благополучия семьи. Об укорененности метафорической модели «жилище» – «семья» в языковом сознании казахов свидетельствует частотность употребления наименований юрты молодоженов – ақ отау, ее составных частей в современных свадебных тостах.

Ключевые слова: речевой жанр, свадебный тост, метафорическая модель, отау, шаңырақ, кереге, босаға.

The article deals with some aspects of a metaphorical understanding of the concept of “family” in Kazakh culture. The study is based on the material of the texts of Kazakh wedding toasts. This variety of the speech genre of the toast is characterized by typification and variability, determined by conventional language norms and norms of speech communication. Words and phraseological combinations, in which the metaphorical model is objectified with the source area “home” and the target area “family” in the texts of Kazakh wedding toasts, reveal the specific nature of the language conceptualization of the concept of family. The “traces” of pagan mythological views, ancient customs, rituals and beliefs of the Kazakhs were preserved in linguistic units. The metaphorical model “home” – “family” reflects the idea of creating a new family as building / constructing a new home. In addition to the general idea of the family as a dwelling (aq otaw), elements of the “dwelling / yurt” frame (şańıraq, bosağa, kerege) participate in the implementation of this metaphorical model. They belong to the most semiotically loaded elements of the Kazakh yurt and act as symbols of happiness, security, family well-being. The rooted metaphorical model “home” – “family” in the linguistic consciousness of the Kazakhs is evidenced by the frequency of the names of a newlyweds’ yurt – aq otaw, its components in modern wedding toasts.

Keywords: speech genre, wedding toast, metaphorical model, otaw, şańıraq, kerege, bosağa.

Сведения об авторах: Темиргазина Зифа Какбаевна, доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка и литературы.

Место работы: Павлодарский государственный педагогический институт.

E-mail: zifakakbaevna@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0003-3399-7364>

Амренов Адильбек Даутбекович, кандидат филологических наук, заведующий кафедрой казахского языка и литературы.

Место работы: Павлодарский государственный педагогический институт.

E-mail: adilbek.61@mail.ru

About the authors: Temirgazina Zifa Kakbaevna, Doctor of Philology, Professor of the Department of the Russian Language and Literature.

Place of employment: Pavlodar State Pedagogical Institute.

E-mail: zifakakbaevna@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0003-3399-7364>

Amrenov Adilbek Dautbekovich, Candidate of Philology, Head of the Department of the Kazakh Language and Literature.

Place of employment: Pavlodar State Pedagogical Institute.

E-mail: adilbek.61@mail.ru

Введение

Изучение жанровой организации речи во взаимосвязи с процессами социально-культурного взаимодействия требует междисциплинарного анализа, включающего помимо лингвистического культурно-антропологического, семиотического, лингвокультурный, коммуникативный подходы, что особенно актуально в эпоху межкультурной коммуникации и мультязычного общества. Неслучайно М. М. Бахтин называл речевые жанры «приводными ремнями от истории общества к истории языка» [1: 5]. Один из авторитетных исследователей в области речевой генетики К. Ф. Седов писал, что речевые жанры становятся тем «буферным пространством нашего сознания, где в одновременном существовании сливаются представления об эталонах социально значимого взаимодействия людей и о нормах речевого оформления такого взаимодействия» [2: 17–18].

Тенденция к прагматизации изучения речевого жанра предполагает отход от монологического подхода и активизацию его исследования с различных позиций, в том числе с лингвокультурологической. В. В. Деметьев объясняет это рядом причин: активным поиском базовой единицы речи, которая должна быть достаточно объемной; общей прагматизацией современной коллоквиалистики [3: 109].

Зарубежные исследователи делают акцент на коммуникативной установке или цели, считая ее важнейшим жанрообразующим признаком [4–6]. Коммуникативная цель свойственна каждому речевому жанру и формирует его внутреннюю структуру, композицию, языковую организацию. V. K. Bhatia писал: «Значительное изменение коммуникативной цели ведет к смене речевых жанров, в то время как изменения незначительные приводят к выделению поджанров» [4: 13]. Так, например, изменение иллокуции тоста «поздравить юбиляра с юбилеем» на «поздравить молодоженов с днем свадьбы» ведет к необходимости вычленив поджанр – свадебный тост.

Коммуникативные цели говорящего проявляются в выборе стратегий, тактик и отражаются во внутренней, или глубинной, структуре текста, которая представляет из себя систему символов, ассоциаций и смыслов, выступающих вербальной репрезентацией человеческого опыта и связанных с семиотикой конкретной культуры [7: 156]. Несомненно, что различия в человеческом опыте, обусловленные в первую очередь общими социально-культурными (этническими, профессиональными, гендерными, географическими и проч.) параметрами, во вторую очередь – индивидуальными

особенностями коммуниканта, определяют важность исследования глубинной структуры речевых жанров в межкультурной коммуникации. Если несовпадение контекстов культуры при интерпретации речевого жанра участниками межкультурной коммуникации является значительным, то интеракция может привести к непониманию, «культурному шоку» и, возможно, возникновению конфликта.

Еще М. М. Бахтин подчеркивал природную связь речевого жанра с родным языком: «Даже в самой свободной и непринужденной беседе мы отливаем нашу речь по определенным жанровым формам, иногда штампованным и шаблонным, иногда более гибким, пластичным и творческим. Эти речевые жанры даны нам почти так же, как дан нам родной язык» [1: 271].

Методы

Объектом нашего исследования является речевой жанр тоста в казахском языке, а конкретно его жанровая разновидность – свадебный тост. Предметом научного интереса выступают культурно-специфические языковые единицы, функционирующие в свадебных тостах и передающие своеобразие миропонимания брака и свадьбы в казахской ментальности. Для анализа речевого жанра М. Холлидей и Х. Руджайя [5] предлагают дифференцировать понятия «текст» и «контекст». Под последним они понимают общий контекст культуры и контекст частной ситуации, которая сложилась на момент речепроизводства [5]. Холлидей опирается на понятие «контекст культуры», введенное британским антропологом Б. Малиновским [8]. Б. Малиновский писал: «... Я думаю, что антропология, участвующая в создании научного образа своего предмета, а именно культуры, способна оказать другим гуманитарным наукам крайне важную услугу. Культура как наиболее широкий контекст человеческого поведения точно так же важна для психолога, как и для социолога, историка или лингвиста. Я полагаю, что лингвистика будущего, особенно в том, что касается теории значения, превратится в изучение языка в его культурном контексте» [8: 12]. Как мы видим, ученый также подчеркивает необходимость изучения значения языковых единиц в культурном контексте.

По мнению Холлидея, контекст ситуации есть некая целостность, организованная структурно и типичная для каждой культуры. Культурно-обусловленные знаки объективируются в процессе языковой концептуализации, в том числе с помощью когнитивного механизма аналогии – метафоры. Для анализа семантики языковых единиц – слов и идиом –

использовался метод построения метафорических моделей (субмоделей) [9: 146].

Результаты

Репрезентированные в языке смысловые доминанты содержат «следы» древних архетипических, сакральных, мифологических представлений, ритуалов и традиций казахов, как бы «законсервированных» в языковой форме. Особенно это касается поджанра «свадебный тост». Жанр тоста характеризуется признаками стандартности и вариативности. Свойство стандартности предполагает соблюдение ритуала, определенных правил поведения говорящим и адресатом, использование общепринятых речевых формул, соответствующих социокультурным нормам и конвенциям. Вариативность означает возможность определенной степени импровизации говорящим при создании жанра. «... Тост как первичный речевой жанр представляет особый интерес в современной концепции научного знания как объект лингвокультурологического и антропоцентрического исследования, потому что языковое выражение текста тоста, речевое и этикетное поведение говорящего неразрывно связано с культурной традицией и менталитетом народа, т. е. его массовым сознанием, традициями, обычаями и т. д. В настоящее время в условиях межкультурной коммуникации актуализировалась необходимость исследования универсальных и специфических характеристик поведения и общения различных народов в решении самых разнообразных вопросов; возросла потребность знать заранее те ситуации, в которых велика вероятность межкультурного непонимания» [10: 153].

Казахские тосты характеризуются ярко выраженной ритуальностью и строгой смысловой соотнесенностью с основным поводом к праздничному застолью. Современный казахский свадебный тост также обладает высокой степенью соответствия традиционному, общепринятому в казахской коммуникативной культуре установкам. Культурная специфичность свадебного тоста проявляется в следовании определенному ритуалу поздравления, в особом статусе адресатов и статусе говорящего, в строгой иерархии произносящих тосты, в прагматически обусловленной эмоциональности, экспрессивности, однозначно позитивной оценочной ориентации. Это распространенные внешние характеристики жанра, интерпретацию которых осуществить носителям другой культуры и языка не составляет труда.

Так, казахский ритуал поздравления молодоженов предполагает следующий порядок действий: тамада (ведущий свадьбы) объ-

являет имя того, кому предстоит говорить следующий тост. Тамада обязательно указывает на степень его родства с молодоженами, с какой стороны гость – со стороны невесты или со стороны жениха; объявление сопровождается шутками и поговорками тамады относительно статуса поздравляющего. Он выходит на определенное место, обычно в центре зала; остальные гости в это время должны прекратить разговаривать, есть и повернуться к нему, чтобы слушать. Иерархия произносящих тосты на казахском свадебном торжестве – тое – четко и строго регламентирована. Нарушение порядка предоставления тостов может стать серьезным поводом для обиды и даже конфликта с родственниками и друзьями в последующем. Первый тост, открывающий той, – *бата беру* (дать благословение) – предоставляется самому старшему по возрасту в роду жениха. Далее идут родители жениха и невесты, затем сваты (*бас куда, кудалар*), близкие старшие родственники (дяди, тети, старшие братья, их жены), друзья семьи, младшие родственники, друзья жениха и невесты. Если на свадьбе присутствуют гости, приехавшие издалека, (*алыстан келген қонақтар*), то им оказывается особый почет и уважение и предоставляется слово для поздравления сразу после родителей или сватов. Время тоста не ограничивается, считается невежливым прерывать говорящего. Поэтому тост может иногда длиться довольно долго – 30–40 минут. Поздравляющий может также сопроводить слова тоста песней.

Гораздо более сложным для инокультурного восприятия является отражение в свадебных тостах, в их глубинной структуре своеобразных представлений казахов о браке и семье. Они репрезентируются в языковых единицах, носящих чаще всего безэквивалентный характер и представляющих лакуны в языковом сознании носителей другой ментальности. Эти единицы построены на основе когнитивного механизма метафорической концептуализации, восходящей к основам архаического языкового и мифологического мировоззрения казахов.

Самой частотной метафорической моделью в казахских свадебных тостах является модель, в которой для осмысления области знаний «семья» используется в качестве источника когнитивная область «жилище/отау». А. К. Байбурин писал: «В традиционном обществе жилище — один из ключевых символов культуры. С понятием "дом" в той или иной мере были соотнесены все важнейшие категории картины мира у человека. Стратегия поведения строилась принципиально различно, в зависимости от того, находился ли человек дома или вне его пределов. Жилище имело

особое, структурообразующее значение для выработки традиционных схем пространства. Наконец, жилище — квинтэссенция освоенного человеком мира» [11: 3].

Когнитивная область «жилище/отау» упоминается для означивания семьи и начала семейной жизни 392 раза в 435 тостах. Это свидетельствует об устойчивости данной метафорической модели в языковом сознании казахов. Например: *Бүгінгі отау құрып жатқан екі жасты біз мақтамаймыз, біз олармен мақтанамыз* (Мы не хвалим двух молодых людей, которые сегодня строят свою семью, мы гордимся ими); *Сіздер бүгін мемлекеттің кіші моделі – отбасын құрып, отау тіктіңіздер* (Сегодня вы строите маленькую модель государства – семью, шьете отау); *Сіздерді бүгінгі салтанатты заңды некелеріңізбен, отау құрып, шаңырақ көтеруге сіздеріңізбен шын жүректен құттықтаймын!* (От всего сердца поздравляем с сегодняшней законной регистрацией брака, со строительством отау, поднятием шаңырака); *Отау тігу тойы, шаңырақтарын шайқалмасын!* (Пусть не разрушится ваша вновь построенное жилище, не зашатается его шаңырақ) и т. д.

Согласно словарю, *отау* в первичном значении означает «юрта молодых», т. е. жилище для молодоженов. Метафорическое значение слова – «выделившаяся (из отцовского дома) молодая семья». В тостах слово *отау* употребляется с глаголами физического действия: *отау көтеру* (дословно «поднять юрту»), *отау құру* (дословно «поставить юрту»), *отау тігу* (дословно «шить юрту»). Все эти идиомы имеют одно метафорическое значение «выделяться из отцовского дома; становиться хозяином самостоятельной семьи», жениха, соответственно, называют *отау иесі* (хозяин молодой семьи, выделившейся из отцовского дома) [12].

Как мы видим, глаголы, вступающие в устойчивые метафорические сочетания со словом *отау*, носят конкретно-созидательный характер и обозначают созидание нового – новой семьи. Глубокая образно-понятийная ассоциация связана с пониманием процесса созидания молодой семьи как длительного, трудоемкого процесса, требующего значительных усилий многих людей. Эта ассоциативная связь обусловлена свадебными обычаями и ритуалами казахов, зачастую имевшими сакральный характер. В соответствии с древними традициями родители готовят для дочери жилище – юрту. Считалось, что новый дом должен принести счастье молодой семье, поэтому юрту украшали, старались, чтобы в ней было уютно. Вероятно, поэтому в составе одного из фра-

зеологизмов употребляется глагол *тігу* со значением «шить» (*отау тігу*), поскольку для убранства жилища требовалось много женского рукоделья. В процессе подготовки жилища для молодых принимали участие родные и близкие, родственники со стороны матери, соседи.

Выбор места для отау – жилища молодых определялся сакральным фактором. Это было место справа от юрты отца жениха, т. е. с южной стороны – *оң жағынан*. Как отмечают антропологи и этнографы, согласно восточной ориентации по сторонам света тюркских народов, юрты ставились входом к востоку, который считался передом, запад, соответственно, – задней частью, юг – правой стороной (*оң жағы*), а север – левой стороной (*сол жағы*) [13: 418–419]. Восточная ориентация у тюрков была семантически связана с культом солнца как главного небесного светила, восход которого символизировал обновление мира и оживление всего сущего в гармоничном «освоенном» пространстве [14].

Сакральный характер имело и название жилища молодых – *ақ отау* (дословно «белая юрта»). «Белый цвет (*ақ тус*) до сих пор ассоциируется со многими положительными понятиями: дневным светом, молоком, благополучием, счастьем – и символизирует невинность, чистоту, честность. ... Белый цвет войлока – наружного покрытия юрты – считался престижным и был привилегией богатых и молодоженов. Необходимо отметить, что слова, обозначающие цвета, в словосочетаниях приобретают добавочные оттенки. Так, *ақ жол* (букв.: «белый путь») означает «добрый путь»; *ақ көңіл* (букв.: «белое, светлое настроение») – «добродушный»; *ақ ниет* (букв.: «белое, светлое, чистое намерение») – «искренний, доброжелательный»; *ақ жүрек* (букв.: «белое сердце») – «чистосердечный, добрый». Таким образом, белый цвет осмысливается на комплиментарном уровне и переводится в разряд сакральных» [15: 143]. В словосочетании *ақ отау* белый цвет приобрел значение чистоты, благополучия, счастья.

В текстах свадебных тостов – благопожеланиях молодоженам – упоминается не только *отау*, *ақ отау* как целостная реальность, представляющая единый фрейм, но и ее важнейшие составные части, представляющие элементы фрейма казахского жилища – юрты. Фреймовая структура отау как жилища молодоженов экстраполируется на понятийную структуру семьи как социально-культурного явления. Чаще всего в свадебных тостах говорится о таких структурных элементах отау, как *шаңырақ*, *кереге*, *босаға*. Например: *Жаңа отбасыларыңыздың шаңырағына күннің нұры тәгілсін* (Пусть сияние солнца

озарит щанырак вашей новой семьи); *Ойын-күлкі, береке-бірлік шаңырақтарыңыздан еш кетпесін* (Пусть никогда не уйдет смех и радость, единство из-под вашего щанырака); *Шаңырақтарын биік болсын, керегелерің кен болсын, босағаларын берік болсын* (Пусть будет высок ваш щанырак, широки и просторны кереге, крепки двери юрты); *Жаңыл осы шаңыраққа қонған бақыт құсы бол!* (Пусть птица счастья поселится под этим щаныраком); *Шайқалмасын шаңырағын ешқашан* (Пусть никогда не закачается ваш щанырак).

Шаңырақ – это деревянный круг на вершине юрты, дымоход юрты. Кроме этого, слово имеет метафорическое значение «потомство; семья»; см. устойчивые выражения: *қара шаңырақ* (дословно «черный щанырақ») в значении «отчий дом (по отношению к сыновьям)»; *шаңырағы ортасына түсті* (дословно «щанырақ упал на середину юрты») в значении «потерять опору семьи; потерять семейный очаг»; *шаңырағына ат ойнату* (дословно «на его щаныраке выгуливать лошадей») в значении «разгромить дотла, уничтожить его семью»; *шаңырақ иесі* (дословно «хозяин щанырака») в значении «глава семьи» [12]; *құлаған шаңырағың қайта көтерді* (дословно «снова поднял упавший щанырақ») в значении «снова женился, восстановил семью, хозяйство» [16: 89].

Фразеологизм *шаңырақ көтеру* имеет прямое первичное значение «поднимать щанырак (при установке юрты)» и метафорическое значение «образовывать новую семью; обзаводиться семьей» [12] в соответствии с метафорической моделью «жилище» → «семья». В первичном значении передается древний обычай установки свадебной юрты – ақ отау, поднятие щанырака. Шаңырақ отау поднимается на шесте сидящим на лошади человеком, обычно это уважаемый человек в возрасте – многодетный отец. Такой выбор был символическим. Казахи считали, что это будет способствовать рождению в молодой семье большого количества детей.

Среди пожеланий молодым функционирует формула *Шайқалмасын шаңырағын ешқашан!* – Пусть твоя семья будет прочной! (дословно «Пусть никогда не зашатается щанырак твоего дома!»). Глубоко символическим является и благопожелание *Шаңырағың биік болсын!* – Пусть будет крепка ваша семья! (дословно «Пусть ваш щанырак будет высоким!»).

Шаңырақ в культуре казахов относится к реалиям высокой степени семиотичности и сакральности. Большинство языческих, мифологических и культовых обрядов совершается с участием этого ритуального символа дома, домашнего очага, семьи, продолжения

рода. Как часть юрты он был семейной реликвией, передавался из поколения в поколение, щанырак юрты отца почитался сыновьями как святыня. В важнейших жизненных ситуациях казахи клялись, глядя на щанырақ. Понятие «щанырақ» было одним из главенствующих солярных символов в миропонимании и мировоззрении казахов, восходящих к тенгрианским воззрениям. Тюрколог И. В. Стеблева пишет об этом: «На наш взгляд, особая сакрализация щанырака объясняется его связью с двумя важнейшими древнетюркскими культурами – Тенгри и предков» [17: 213–214]. «В системе перекодировок “макрокосм и жилище” щанырақ, будучи самым верхним уровнем юрты, соотносится с небосводом» [18: 379].

Шаңырақ также выполнял в казахской юрте сакральную охранную функцию. Круглая форма щанырака, его части, материал, качество – все это непосредственно связано с понятием «кут» – защитником блага семьи [19: 12].

Еще одной составной частью отау, упоминаемой в свадебных тостах-благопожеланиях, является *босаға* – вход в юрту, т. е. дверные косяки и порог. Она относится к очень важным сакрализованным элементам юрты. В представлении казахов дверные косяки и порог является священным местом, именно здесь находятся богатство, благополучие семьи. *Босаға* – сакральная граница дома и внешнего мира. Всем действиям у входа-выхода приписывалась высокая степень семиотичности [11: 136]. «Так, при первом входе в юрту свекра или в “отау” (юрта молодоженов) невеста должна была у порога совершить три поклона, прислониться головой к косякам двери, переступить порог сначала правой ногой» [18: 380].

В казахской традиции, как практически у всех тюрко-монгольских народов, юрту новобрачных готовили родственники невесты. Однако, по свидетельству Н. И. Гродекова, дверные косяки привозил с собой жених [20: 66]. Как полагает Н. Ж. Шаханова, изготовление остова юрты и двери разными мастерами было обусловлено представлением об обязательном соединении в юрте двух начал (мужского и женского), реализовавшегося в соединении жениха и невесты [19: 21].

Согласно обычаю, первыми в отау входят наиболее уважаемые женщины селения, вливают масло в огонь очага, порог и косяки двери – *босаға* – обмазывают маслом. Масло, изливаемое в очаг, означает первую жертву духам юрты, покровителям домашнего очага. Обмазывание маслом порога и дверных косяков также должно умиловить духов юрты. Эти действия выполняют, кроме того, охранную функцию, поскольку дверь считалась границей между своим и чужим мирами

и требовала особой защиты. Поэтому пожелание молодым в свадебном тосте *Босағаларың берік болсын!* (дословно «Пусть дверные косяки вашего дома будут крепкими!») означает *Пусть ваше благополучие будет крепким! Пусть ваша семья будет сильной и защищенной!*

Кереге – еще один часто упоминаемый в свадебных тостах элемент юрты, занимающий особое место в семиотике жилища и семиотике брака. Это сборно-раздвижное основание юрты, которое состоит из отдельных секций решеток, соединенных друг с другом, и образует тем самым круговую стенку юрты [14]. Размер казахской юрты зависит от размера ромбовидных отверстий кереге. Символическое пожелание молодым *Керегелерің кең болсын!* (дословно «Пусть ваши кереге будут широкими») означает «Пусть ваш дом будет просторным!».

Для современных носителей казахского языка некоторые сакрально-семиотические смыслы утеряны и, соответственно, некоторые пожелания в свадебных тостах воспринимаются как речевые формулы и штампы, однако общая семиотика семьи в казахской культуре, позитивно-аксиологическая и эмоциональная ориентация свадебных благопожеланий понятны и не вызывают проблем с их интерпретацией. Архетип строительства семьи как строительства жилища сохраняется в сознании современных носителей казахской культуры, несмотря на то что традиция *отау көтеру* в ее первоначальном виде утрачена в силу кардинальных изменений образа жизни казахов. Об этом свидетельствуют языковые данные. Так, в словосочетаниях с глаголом *құру* (строить) в свадебных тостах могут употребляться не обязательно слова *отау*, *шаңырақ*, а слова *отбасы* («семья»), *жануя* («семья»); *отбасы құру* (строить семью), *жануя құру* (строить семью).

Заключение

Анализ речевого жанра современного казахского свадебного тоста показал, что значительное место в их глубинной структуре занимает семиотика брака и семьи, сложив-

шаяся в течение многих столетий развития тюркской кочевой культуры. В современном Казахстане многие свадебные и семейные обычаи потеряли свою актуальность ввиду изменения ритма и уклада жизни, а также под влиянием исторических факторов. Женщины, как и во всех традиционных культурах мира, стали более эмансипированными, изменили отношение к семье и браку. Они уже не обязательно полностью посвящают себя семье и детям, а стремятся достичь карьерных высот наравне с мужчинами. Тем не менее исследование свидетельствует о том, что многие доминанты в семиотике семьи и брака сохранились в языковом сознании казахов до сих пор. Это обусловлено тем, что сохранившиеся смысловые доминанты соотносятся с важнейшими для казахской ментальности сакрализованными реалиями и явлениями, главное место среди которых занимает жилище казахов – юрта.

Для носителей других культур представляется сложным, а иногда практически невозможным полноценное понимание и интерпретация всех стоящих за языковыми единицами смыслов и ассоциаций, поскольку это требует либо полного овладения концептуальной картиной мира другого народа («контекстом культуры», по Малиновскому), либо эквивалентной передачи всех культурно-специфических понятий на другом языке. Последняя задача предполагает использование комплекса определенных переводческих методов и приемов описательного плана, но при всем этом может оказаться, что результат не будет достигнут. Трудно перевести и описать такие слова, как *отау*, *шаңырақ*, *босаға*, *кереге*, так как они относятся к безэквивалентным единицам, но еще сложнее передать культурно-семиотическую нагруженность этих слов, весь спектр смыслов и смысловых приращений, стоящих за ними.

Надо отметить, что и для современных носителей казахского языка, возможно, не всегда до конца понятен этот смысловой спектр, но залегающие на уровне глубоко подсознательного и бессознательного архетипы позволяют им верно воспринимать и интуитивно интерпретировать его.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1986. 444 с.
2. Седов К. Ф. О жанровой природе дискурсивного мышления языковой личности // Жанры речи : сб. науч. ст. Саратов : ГосУНЦ «Колледж», 1999. Вып. 2. С. 13–26.
3. Дементьев В. В. Изучение речевых жанров : обзор работ в современной русистике // Вопросы языкознания. 1997. № 1. С. 109–121.
4. Bhatia V. K. Analyzing Genre. Language Use in Professional Settings. L. ; N. Y. : Longman, 1993. 246 p.
5. Halliday M. A. K., Ruqaiya H. Language, Context, and Text: Aspects of Language in a Social-Semiotic Perspective. Oxford : Oxford University Press, 1989. 127 p.
6. Вежищкая А. Речевые жанры // Жанры речи : сб. науч. ст. Саратов : ГосУНЦ «Колледж», 1997. Вып. 1. С. 99–111.
7. Гадамер Х.-Г. Истина и метод. Основы философской герменевтики. М.: Прогресс, 1988. 704 с.

8. Малиновский Б. Научная теория культуры. М.: ОГИ, 2005. 184 с.
9. Temirgazina Z., Akosheva M., Yrysgul Sh., Shaharman A., Kurmanova Z., Kairova M. Metaphors in Anatomical Terminology // *Space and Culture, India*. 2019. Vol. 7, № 1. P. 143–153.
10. Архипова Е. М. Тост как первичный речевой жанр в современной концепции научного знания // *Научная мысль Кавказа*. 2010. № 3. С. 151–155.
11. Байбурин А. К. Жилище в обрядах и представлениях восточных славян. Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1983. 191 с.
12. Русско-казахский словарь. URL: <https://sozdik.kz/ru/dictionary/translate/kk/ru> (дата обращения: 12.07.2019).
13. Подосинов А. В. Ориентация по странам света архаических культур Евразии. М.: Языки славянской культуры, 1999. 720 с.
14. Бекбердинова Г. М. Внутреннее пространство и символика казахской юрты. URL: <http://www.vkoem.kz/index.php/ru/directions/otdel-kazaxskoj-etnografii/1428-vnutrennee-prostranstvo-i-simvolika-kazaxskoj-yurty> (дата обращения: 2.06.2019).
15. Тохтабаева Ш. Ж. Этикетные нормы казахов. Ч. I. Будни и праздники. Ч. II. Семья и социум. М.: iPUB, 2017. 400 с.
16. Кеңесбаев І. К. Фразеологиялық сөздік. Алматы: Арыс, 2007. 798 б.
17. Стеблева И. В. К реконструкции древнетюркской религиозно-мифологической системы // *Туркологический сборник*. М.: Наука, 1972. С. 213–214.
18. Еуизбаева М. К. Юрта и особенности мировосприятия казахов. Электронный научный журнал «*edu.e-history.kz*». 2018. № 1 (05). URL: <http://edu.e-history.kz/ru/publications/view/379> (дата обращения: 30.07.2019).
19. Шаханова Н. Ж. Мир традиционной культуры казахов. Алматы: Казахстан, 1998. 212 с.
20. Гродеков Н. И. Киргизы и каракиргизы Сыр-Дарьинской области. Юридический быт. Ташкент: Типолитограф. С. И. Лахтина, 1889. Т. 1. 205 с.
6. Wierzbicka A. Rechevye zhanry [Speech genres]. *Zhanry rechi: sb. nauch. st.* [Speech genres: coll. of sci. art.]. Saratov, 1997, iss. 1, pp. 99–111 (in Russian).
7. Gadamer H.-G. *Istina i metod. Osnovy filosofskoy germeneytiki* [Truth and method. Fundamentals of philosophical hermeneutics]. Moscow, Progress Publ., 1988. 704 p. (in Russian).
8. Malinovski B. *Nauchnaya teoriya kul'tury* [Scientific theory of culture]. Moscow, OGI, 2005. 184 p. (in Russian).
9. Temirgazina Z., Akosheva M., Yrysgul Sh., Shaharman A., Kurmanova Z., Kairova M. Metaphors in Anatomical Terminology. *Space and Culture, India*, 2019, vol. 7, no. 1, pp. 143–153.
10. Arkhipova Ye. M. Toast as the primary speech genre in the modern concept of scientific knowledge. *Scientific Thought of the Caucasus*, 2010, no. 3, pp. 151–155 (in Russian).
11. Bayburin A. K. *Zhilishche v obryadakh i predstavleniyakh vostochnykh slavyan* [Dwelling in the rites and representations of the Eastern Slavs]. Leningrad, Nauka Publ., Lening. otd-nye, 1983. 191 p. (in Russian).
12. *Russko-kazakhskiy slovar* (Russian-Kazakh dictionary). Available at: <https://sozdik.kz/ru/dictionary/translate/kk/ru> (accessed 12 July 2019) (in Russian).
13. Podosinov A. V. *Oryentatsiya po stranam sveta arkhaischeskikh kul'tur Yevrazii* [Orientation to countries of the archaic cultures of Eurasia]. Moscow, Yazyki slavyanskoy kul'tury Publ., 1999. 720 p. (in Russian).
14. Bekberdinova G. M. *Vnutrenneye prostranstvo i simbolika kazakhskoy yurty* (Interior space and symbolism of the Kazakh yurt). Available at: <http://www.vkoem.kz/index.php/ru/directions/otdel-kazaxskoj-etnografii/1428-vnutrennee-prostranstvo-i-simvolika-kazaxskoj-yurty> (accessed 2 Juny 2019) (in Russian).
15. Tokhtabayeva Sh. Zh. *Etiketnyye normy kazakhov. Part I. Budni i prazdniki. Part II. Sem'ya i sotsium* [The etiquette norms of the Kazakhs. Part I. Weekdays and holidays. Part II. Family and society]. Moscow, iPUB, 2017. 400 p. (in Russian).
16. Кеңесбаев І. К. *Frazeologiyalıq sözdik* [Phraseological dictionary]. Almaty, Aris Publ., 2007. 798 p. (in Kazakh).
17. Stebleva I. V. K rekonstruktsii drevnetyurkskoy religiozno-mifologicheskoy sistemy [To the reconstruction of the ancient Turkic religious-mythological system]. In: *Tyurkologicheskiy sbornik* [Turkological collection]. Moscow, Nauka Publ., 1972, pp. 213–214 (in Russian).
18. Yegizbayeva M. K. Yurta i osobennosti mirovospriyatiya kazakhov (Yurt and features of the worldview of the Kazakhs). *Elektronnyy nauchnyy zhurnal "edu.e-history.kz"* (Electronic scientific journal "edu.e-history.kz"), 2018, no. 1 (05). Available at: <http://edu.e-history.kz/ru/publications/view/379> (accessed 30 July 2019) (in Russian).
19. Shakhanova N. Zh. *Mir traditsionnoy kul'tury kazakhov* [The world of traditional Kazakh culture]. Almaty, Kazakhstan Publ., 1998. 212 p. (in Russian).
20. Grodekov N. I. *Kirgizy i karakirgizy Syr-Dar'inskoy oblasti. Yuridicheskiy byt* [Kirghiz and Karakirgiz of the Syr-Darya region. Legal life]. Tashkent, Tipolitogr. S. I. Lakhtin, 1889. Vol. 1. 205 p. (in Russian).

REFERENCES

1. Bakhtin M. M. *Aestetika slovesnogo tvorchestva* [Aesthetics of verbal creativity]. Moscow, Iskusstvo Publ., 1979, pp. 237–280 (in Russian).
2. Sedov K. F. O zhanrovoy prirode diskursivnogo myshleniya yazykovoy lichnosti [About genre nature of discursive thought of language personality]. *Zhanry rechi: sb. nauch. st.* [Speech genres: coll. of sci. art.]. Saratov, GosUNTs "Kolledzh", 1999, iss. 2, pp. 13–26 (in Russian).
3. Demytyev V. V. The study of speech genres. A review of works in modern Russistics. *Topics in the Study of Language*, 1997, no. 5, pp. 109–121 (in Russian).
4. Bhatia V. K. *Analyzing Genre. Language Use in Professional Settings*. London and New York, Longman, 1993. 246 p.
5. Halliday M. A. K., Ruqaiya H. *Language, Context, and Text: Aspects of Language in a Social-Semiotic Perspective*. Oxford: Oxford University Press, 1989. 127 p.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СТАТЬИ

Темиргазина З. К., Амренов А. Д. Культурная специфика метафоры «жилище» – «семья» в казахских свадебных тостах // *Жанры речи*. 2020. № 2 (26). С. 128–135. DOI: <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2020-2-26-128-135>

For citation

Temirgazina Z. K., Amrenov A. D. Cultural Specificity of the “Housing” – “Family” Metaphor in Kazakh Wedding Toast. *Speech Genres*, 2020, no. 2 (26), pp. 128–135 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2020-2-26-128-135>

Поступила в редакцию: 09.08.2019 / Принята: 09.11.2019 /
Опубликована: 01.06.2020

Received: 09 August 2019 / Accepted: 09 November 2019 /
Published: 01 June 2020

Статья опубликована на условиях лицензии Creative
Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

This is an open access article distributed under the terms of
Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

УДК 81'42+81'37

ББК 81

DOI: <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2020-2-26-136-145>

М. В. Батюшкина
Омск, Россия

Marina V. Batyushkina
Omsk, Russia

К вопросу о жанровых особенностях конституционных преамбул

To the Question of Genre Features of Preambles to Constitutions

В статье представлены результаты исследования жанровых параметров преамбулы к Конституции Российской Федерации и преамбул к конституциям республик, входящих в состав Российской Федерации. В качестве жанровых параметров (жанрообразующих факторов) рассматриваются: (а) отнесенность к тексту закона определенного субжанрового типа; (б) предмет-тема; (в) коммуникативные функции; (г) субъектный состав (образы автора-адресанта и адресата); (д) пространственно-временные и иные обстоятельство-характеристики; (е) вербальные и невербальные средства передачи информации (форма речи, тон речи, тип текста, типовая схема текста и специфика ее наполнения /унифицированность). Отмечается, что с помощью конституционных преамбул транслируются прототипичные коммуникативные смыслы, универсальные принципы и категории (социально-нравственные, морально-этические, политические, правовые), а также ценности (личные, коллективные, общественные). В качестве основных функций конституционных преамбул определяются волеизъявительная, программно-целевая, ценностно-ориентированная и персуазивная. Делается акцент на том, что функциональная сторона определяет типовое строение и содержание преамбулы, в том числе продуктивность инверсионного способа построения преамбулы (субъект волеизъявления – аргументация – предмет речи). Особое внимание уделяется речевым формулам (шаблонам), с помощью которых формируется представление об адресантах конституционных преамбул, их основных и дополнительных институциональных «действиях». Анализируется взаимосвязь обстоятельство-характеристик и определительных оборотов-сочетаний, образованных на основе политико-дипломатических, публицистических и правовых клише; контекстуальная синонимия; значение и частотность общекультурных концептов. В основе методологии – комплексный подход к системе российских законов как гипертекстовому пространству, позволяющий исследовать данное пространство в единстве и целостности составляющих его компонентов и применить принципы дискурсивного, жанрово-стилистического, лексико-грамматического, семантического, сравнительного, статистического и других видов анализов.

The article presents the results of a study of the genre parameters of the preamble to the Constitution of the Russian Federation and preambles to the constitutions of the republics that are part of the Russian Federation. The following aspects are considered as genre parameters (genre-forming factors): (a) relevance to the text of a law of a certain sub-genre type; (b) subject matter; (c) communicative functions; (d) subject composition (images of the author, addressor and addressee); (e) spatio-temporal and other circumstantial characteristics; (f) verbal and non-verbal means of transmitting information (speech form, speech tone, type of the text, typical layout of the text and its specific filling/unification). The article shows that with the help of constitutional preambles, prototypical communicative meanings, universal principles and categories (social, moral, ethical, political, legal), as well as values (personal, collective, public) are broadcast. The main functions of the constitutional preambles are the expression of the will, program-target, value-oriented and persuasive ones. It is noted that the functional side determines the typical structure and content of the preamble, including the productivity of the inverse method of constructing the preamble (the subject of the will – argumentation – the subject of speech). Special attention is paid to speech formulas (templates), with the help of which one gets an idea about the addressees of constitutional preambles, as well as about basic and optional institutional «actions» of addressees. There is an analysis of the interrelation of circumstantial and definitive turns-combinations formed on the basis of political-diplomatic, journalistic and legal cliches contextual synonymy; and of the importance and frequency of general cultural concepts. The methodology is based on a comprehensive approach to the system of Russian laws as a hypertext space that makes it possible to explore this space in the unity and integrity of its components and apply the principles of discourse, genre-stylistic, lexico-grammatical, semantic, comparative, statistical and other types of analysis.

Ключевые слова: преамбула, конституция, адресант, семантика действия, концепт, речевые клише.

Keywords: preamble, constitution, addressee, action semantics, concept, speech cliches.

Сведения об авторе: Батюшкина Марина Владимировна, кандидат педагогических наук, старший консультант отдела лингвистической экспертизы и систематизации законодательства.

Место работы: Законодательное Собрание Омской области.

E-mail: soulangeana@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0003-1472-5953>

About the author: Batyushkina Marina Vladimirovna, Candidate of Pedagogical Sciences, Senior Consultant of the Department of the Linguistic Expertise and Legislation Systematization.

Place of employment: Legislative Assembly of Omsk Region.

E-mail: soulangeana@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0003-1472-5953>

Постановка проблемы

В правовой науке преамбулы к законам рассмотрены с различных точек зрения (В. М. Антоненко [1], Р. В. Артемьева [2], Г. А. Гаджиев [3], Ю. А. Дмитриев [4], Л. К. Лутова [5] и др.), но в лингвистике особенности текстов преамбул практически не изучены, соответственно, данный вопрос не получил ни концептуального освещения, ни терминологического обозначения. В качестве исключения можно назвать исследования П. Н. Хроменкова [6] о текстах конституций в аспекте лингвоконфликтологии, Г. В. Басенко и Г. Г. Матвеевой [7] о восприятии конституционных штампов. Между тем результаты лингвистических изысканий полезны как теоретикам, рассматривающим специфику языка законодательных (и в целом правовых) текстов, так и практикам, участвующим в создании и экспертизе законов.

Осуществляемое нами исследование текстов российских законов показывает, что преамбула – это своего рода «вступление» к основному тексту закона. В ней обозначены предпосылки и цели принятия закона, культурно-правовые ценности и приоритеты государственно-правового устройства. Для конституций и уставов преамбулы являются обязательными, но большинство «обычных» законов не содержит преамбул¹.

Анализ преамбул позволяет, с одной стороны, выделить их общие и частные формально-содержательные особенности, отличающие предварительный текст преамбулы от основного текста закона по функциям, типу и характеру представления информации; с другой стороны, в связи с очевидным своеобразием и типологическим сходством разграничить и описать преамбулы конституций, уставов и «обычных» законов. В данной статье представлены общие характеристики конституционных преамбул.

Материал и методология исследования

В качестве основного материала данной работы выступают преамбула к Конституции РФ и 22 преамбулы к конституциям республик, входящих в состав РФ. Экземпляры конституций анализируются с помощью справочных правовых систем «Консультант Плюс», «Консультант Плюс Регион».

В основе методологии работы – комплексный подход к системе российских законов как гипертекстовому пространству, позволяющий исследовать данное пространство в единстве и целостности составляющих его компонентов и применить принципы дискурсивного, жанрово-стилистического, семантического, сравнительного, статистического, текстуального и интертекстуального анализов.

При исследовании преамбул (как и текстов законов в целом) мы применяем жанровый подход и ориентируемся на труды Д. С. Лихачева, М. М. Бахтина, А. Вежицкой, В. Е. Гольдина, В. В. Дементьева, К. А. Долинина, Н. В. Орловой, В. А. Салимовского, Т. В. Шмелевой и других ученых, поскольку полагаем, что жанр – не только типовая, но структурирующая модель построения речевого целого, позволяющая предугадывать его форму, объем и содержание.

На наш взгляд, при описании жанровых особенностей преамбул, предваряющих законодательные тексты, наиболее значимыми являются следующие параметры (жанрообразующие факторы):

- отнесенность к тексту закона определенно-го субжанрового типа (конституции, устава, «обычного» закона);
- предмет-тема;
- коммуникативные функции;
- субъектный состав (образы автора-адресанта и адресата);
- обстоятельственные и пространственно-временные характеристики;

¹Например, из 23 федеральных кодексов, являющихся ключевыми документами отраслей права, преамбула есть лишь в двух – Бюджетном и Водном.

- вербальные и невербальные средства передачи информации:
 - форма речи (письменная (печатная)/ электронная),
 - тон речи (высокий, торжественный, реже нейтральный),
 - тип текста (волеизъявление, убеждение, внушение и др.),
 - типовая схема (структурно-синтаксическая организация) текста и специфика ее наполнения (концепты, устойчивые обороты, частотная лексика, типы клише, средства визуализации).
- волеизъявительная – передача информации о волеизъявлении определенного круга лиц² о принятии главного закона – конституции государственно-территориального образования (Российской Федерации; республики, входящей в состав федерации);
- программно-целевая – преамбула содержит основания, принципы и цели развития государственно-территориального образования для правильного понимания назначения конституции, напр.: *утверждение незыблемости демократической основы России* (преамбула к Конституции РФ); *установление правового государства, которое обеспечило бы верховенство закона* (преамбула к Конституции Башкортостана); *выражение воли народа ... к сохранению исторически сложившейся государственности* (преамбула к Конституции Коми);
- ценностно-ориентированная – преамбула закрепляет идеологическую детерминацию принятия конституции, основы политического и общественного строя государственно-территориального образования, межгосударственного и межэтнического взаимодействия (отражена в таких частотных речевых клише, как *гражданский мир и согласие, вера в добро и справедливость, право народов на самоопределение*);
- персуазивная – с помощью преамбулы транслируется информация, воздействующая на волю и сознание адресата, вызывающая положительные эмоции, возвышенные чувства, побуждающая к реализации определенных программ и алгоритмов действий (в частности, значимость и положительная оценочность транслируемой информации передается с помощью частотной высокой лексики: *незыблемость, благоденствие, нынешнее, помыслы, впредь, великий, преисполнены*; речевых клише с книжной (устар.) окраской: *чтя память предков* (Конституция РФ); *Да будет благополучие! ... свидетельствуя уважение, будучи преисполнены решимостью сохранения, соединив с этим свои помыслы и волю* (Степное Уложение (Конституция) Калмыкии))³.

Результаты исследования

Конституционные преамбулы, являясь «введением» к основному тексту конституции, отличаются от него и по содержанию, и по оформлению. Большинство конституционных преамбул, за исключением преамбулы к Конституции Крыма, не идентифицированы термином-наименованием «преамбула».

В конституционных преамбулах разъясняются предпосылки (основания), общественно-политический смысл, цели и задачи принятия конституции; принципы внешней и внутренней политики; «правовые ценности и духовные идеи народа» [1: 9]. Приведенный после преамбулы основной текст конституции воспринимается в качестве логически «следующего» из предложенных в преамбуле предпосылок, принципов и задач.

Как отмечают правоведы, в преамбуле, в отличие от основного текста конституции, не содержится нормативных предписаний, не формулируются предмет правового регулирования и дефиниции, вместе с тем, учитывая природу и назначение преамбулы, она может быть основой «доктринального толкования» [2: 13] и нередко имеет «субсидиарное значение для квалификации» нормативных документов в качестве соответствующих либо не соответствующих конституции [5: 26]. По мнению Ю. А. Дмитриева, косвенным подтверждением «юридической силы» преамбулы являются решения Конституционного Суда РФ, «которые не делают различий» между положениями преамбулы и основным текстом конституции [4: 38].

В результате анализа текстов преамбул мы сделали вывод о том, что основными функциями конституционных преамбул являются:

Функциональная сторона преамбулы определяет ее типовое строение и содержание.

²Как будет отмечено далее, субъекты волеизъявления представлены в тексте преамбулы в образе адресанта: *Мы, многонациональный народ Российской Федерации* (преамбула к Конституции РФ); *Верховный Совет Республики Коми* (преамбула к Конституции Коми) и др.

³Способствует передаче значимости употребление прописных букв: *Великая Россия, Основной Закон, Степное Уложение, КОНСТИТУЦИЯ РЕСПУБЛИКИ, МНОГОНАЦИОНАЛЬНЫЙ НАРОД РЕСПУБЛИКИ*. Прописная буква выполняет большую индивидуализирующую функцию, позволяет выделять особо важные слова (с позиции автора текста) и мотивирует их соответствующее восприятие адресатом.

Большинство конституционных преамбул построено на основе трехчастной модели:

- во вводной части называется адресант (субъект волеизъявления, «источник» конституционного текста);
- в основной – аргументирующей – формулируются (разъясняются для адресата) исторические и социальные предпосылки, мотивы и цели (проблемы результата) принятия конституции;
- в заключительной части указывается предмет преамбулы.

С синтаксической точки зрения текст преамбулы, построенный по данной модели, представляет собой двусоставное предложение, осложненное однородными деепричастными оборотами, стоящими в препозиции по отношению к сказуемому-глаголу. В структуре данного предложения с помощью подлежащего выражен адресант, с помощью сказуемого – основное действие адресанта, с помощью деепричастных оборотов – факультативные действия адресанта.

Инверсионный способ построения предложения позволяет не только сделать акцент на основном институциональном действии, но и передать семантику воодушевления, возвышенности, торжественности акта принятия конституции.

В качестве адресанта конституционной преамбулы (и соответственно конституции) позиционируется либо общность людей (многонациональный народ), либо парламенты/депутаты парламентов, выступающие от лица народа и выражающие (транспирующие) его волю. Для обозначения адресантов и их основных институциональных действий используются типовые речевые формулы (шаблоны).

Так, если в качестве адресанта выступает многонациональный народ либо сообщество депутатов парламента, применяется формула, выражающая номинацию косвенного обращения, построенная на основе сочетания местоимения 1-го лица множественного числа и составного имени-конкретизатора, напр.:

- шаблон «а»: *Мы, многонациональный народ Российской Федерации, соединенные общей судьбой на своей земле; Мы, многонациональный народ Республики Дагестан – составная часть многонационального народа РФ, исторически объединившегося в единое государство;*
- шаблон «б»: *Мы, депутаты Народного Собрания (Парламента) Карачаево-Черкесской Республики; Мы, полномочные представители многонационального народа РФ, проживающего в Республике Мордовия.*

При этом семантика основного действия передается:

- либо глаголом 1-го лица множественного числа настоящего времени «принимаем», напр.: *Мы, многонациональный народ Республики Башкортостан, ... принимаем в лице своих полномочных представителей Конституцию Республики Башкортостан* (шаблон «а¹»); *Мы, полномочные представители многонационального народа Республики Бурятия, ... принимаем настоящую Конституцию* (шаблон «б¹»);
- либо союзной связью глаголов 1-го лица множественно числа настоящего времени «принимаем», «провозглашаем», «считаем», напр.: *Мы, многонациональный народ Республики Саха (Якутия), ... принимаем настоящую Конституцию и считаем ее впродолье Основным законом Республики Саха (Якутия) – государства в составе РФ* (шаблон «а²»); *Мы, полномочные представители многонационального народа Республики Алтай, ... принимаем первую Конституцию Республики и провозглашаем ее Основным Законом Республики Алтай* (шаблон «б²»).

Если адресант выражен именем-конкретизатором без вводного местоимения (шаблон «в»), семантика действия транспируется либо с помощью глагола 3-го лица единственного числа настоящего времени «принимает», напр.: *Народ Республики Марий Эл через своих представителей в Конституционном Собрании ... принимает настоящую Конституцию* (шаблон «в¹»), либо с помощью союзной связи глаголов 3-го лица единственного числа настоящего времени «принимает», «провозглашает», «устанавливает», напр.: *Многонациональный народ Республики Северная Осетия – Алания ... провозглашает и устанавливает настоящую Конституцию* (шаблон «в²»).

В том случае, когда в качестве адресанта выступает парламент, речевая формула строится на основе сочетания подлежащего (официального наименования парламента) и сказуемого, выраженного глаголом 3-го лица единственного числа настоящего времени «принимает», напр.: *Верховный Совет Удмуртской Республики ... принимает Конституцию Удмуртской Республики* (шаблон «г»).

Проведенный анализ показывает, что наиболее употребительными (и соответственно предпочтительными) являются шаблоны «г» (применен в 7 преамбулах из 23 – в конституциях Адыгеи, Карелии, Крыма, Коми, Удмуртии, Хакасии, Чувашии) и «а²» (в конституциях Ингушетии, Калмыкии, Якутии, Тывы, Чечни). Среднечастотными являются шаблоны «б¹» (в конституциях Бурятии, Мордовии, Кабардино-Балкарии, Карачаево-Черкесии) и «а¹» (в конституциях России, Башкортостана, Даге-

стана). Единичными примерами представлены шаблоны «б²» (в Конституции Алтая), «в¹» (в Конституции Марий Эл) и «в²» (в Конституции Северной Осетии).

Наиболее продуктивным является использование образов собирательно-обобщенного адресанта (многонациональный народ – в 10 преамбулах) или единично-коллективного адресанта (парламент республики – в 7). В первом случае речь идет о народе, выступающем в роли «конституционного законодателя» (термин Г. А. Гаджиева [3: 13]). Во втором – об институциональном субъекте юридического дискурса, выполняющем предписанную статусно-ролевую функцию. Менее продуктивно использование образов коллективно-обобщенного адресанта («полномочные представители народа» – в 4 преамбулах, «народ республики через представителей» – в 1) или собирательно-коллективного адресанта (депутаты – в 1), которые можно рассматривать в качестве коррелированных вариаций первых двух образов.

Предпосылки и цели, идеологическая детерминация принятия конституции выражаются с помощью перечисления (каскада) деепричастных оборотов, образуемых на основе: (а) деепричастий настоящего времени несовершенного вида⁴, согласуемых либо с формами косвенных падежей, либо с причастиями и инфинитивами; (б) речевых клише: политико-дипломатических и публицистических, выражающих универсальные принципы, этнокультурные концепты, или юридических, выражающих правовые концепты.

С помощью деепричастных оборотов передается семантика обстоятельственного, факультативного («мыслительного») действия при основном институциональном действии – принятии (провозглашении и установлении) конституции. Адресант принимает конституцию, одновременно осуществляя такие «мыслительные» факультативные действия, в которых отражены коммуникативные интенции и замысел: *выражая* волю к сохранению исторически сложившейся государственности; *уважая* вклад предшествующих поколений; *признавая приоритет* общечеловеческих ценностей и т. д.

Анализ деепричастий (и соответственно факультативных действий), употребляемых в конституционных преамбулах, позволяет отнести их к одной из трех групп⁵:

⁴При сравнении конституционных преамбул мы отметили общую тенденцию «неиспользования» при образовании деепричастных оборотов деепричастий прошедшего времени совершенного вида. В качестве исключения можно назвать преамбулу к Степному Уложению (Конституции) Калмыкии, в которой применяется оборот *соединив с этим свои помыслы и волю*.

⁵Далее числовой индекс над словом (напр.: *выражая*¹⁴) обозначает количество словоупотреблений в проанализированных преамбулах конституций, в скобках приводятся примеры зависимых слов (словосочетаний).

- высокочастотным – более 10 употреблений: *исходя из*¹⁹ (общепризнанных принципов, ответственности перед настоящим и будущим); *выражая*¹⁴ (волю, приверженность идеалам); *утверждая*¹² (веру в добро, гражданский мир и согласие);
- среднечастотным – от 4 до 10: *признавая*⁹ (республику субъектом РФ, права народов на самоопределение); *подтверждая*⁸ (стремление к сохранению целостности (государства), историческое единство с народами России); *стремясь*⁸ (сохранить, обеспечить благополучие и процветание); *сознавая*⁸/*осознавая*⁵ (историческую общность народов, ответственность); *основываясь*⁵ (на Конституции РФ); *свидетельствуя*⁴ (уважение, о своей исторической общности с Россией); *сохраняя*⁴ (самобытность народов, связь поколений); *заботясь*⁴ (о сохранении и развитии народа);
- низкочастотным – 3 и менее: *уважая*³ (вклад предшествующих поколений, права народа); *руководствуясь*³ (общепризнанными принципами, положениями Конституции РФ); *чтя*³ (память предков); *учитывая*² (высокую ответственность, своеобразие); *принимая во внимание*² (вхождение республики в состав РФ); *реализуя*² (волю многонационального народа, право на самоопределение); *считая*² (республику субъектом РФ); *стремясь*² (к созданию благоприятных условий, к становлению гражданского общества); *опираясь*² (на исторические традиции и нравственные принципы, на многовековую общую историю); *заявляя*¹ (о стремлении обеспечить благополучие); *возрождая*¹ (суверенную государственность); *поддерживая*¹ (принципы демократического общества); *будучи преисполнены*¹ (решимостью сохранения государственного единства); *имея целью*¹ (сохранить многообразие и самобытность культур).

Любая конституционная преамбула может быть проанализирована на предмет употребления в ней низко-, средне- и высокочастотных для конституционных преамбул деепричастий. Например, при построении преамбулы Конституции РФ использованы 2 высокочастотных (*утверждая*, *исходя из* (оба применяются дважды), 3 среднечастотных (*сознавая*, *сохраняя*,

стремясь (с инфинитивом)) и 2 низкочастотных (чтя, возрождая) деепричастия. В преамбуле Конституции Марий Эл используются 2 низкочастотных (реализуя, заявляя), одно среднечастотное (подтверждая) и одно высокочастотное (утверждая) деепричастия.

Чем больше в тексте преамбулы низкочастотных средств, тем менее он оригинален, и наоборот. В связи с этим особый акцент сделаем на сочетаемости деепричастий с речевыми клише. В настоящей работе мы не используем понятие «речевой штамп» (см., напр.: работы Д. Э. Розенталя [8: 148–149]; О. П. Сологуб [9: 197]) в силу передаваемого данным понятием негативного оттенка, который, на наш взгляд, не имеет речевое клише. Последнее является не речевым недочетом, а необходимым, неотъемлемым средством, использование которого обусловлено функциями преамбулы.

В широком смысле под речевыми клише (от фр. *cliché* – стереотип, копия) мы понимаем сложившиеся по традиции, устойчивые по структуре, лаконичные и целостные по значению регулярно воспроизводимые нетерминологические словосочетания и предложения, типовые схемы словосочетаний, предложений, текстов, выполняющие в правовом тексте факультативные, вспомогательные функции (информативную, перформативную, интерпретирующую, выделительную, связующую и др.) и являющиеся идентификаторами официально-делового стиля и юридического дискурса. Смысловая нагрузка речевых клише в том, что они являются своеобразными «помощниками»: автору они помогают при трансляции мысли в форму текста, адресату – при его восприятии и интерпретации.

В результате проведенного анализа мы отметили, что при построении текстов преамбул используются как высокочастотные устойчивые обороты-сочетания, образованные на основе разных речевых клише (исходя из общепризнанных принципов равноправия и самоопределения народов; основываясь на Конституции РФ; соединенные общей судьбой на своей земле), так и низкочастотные, единичные примеры оборотов (свидетельствуя уважение к многовековой истории чувашского народа; осознавая Мордовию частью Великой России). В составе последних, как правило, используются официальные названия республик и этнонимы (Чувашская Республика, башкирская нация и т. п.).

С точки зрения частотности употребления в преамбулах различаются:

- политико-дипломатические клише: *многонациональный народ*²⁰, *гражданский мир и согласие*¹⁶, *равноправие народов*¹¹, *исторически сложившийся*⁸, *общепризнан-*

*ные принципы*⁷, *самоопределение народов*⁷, *право народов (нации) на самоопределение*⁶, *воля народа*⁶, *высокая ответственность*⁵, *целостность государства*⁴, *демократическое общество*⁴, *общечеловеческие ценности*⁴, *демократическая основа*³, *свидетельствуя уважение*³, *идеал социальной справедливости*³, *нормы международного права*², *мировое сообщество*¹, *историческое единство*¹, *суверенная государственность*¹, *укрепление государственности*¹;

- публицистические клише: *нынешние и будущие поколения*⁹, *вера в добро и справедливость*⁷, *ответственность перед народом*⁶, *социальная справедливость*⁴, *память предков*³, *прошлые (или предшествующие) поколения*³, *благополучие граждан*³, *достойная жизнь*³, *соединенные общей судьбой*², *на своей земле*², *самобытность народов*², *любовь и уважение*², *исторические судьбы*², *историческая общность*², *исторические традиции*², *высшие ценности*², *любовь к Отечеству*¹, *земля отцов*¹, *духовные традиции*¹, *духовные ценности*¹, *процветание народов*¹, *идеалы добра*¹, *многовековая история*¹, *историческое развитие*¹, *историческая связь поколений*¹, *национальные традиции*¹, *национальные культуры*¹, *национальная самобытность*¹, *национальное происхождение*¹;
- юридические клише: *права и свободы человека*¹⁹, *полномочные представители*⁵, *свобода волеизъявления*², *государственный суверенитет*², *верховенство закона*¹, *право на самоопределение*¹.

В свою очередь, вышеприведенные клише отражают частотность воспроизводства концептов:

- высокочастотных (10 и более употреблений): *народ*⁶³, *право*³², *сохранение*²⁵, *история*²², *свобода*²², *мир*¹⁹, *нынешнее/настоящее*¹⁹, *принцип*¹⁷, *согласие*¹⁶, *обеспечение*¹⁶, *самоопределение*¹⁴, *справедливость*¹², *воля*¹², *гражданин/гражданине*¹², *благополучие*¹¹, *равноправие*¹¹, *будущее*¹¹, *поколения*¹⁰;
- среднечастотных (от 4 до 9): *добро*⁹, *государственность*⁹, *демократия*⁹, *закон*⁷, *вера*⁷, *единство*⁷, *территория*⁷, *судьба*⁷, *ценность*⁷, *процветание*⁶, *уважение*⁵, *приоритет*⁶, *культура*⁵, *предки*⁴, *общность*⁴, *целостность*⁴, *добровольность*⁴, *идеал*⁴;
- низкочастотных (3 и менее): *память*³, *прошлое*³, *любовь*³, *жизнь*³, *Отечество*², *Родина*², *язык*², *духовность*², *норма*², *нация*¹, *нравственность*¹, *сотрудничество*¹.

На наш взгляд, данные концепты могут быть рассмотрены и в качестве общекультур-

ных (по словам Ю. С. Степанова, «сгустка культуры» [10]), и в качестве правовых феноменов. Но в отличие от общекультурных правовые концепты вне текста преамбулы к конституции и в целом юридического дискурса утрачивают свой институциональный смысл, поскольку интерпретируются без учета причинно-следственной и содержательно-фактуальной связи концепта, текста и юридического дискурса, его объекта, предмета, целей и задач.

Сделаем акцент на том, что в отличие от глаголов и деепричастий, выражающих семантику настоящего, базирующегося на прошлом, направленность на моделируемые ситуации и ожидаемые результаты, «футуральную перспективу» (термин Т. В. Шмелевой [11: 28]), с помощью речевых клише и концептов передается взаимосвязь коммуникативных времен: прошлого – настоящего – будущего.

Анализ материала показывает, что и речевые клише, и концепты в конституционных преамбулах могут быть контекстуально синонимичными. Сравните, например, речевые клише (конструкции): *земля отцов – Отечество; общая судьба – единая судьба – общность исторических судеб; историческое единство народов – историческая общность народов – общность исторических судеб народов; самобытность народа – национальная самобытность; исторически сложившееся государственное единство – исторически сложившаяся государственность; признавая республику субъектом РФ/считая республику субъектом РФ; основываясь на Конституции РФ/руководствуясь положениями Конституции РФ*; концепты: *память /прошлое, Отечество /Родина, единство/территория, общность/целостность, государственность/демократия.*

Объем конституционной преамбулы, как правило, зависит от количества предпосылок и целей, на которые делается акцент. Конституционные преамбулы могут быть как краткими, оформленными в виде одного абзаца (преамбулы конституций Адыгеи, Бурятии, Ингушетии, Калмыкии, Карачаево-Черкесии, Хакасии), так и развернутыми, оформленными в виде текста из нескольких абзацев (элементов перечня). Так, преамбула Конституции Марий Эл содержит 5 абзацев, Коми – 6, по 7 абзацев имеют преамбулы конституций Дагестана, Кабардино-Балкарии, Мордовии, Тывы, Удмуртии, 8 – Северной Осетии, 9 – Алтая, Башкортостана, 10 – Чувашии, 11 – преамбулы к конституциям Якутии (Саха) и России. Оформление преамбулы в виде перечня позволяет сделать особый акцент на отдельных частях единого текста: субъекте волеизъявления (первый абзац), предпосылках и целях

(«внутренние абзацы»), предмете преамбулы (последний абзац).

Исключением из рассмотренного общего правила построения конституционных преамбул является преамбула к Конституции Татарстана, имеющая иную логико-содержательную структуру. В данной преамбуле в качестве адресанта – субъекта волеизъявления названа Конституция Татарстана, выражающая волю «многонационального народа Республики Татарстан и татарского народа». Характеристики конституции как персонифицированного субъекта волеизъявления сформулированы в виде перечисления однородных сказуемых (глаголов 3-го лица единственного числа настоящего времени) и зависимых от них дополнений (*реализует приоритет прав и свобод..., исходит из общепризнанного права народов на самоопределение..., способствует сохранению и развитию традиций..., создает условия для укрепления демократии* и т. д.). Сближает указанную преамбулу с иными конституционными преамбулами состав речевых клише, высокий, торжественный тон речи.

Выводы и перспективы исследования

Проанализированные конституционные преамбулы, несмотря на нюансы предметно-формального построения, представляют собой частные видовые трансформации некоего общего прототипа «вводного» текста к конституции, воплощающие и вместе с тем развивающие глубинные особенности данного прототипа, его концепцию и функции. Прототипичными являются передаваемые и воспринимаемые коммуникативные смыслы; универсальные принципы, категории (социально-нравственные, морально-этические, политические, правовые) и ценности (личные, коллективные, общественные), привлекаемые для раскрытия предмета-темы преамбулы.

Конституционные преамбулы унифицированы по структуре, содержанию, используемым средствам. В связи с чем преамбулы к конституциям (впрочем, как и законы в целом) могут быть отнесены к стандартизированным, «несвободным» жанрам. Но в отличие от законов, имеющих в качестве основного нормативное значение, преамбулы ориентированы на эмоциональное восприятие и усиливают императивную модальность закона.

С точки зрения функционально-смыслового типа речи, темы, ключевых слов и структуры преамбулы могут быть отнесены к текстам-волеизъявлениям с вторичными семантическими оттенками установления, долженствования, убеждения и внушения. В преамбуле излагаются жизненные правила, уверение в чем-

либо, преамбула создает установку на доверительность, вызывает чувства и должные ассоциации, воздействует на эмоции, ментальную сферу человека. При устном произнесении преамбулы вербальные и невербальные средства ее создания обуславливают соответствующий способ произнесения (декламации).

В качестве характерных формальных признаков конституционных преамбул, прежде всего, следует назвать:

- трехчастную структуру: введение (информация об адресанте – субъекте волеизъявления), развитие – аргументация (смыслообразующие мотивы и цели), заключение – переход к основному тексту конституции;
- высокую концентрацию политико-дипломатических и публицистических клише (в некоторых случаях, контекстуально синонимичных), их преобладание по сравнению с юридическими клише, терминами и понятиями;
- каскады и однотипность деепричастных оборотов, показывающих основное институциональное действие (принятие конституции) через призму его частей (факультативных действий, аргументирующих основное институциональное действие и выражающих лингвокультурные стереотипы, а также социальные, политические и иные ценности).

Отличительной особенностью конституционных преамбул являются субъектоцентризм и демонстрация общественной значимости, торжественности институциональных действий адресанта конституционной преамбулы. Для конституционных преамбул наиболее характерны образы собирательно-обобщенного и единично-коллективного адресанта. Речевые клише, используемые для передачи институциональных действий адресанта, вызывают позитивные ассоциации, воодушевление, программируют положительную реакцию адресата на данные действия. При этом ни адресат конституционной преамбулы, ни прямая обращенность к нему не выражены: потенциальным адресатом может являться любой реципиент, воспринимающий (читающий или слушающий) текст преамбулы, а также субъект юридического дискурса.

По особенностям понятийной системы, речевых клише, а также формально-синтаксического строя текст конституционной преамбулы может быть сопоставлен с текстами дипломатического стиля (стиля договоров публичного права), поскольку представляет собой изъявление воли договаривающихся лиц об осуществлении определенного действия (в данном случае – принятие конституции). Об этом свидетельствует и низкочастотность употребления в конституционных преамбулах сугубо юридических понятий и терминов, обилие политико-дипломатических и публицистических клише.

В качестве особенности можно отметить внутрижанровую преемственность (заимствование) средств построения преамбулы: тексты одних преамбул являются ориентирами для других, с поправками на исторические и этнокультурные особенности. При этом чем больше в тексте типовых, высокочастотных для конституционных преамбул средств (деепричастий, речевых клише, концептов), тем менее он оригинален; и наоборот, использование низкочастотных средств делает преамбульный текст «самобытным».

Безусловно, в рамках одной статьи не могут быть отражены все результаты проведенного исследования. Представляют научный интерес история развития жанра «преамбулы», трансформация ее концептуальной основы, содержательно-структурного оформления, результаты синонимического замещения при рецепции и переводе преамбул. (В частности, в связи с тем что в республиках, входящих в состав РФ, постулируется и осуществляется законотворчество на утвержденных государственных языках, заслуживает внимания вопрос об идентичности переводных версий конституционных преамбул.)

Специального рассмотрения требуют модели структурно-содержательного оформления преамбул уставов и «обычных» законов. Результаты такого исследования позволяют сопоставить функции, общие и частные особенности конституционных, уставных и аннотационных преамбул, используемые в них предметно-тематические схемы, языковые и речевые средства, и в итоге сделать общие выводы о жанровой специфике преамбул к законам.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Антоненко В. М. Преамбулы конституций и их правовое значение // Конституционное и муниципальное право. 2015. № 3. С. 9–12.
2. Артемьева Р. В. Преамбула Конституции РФ: нормативное содержание и проблемы реализации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2007. 41 с.
3. Гаджиев Г. А. О философском и юридическом смыслах права народа быть самим собой // Право и современные государства. 2014. № 2. С. 12–19. DOI: <http://dx.doi.org/10.14420/gu.2014.2.2>
4. Дмитриев Ю. А. О юридическом значении преамбулы // Государство и право. 2008. № 12. С. 35–38.
5. Лутова Л. К. Преамбула нормативного правового акта (проблемы теории и практики): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2011. 37 с.

6. Хроменков П. Н. Анализ текстов конституций с позиции лингвоконфликтологии // Вестн. Рос. ун-та дружбы народов. Сер. Теория языка. Семиотика. Семантика. 2015. № 4. С. 83–90.

7. Басенко Г. В., Матвеева Г. Г. Роль речевых штампов в реализации ассоциативных отношений (прагматический аспект) // Вестн. Курган. гос. ун-та. 2019. № 1 (52). С. 75–90.

8. Розенталь Д. Э., Теленкова М. А. Словарь-справочник лингвистических терминов. М.: Просвещение, 1976. 543 с.

9. Сологуб О. П. Русский деловой текст в функционально-генетическом аспекте / под ред. Н. Д. Голева. Новосибирск: Изд-во НГТУ, 2008. 332 с.

10. Степанов Ю. С. Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования. М.: Язык русской культуры, 1997. 824 с.

11. Шмелева Т. В. Речевой жанр. Возможности описания и использования в преподавании языка // Русистика (Russistik): науч. журн. актуальных проблем преподавания русского языка. Berlin, 1990. № 2. С. 20–32.

ТЕКСТЫ КОНСТИТУЦИЙ

Конституция Российской Федерации // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201408010002> (дата обращения: 05.08.2019).

Конституция (Основной закон) Республики Саха (Якутия) // Якутия. 2002. 12 ноября. № 210.

Конституция Карачаево-Черкесской Республики // Сборник Законов и Постановлений Карачаево-Черкесской Республики 1995–1999 гг. Часть I.

Конституция Марий Эл // Марийская правда. 1995. 7 июля.

Конституция Республики Алтай (Основной Закон) // Звезда Алтая. 1997. 11 июля.

Конституция Республики Башкортостан // Республика Башкортостан. 2002. 6 декабря. № 236–237.

Конституция Республики Бурятия // Бурятия. 1994. 9 марта. № 43.

Конституция Республики Дагестан // Дагестанская правда. 2003. 26 июля. № 159.

Конституция Республики Коми // Красное знамя. 1994. 10 марта. № 45.

Конституция Республики Мордовия // Известия Мордовии. 1995. 22 сентября. № 180.

Конституция Республики Северная Осетия-Алания // Северная Осетия. 1994. 7 декабря.

Конституция Республики Татарстан // Республика Татарстан. 2002. 30 апреля. № 87–88.

Конституция Удмуртской Республики // Известия Удмуртской Республики. 1994. 21 декабря.

Степное Уложение (Конституция) Республики Калмыкия // Известия Калмыкии. 1994. 7 апреля. № 60.

REFERENCES

1. Antonenko V. M. Preambles of constitutions and their legal significance. *Constitutional and municipal law*, 2015, no. 3, pp. 9–12 (in Russian).

2. Artemyeva R. V. *Preambula Konstitutsii RF: normativnoye soderzhanie i problemy realizatsii* [Preamble of the Constitution of the Russian Federation: normative content and implementation problems]. Thesis Diss. Cand. Sci. (Jur.). Moscow, 2007. 41 p. (in Russian).

3. Gadzhiev G. A. On the philosophical and legal meanings of the right of the people to be themselves. *Law and modern states*, 2014, no. 2, pp. 12–19 (in Russian). DOI: <http://dx.doi.org/10.14420/en.2014.2.2.6>

4. Dmitriev Yu. A. On the legal significance of the preamble. *State and Law*, 2008, no. 12, pp. 35–38 (in Russian).

5. Lutova L. K. *Preambula normativnogo pravovogo akta (problemy teorii i praktiki)* [Preamble of a normative legal act (problems of theory and practice)]. Thesis Diss. Cand. Sci. (Jur.). Nizhny Novgorod, 2011. 37 p. (in Russian).

6. Khromenkov P. N. Analysis of the Constitutions Texts from the Linvoconflictology Positions. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 2015, no. 4, pp. 83–90 (in Russian).

7. Basenko G. V., Matveeva G. G. The role of speech clichés in the realization of text recipient's association (pragmalinguistic aspect). *Bulletin of Kurgan State University*, 2019, no. 1 (52), pp. 75–90 (in Russian).

8. Rosenthal D. E., Telenkova M. A. *Slovar' spravochnik lingvisticheskikh terminov* [Dictionary of linguistic terms]. Moscow, Prosveshchenye Publ., 1976. 543 p. (in Russian).

9. Sologub O. P. *Russkiy delovoy tekst v funktsional'no-geneticheskom aspekte* [Russian business text in the functional-genetic aspect]. Novosibirsk, Izd-vo NGTU, 2008. 332 p. (in Russian).

10. Stepanov Yu. S. *Konstanty. Slovar' russkoy kul'tury. Opyt issledovaniya* [Constants Dictionary of Russian culture. Research Experience]. Moscow, Yazyk russkoi kul'tury Publ., 1997. 824 p. (in Russian).

11. Shmeleva T. V. Speech genre. Possibilities of description and use in language teaching. *Russistik: a scientific journal of the actual problems of teaching the Russian language*, Berlin, 1990, no. 2, pp. 20–32 (in Russian).

CONSTITUTIONAL TEXTS

The Constitution of the Russian Federation. Official Internet portal of legal information. Available at: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201408010002> (accessed 4 August 2019) (in Russian).

Constitution (Basic Law) of the Republic of Sakha (Yakutia). *Yakutia*, 2002, 12 November, no. 210 (in Russian).

Constitution of the Karachay-Cherkess Republic. *Collection of Laws and Decisions of the Karachay-Cherkess Republic 1995–1999*, part I (in Russian).

Constitution of Mari El. *Mari truth*, 1995, 7 July (in Russian).

Constitution of the Altai Republic (Basic Law). *Star of Altai*, 1997, 11 July (in Russian).

Constitution of the Republic of Bashkortostan. *Republic of Bashkortostan*, 2002, 6 December, no. 236–237 (in Russian).

Constitution of the Republic of Buryatia. *Buryatia*, 1994, 9 March, no. 43 (in Russian).

Constitution of the Republic of Dagestan. *Dagestan truth*, 2003, 26 July, no. 159 (in Russian).

Constitution of the Republic of Komi. *Red Banner*, 1994, 10 March, no. 45 (in Russian).

Constitution of the Republic of Mordovia. *News of Mordovia*, 1995.22 September, no. 180 (in Russian).

Constitution of the Republic of North Ossetia-Alania. *North Ossetia*, 1994, 7 December (in Russian).

Constitution of the Republic of Tatarstan. *Republic of Tatarstan*, 2002, 30 April, no. 87–88 (in Russian).

Constitution of the Udmurt Republic. *News of the Udmurt Republic*, 1994, 21 December (in Russian).

Steppe Code (Constitution) of the Republic of Kalmykia. *Bulletin of Kalmykia*, 1994, 7 April, no. 60 (in Russian).

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СТАТЬИ

Батюшкина М. В. К вопросу о жанровых особенностях конституционных преамбул // *Жанры речи*. 2020. № 2 (26). С. 136–145. DOI: <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2020-2-26-136-145>

For citation

Batyushkina M. V. To the Question of Genre Features of Preambles to Constitutions. *Speech Genres*, 2020, no. 2 (26), pp. 136–145 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2020-2-26-136-145>

Поступила в редакцию: 5.08.2019 / Принята: 9.12.2019 / Опубликовано: 01.06.2020

Received: 5 August 2019 / Accepted: 9 December 2019 / Published: 01 June 2020

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

ЖАНРЫ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТВОРЧЕСТВЕ

УДК 821.161.1.09-7+929 Шендерович
 ББК 83.3(2Рос=Рус)6
 DOI: <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2020-2-26-146-154>

Э. Лассан
 Вильнюс, Литва

Eleonora Lissan
 Vilnius, Lithuania

В. Шендерович. «Соло на флейте»: к проблеме определения жанра (между злой сатирой и литературной фугой)

В 2015 г. издательство «Время» выпустило книгу В. Шендеровича «Соло на флейте», многожанровую и, по мнению автора статьи, интермедийную, поскольку здесь слились воедино содержательные особенности политической сатиры и трагедии, фарса и фэнтези, с одной стороны, а с другой – некоторые черты музыкальных произведений, в частности фуги.

Впервые текст появился в 2012 г. в журнале «Полдень. XXI век», редактируемом Б. Стругацким, но не вызвал тогда широкого резонанса, хотя и был поставлен в «Другом театре», определившем его жанр как «кабаре без музыки и танцев». Спустя время появились восторженные отзывы читателей, хотя критики по-прежнему практически безмолвствуют.

В статье подробно характеризуется сюжет, построенный как гротескное изображение действительности, композиция как соотносящая вербальный текст с фугой как музыкальным полифоническим произведением. Доминирующим приемом построения текста, на взгляд автора, является контрапункт – одна и та же тема ведется разными голосами из «разных пространств», репрезентирующих структуру современного общества. И каждый срез общества представлен определенным коммуникативным регистром.

Символика отдельных элементов, рассмотренная автором, не позволяет согласиться с определением этой книги как «отчаянно безнадежной», данной некоторыми критиками.

В тексте эксплицитно представлены интертекстуальные связи «Соло...» с классикой мировой литературы. Можно сказать, что это произведение Виктора Шендеровича вписано в мировую культурную традицию, использующую образ флейты как инструмента, обладающего магической силой с амбивалентной оценкой – служить добру или мстить за зло.

Ключевые слова: жанр, композиция, политическая сатира, контрапункт, промежуточный текст, символические текстовые элементы.

V. Shenderovich. “A Flute Solo”: on the Problem of the Genre Definition (between a Wicked Satire and a Literary Fugue)

In 2015, “Vremya publishing house” issued “A Flute Solo”, a book by V. Shenderovich, of multigenre and, according to the author of the article, intermedia nature, since its content peculiarities of a political satire and a tragedy, a farce and a fantasy, on the one hand, and some features of musical pieces, a fugue in particular, on the other hand, have merged here. The text was first published in 2012 in the magazine “Polden. XX vek” (“Noon. XX century”), edited by B. Strugatsky, but then it did not receive any significant reaction. Besides, it was staged in “Another Theatre”, where it was defined as a “cabaret show without music or dancing”. Only after the publishing house “Vremya” published it in hardback with numerous illustrations, did rapturous readers’ responses appear. Critics at the same time kept silent almost unanimously.

The author of the article provides a detailed characterization of the plot constructed as a grotesque depiction of the reality, and views the text composition as relating the verbal text to a piece of music. The dominant device of the text composition, as the author sees it, is the so called counterpoint – one and the same theme is carried by different voices from “different spaces”, which represent the structure of the modern society. The symbolic value of certain elements, studied within the research, does not allow to agree with the offered by some critics definition of the book as being “desperately hopeless”.

The text provides a number of intertextual connections of “A Flute Solo” with world classical literature. The author of the article proves that Viktor Shenderovich’s work falls within the realms of the world cultural tradition, according to which the image of the flute is used as an instrument with the magical power, whose evaluation is ambivalent. It is either the power of making others aspire to the good or the power of taking revenge for the evil.

Keywords: genre, composition, political satire, counterpoint, intermedia text, symbolic text elements.

Сведения об авторе: Лассан Элеонора Руфимовна, хабилитированный доктор гуманитарных наук, профессор кафедры русской филологии. Место работы: Вильнюсский университет. **E-mail:** eleonora.lassan@flf.vu.lt <https://orcid.org/0000-0001-9415-9757>

About the author: Lassan Eleonora, Doktor of Filology, Professor, Department of the Russian Philology. Place of employment: Vilnius University. **E-mail:** eleonora.lassan@flf.vu.lt <https://orcid.org/0000-0001-9415-9757>

Трагедия, драма, комедия или фарс – это одно и то же событие, увиденное лицом к лицу, сбоку или сзади, вблизи или издалека. Или другими людьми

Ежи Лец

Введение

«Соло на флейте», на взгляд автора статьи, является совершенно уникальной книгой по своим жанровым характеристикам и их исполнению, к сожалению, оставленной почти без внимания литературными критиками. Об этой книге Борис Стругацкий сказал: «Славная повестуха. Злая и печальная»¹ (вынесено на обложку книги), а другой русский писатель и литературный критик – Самуил Лурье – так охарактеризовал дар Шендеровича, открывшийся в этой книге: «Вещь замечательная не столько по сюжету (впрочем, притча сильная, отчаянно безнадежная), сколько из-за того, что в ней во всем блеске раскрылся Ваш поразительный дар передавать человеческие голоса. Текст производит впечатление непрерывного потока звуковых галлюцинаций. По-моему, такой техникой не владеет сейчас никто. Да это и не техника, это некоторым так везет. Например, Бальзаку в «Шагреневой коже», в сцене пирушки...» [1: 2]. Сам автор охарактеризовал жанр своей книги следующим образом: «Конец света в диалогах и документах». И уж, конечно, к ней невозможно приложить жанровую характеристику, данную в Рунете: «юмористическая проза» [URL:<https://nice-books.ru/books/yumor/yumoristicheskaya-proza/226338-viktor-shenderovich-solo-na-fleite.html>] – хотя бы потому, что судьба главного героя книги является трагической. Тем не менее, позволю не согласиться с приведенной выше характеристикой книги как «отчаянно безнадежной» – этому будет в некоторой степени посвящен ее анализ.

Зная В. Шендеровича как писателя, драматурга, острого публициста, логично было бы считать книгу политической сатирой на государственные институты современной автору России. Но это и драма-фэнтези, поскольку

ее героем является человек из другой галактики, а композиция представляет собой соединение как бы театральных мизансцен, передающих слова и движения большого количества персонажей, представляющих весьма пестрый срез современного автору общества. Есть еще и целый пласт «документов» – циркуляров, приказов и т. п., имеющих письменный характер и вторгающихся в многоголосицу действия в качестве голосов «высшей инстанции» – эти «документы» могут быть использованы потомками как архивный «памятник эпохи».

Жанр книги, действительно, уникален. Само повествование нельзя отнести ни к “ich-erzählung”, ни к “Sie-erzählung” – здесь нет ни повествователя, ни рассказчика: разве только тот, кто слышит (подслушивает) и, словно диктофон, передает звучащие из разных мест голоса людей и «высших инстанций». Весь текст состоит из диалогов лиц, чьи имена можно вычитать только из самих диалогов и документов – милицейских протоколов, больничных записей, постов в фейсбуке – это похоже на поставленную в театре пьесу, где мы узнаем имена персонажей из происходящего на сцене. Но действия вообще не прописаны автором – мы догадываемся о них по тому, что и как они говорят (как будто перед нами театр в темноте).

Содержание как параметр жанра

Приведем одну из начальных «сцен» книги: «ГОЛОСА В БОЛЬНИЦЕ».

Не получилось! Не получилось! – Опять он завел свое... А? Ну ты подумай! – Что у тебя не получилось, урод? – Нехорошо, все нехорошо! – Щас будет тебе хорошо! – Достал уже, заткнись! – Заключение отрицательное! – Какое, мля, заключение? – Да сунь ты ему в скрипальник, заманал уже! (с. 12).

В сцене звучит несколько голосов: пациента психиатрической больницы и тех, кто рядом – скорее всего, санитаров. Мы не можем определить число санитаров, но по тому, что имеет место обращение одного из них к кому-то «своему», призываемому «су-

¹Повесть была впервые напечатана в 2012 г. в журнале Б. Стругацкого «XXI век» (№ 9).

нуть в скрипальник» больному, мы понимаем, что здесь присутствует несколько весьма раздраженных и воинственных представителей «обслуживающего персонала». Вербальный текст становится практически визуальным: так четко представление, рождаемое чтением.

Сцены меняются, появляются все новые голоса и документы, на первый взгляд, не связанные между собой, но сюжет можно выстроить достаточно последовательно. В общих чертах он выглядит так: в мае года X (период президента Обамы и «Единой России») – это вычитывается из различных сообщений СМИ) из больницы 33 в психиатрическую больницу (видимо, московскую) был доставлен истощенный плачущий мужчина, не помнящий своего имени и постоянно повторяющий: «не получилось» и «заключение отрицательное». Когда ему вводят в вену снотворное, он начинает петь во сне Первый концерт Чайковского, вызывая ярость других больных, предпочитающих очевидно, другую музыку и чуть не убивших его за эту. Мужчина обладает необыкновенными знаниями во всех областях, что делает его поразительным феноменом, совершенно непонятным лечащему врачу – Григорию Дубко, имя которого становится известно читателю из постов в социальных сетях.

Необыкновенный феномен больного заключается в том, что от всего, что он невзначай слышит по телевизору (певца Трофимова или Лепса) или видит в газетах, у него начинается эпилептический припадок (напр., от заголовка «Грудь Анны Семенович» в «Комсомольской правде»). Позднее становится известной его фамилия – вот как это происходит: **10** глава «ДИАЛОГ В БОЛЬНИЧНОЙ ПАЛАТЕ», состоящая из 18 строк:

– Как вы себя чувствуете? – Спасибо. Хорошо. – У вас был обморок и сильное истощение. – Да. Я устал. – Вы помните, как вас зовут? – Да. Я – Сырцов Сергей Иванович, паспорт 45 07 номер 445612, прописан по адресу: Москва, улица Верхние Поля, дом 48, квартира 126. – Это не обязательно. – Группа крови – первая. – Да-да... Сергей Иванович, вы здесь в полной безопасности. Вы отдохнете, мы вам поможем медикаментозно... Если хотите сообщить близким, что вы здесь, чтобы они не волновались, это можно сделать. Вы хотите позвонить близким? Тишина.

Невозможность поставить диагноз Сырцову вызывает нежелание главврача Николая Петровича (имя узнаем из диалога с лечащим врачом, позднее из документа станет известной и его фамилия) продолжать лечение больного, а его необыкновенные знания побуждают

«человека в белом халате» обратиться в «компетентные органы». Врачи сообщают в органы о редком заболевании Сырцова: обостренной реакции на информацию о «земной жизни». Столь необычное поведение, нехарактерное для человека определенной системы, не может не заинтересовать правоохрану и далее – спецслужбы:

ТРЕТИЙ РАЗГОВОР С КАПИТАНОМ КОРНЕЕВЫМ: *Видит санитаря – сразу теряет сознание. Истерическая реакция на ложь. Попсы слышать не может. От певца Трофима бьется в судороге, от Лепса идет пятнами... – Сколько ему лет, говорите? – На вид за пятьдесят. – Как же он тут жил? – Не знаю. – Значит, Сырцов Сергей Иванович? (с. 56).*

Одиночество Сырцова, его необщительность, необыкновенно широкая осведомленность во всех областях знаний при том, что Сырцов работает уборщиком на станции метро и не имеет высшего образования, игра по ночам на музыкальных инструментах становятся причиной того, что на Сырцова «заводят дело». На первом допросе от него пытаются добиться ответа на вопрос, от кого он получает задания и что значит выражение «заклучение отрицательное». После второго допроса его отправляют в камеру к уголовным, вследствие чего он попадает в санчасть – там он просит срочно принести флейту. В тюрьме Сырцова навещает его доктор Георгий Дубко, которому Сырцов жалуется на ужасные условия содержания и невыносимость всего, что он слышит вокруг:

– Они держат людей взаперти, доктор! Специально. Живых людей – без свежего воздуха! Вонь, тьма. А снаружи праздник, все время праздник. «Звонят колокола».

– Песня? Да. Там, на площади. Флаги, речи. Динамик – бум, бум! Невыносимо, доктор. Лица, как фарш. И всё так громко, громко. – Вы потеряли сознание – тогда, в тот день, – от этого? Молчание (с. 104).

После настоятельных просьб Сырцова и его врача больному приносят флейту, и он успокаивается, играя на ней. Капитан Корнеев проводит еще один разговор с необычным больным, текст которого в книге не приводится, так как утерян (авторская ремарка), и мы можем только догадываться о его содержании и стиле ведения. После этого капитан докладывает начальству о том, что сообщил Сырцов: он является наблюдателем от галактики Бэ Моль и заброшен на Землю с целью определения ее дальнейшей судьбы. По мнению Сырцова, на Земле все плохо («белковая материя никуда не годится»). Способом пере-

дачи информации на Бэ Моль является игра на флейте.

Далее Сырцова допрашивают в «Главном здании», и выясняется, что цивилизация Бэ Моль решила облучить Землю тональностью си бемоль, основой гармонии. Этот эксперимент позволял цивилизации Бэ Моль надеяться, что они не одни во Вселенной, так как Земля делала невероятно быстрые эволюционные шаги. Приведем разговор в оригинале, поскольку он дает представление о положении на Земле, увиденном Сырцовым:

Мы ждали гармонической эволюции ви-да! Мы бы тогда не были так одиноки во Вселенной! А дождалась иприта и группы «Рамштайн». На одного Россини – миллионы тонн бессмысленного белка. Ложь, жестокость и идиотизм. Какой печальный итог, не правда ли? – Продолжайте. – Сначала мы не хотели вмешиваться – цивилизация В-толл склонна к покою и созерцанию. Но когда вы со своим белком полезли наружу... Когда вы запустили спутник! Земля начала экспансию в космос, и на В-толл было принято решение повысить степень контроля. И тогда здесь появился я. – Как? – Меня вживили в белковую массу... – Уточните это. – Что? – Про белковую массу! – Мою материнскую плату звали Таусия Сырцова. Она обитала неподалеку от места вашего первого запуска. – На Байконуре? – Да. – Ваша мать умерла? – Нет. Не знаю. Это неинтересно (с. 154).

Компетентные органы, немедленно делают соответствующие разыскания, и выясняется, что мать Сырцова, действительно жила на Байконуре. Она не знает настоящего отца своего сына. Из протокола беседы:

Находясь в общежитии вспомогательного состава, я вышла вечером на крыльцо покурить в степь, где увидела в темноте горящие фары. Голос сказал «иди сюда», и я подошла, где все и случилось. Других подробностей не помню, будучи в нетрезвом состоянии. Кто это был, не знаю... (с. 170).

Несмотря на всю кажущуюся невероятность сказанного, «органы» начинают испытывать сильнейшее беспокойство, так как Сырцов, по его словам, передал отрицательное заключение на Бэ Моль о состоянии жизни на Земле, и теперь, по мнению «органов», вполне возможен конец света. Ситуация начинает приобретать размах государственной операции служб безопасности. В ходе внутреннего обсуждения рождается следующий документ: В АДМИНИСТРАЦИЮ ПРЕЗИДЕНТА РФ, СТРОГО СЕКРЕТНО: По данным

разработки, является по отцу инопланетянином и был брошен для принятия решения о прекращении жизни на земле. В настоящее время ведется работа по привлечению Сырцова С. И. к сотрудничеству... (с. 202).

В ходе «мозгового штурма» (так называется 52 глава во второй части «PRESTO») принято решение усилить в стране контроль над флейтистами, выходцами из Казахстана, пациентами психиатрических больниц, а также над «лысыми, с голубыми глазами, имеющими склонность к музыке», студентами консерватории, играющими на духовых инструментах и т. п. (это становится известно читателю из многочисленных циркуляров, кочующих из учреждения в учреждение). В действие приходят практически все государственные механизмы: Аналитическое управление при администрации Президента, Минздрав, Минкульт, Совет Безопасности РФ. В результате таких действий переполняются следственные изоляторы и портятся отношения с Казахстаном, чьи граждане подвергаются массовым задержаниям (а с ними и другие жители Москвы – азиаты, которых милиция не может различить по внешним признакам). Доходит до того, что в зале Консерватории задержан пианист Денис Мацуев:

Сегодня в зале имени Чайковского во время исполнения Первого концерта Чайковского (си-бемоль минор) взяты с поличным пианист Денис Мацуев и оркестр Московской государственной филармонии (дирижер Юрий Симонов) в полном составе. Местонахождение задержанных их адвокатам неизвестно (Сообщение Риа Новости)» (с. 254).

В конечном счете принимается решение изменить тактику общения с Сырцовым и уговорить его изменить «заключение для Бэ Моль». В управлении Z решают перевести Сырцова с Лубянки, где он сидит, в пансионат «Тайные дали» с номером люкс, видом на сосновый лес и тихой классической музыкой на дорожках. Сырцов будет в тишине и покое, так как там, как следует из доклада, разогнали и облака, и соседей. Одновременно осуществляется попытка подействовать на Сырцова через его «кровных» родственников – сводного брата, пьяницу и вымогальщика, и мать, женщину «с пониженной социальной ответственностью». Попытки вовлечь родственников не дают успеха, и они лишаются внезапно обрушившихся на них благ: брата вводят в правление банка и вскоре выводят оттуда, мать лишается шансов на квартиру в Москве, о которой она попросила для оказания услуг государству... Зато другие государственные органы оказываются в выигрыше: из срочного секретного «Письма в Центробанк» читатель

узнает о том, что государственной корпорации «Антикосмос» выделено дополнительно семь с половиной миллиардов рублей, и, соответственно, ее руководитель Эразм Петрович Ватрушев (видимо, звуковое сходство с именами реальных государственных лиц «чисто случайное») строит на Рублевке дом с кариатидами (информация об этом становится известной из диалога неизвестных лиц в проезжающей мимо машине). Разумеется, читатель опознает знакомую ему реальность, а доведенной до гротеска ее изображение общественной жизни и позволяет рассматривать книгу как **политическую сатиру**.

Тем временем в пансионате происходит следующая беседа с Сырцовым:

Ах, Сергей Иванович, дорогой наш Сергей Иванович, ну как же так? Ну почему же вы раньше не рассказали о вашей прекрасной цивилизации? Мы же так давно ищем поддержки в космосе. Ведь мы тут боремся, боремся... Бьемся, как рыба об лед! За мир во всем мире, за духовность, за музыкальность! Кругом столько грязи, вы не поверите! Такое нравственное падение, такая жестокость, бескультурье ужасное... Но ведь только теперь все и начинается! Новые подходы, модернизация, культурный приоритет! Сыграли бы вы про нас что-нибудь хорошее, а? А тот человек, который с вами плохо обращался, – он уволен из органов, уже уволен! Мы с этим боремся сейчас. Уволен и сослан без права переписки! Он опозорил все человечество! Мы его за это, млять, как зайца теперь гонять будем, пока не сдохнет... Потому что человек – это же превыше всего, правильно? Это звучит гордо. Сергей Иванович, скажите что-нибудь, а то что я все один разговариваю? (с. 298).

Монолог весьма красноречив, и нет необходимости его комментировать – выражения «без права переписки», «гонять как зайца» и многочисленные штампы официальных курсов дают представление «посвященным» об искренности произносящего монолог и его профессиональной принадлежности.

В пансионате, где пребывает Сырцов, работает санитарка Айгуль из Узбекистана – между этими двумя людьми завязывается любовь. Сырцов вдруг осознает, что он человек, что вокруг много прекрасного, и в ночь страшного урагана, когда кажется, что конец света наступил, Сырцов играет на флейте – ураган стихает. Утром происходит следующий разговор:

Доброе утро, Сергей Иванович, приятного аппетита. Можно мне присесть? – Да. – Как ваше настроение? Молчание. – Отличный день! – Да. – Солнце, свежо... А ночью какой ураган был, а! Жуткое дело. – Да. Страшно. – Вам тоже? Хе-хе... А мы тут как испугались, представляете? – Да. – Вы так хорошо играли ночью! Мы просто заслушались. Такая гармония! Столько в этом было добра, любви к людям... – Уходите. Сейчас же уходите, пожалуйста! – Конечно. Сейчас. Вы только скажите: ведь мы можем рассчитывать на новый этап в наших отношениях, да? Мы ведь очень стараемся. – Да. Вижу. – Мы действительно осознали! Мы... – Дело не в вас. – Конечно! Главное, что вы остановили этот ужас. Ведь это сделали вы, да? Сегодня ночью – это вы? – Я не знаю. – Как... не знаете? Молчание. – Не знаю. Но я попросил о прощении – Для нас? – Да. И для вас, получается, тоже. – Спасибо вам! Спасибо! Мы очень благодарны! Постараемся оправдать высокое возложенное доверие. ... (с. 452).

Лирическая струя, пронизывая эту историю, обогащает жанр книги, делая его менее однозначным по сравнению с политической сатирой и придавая трагедийный смысл истории обреченной любви.

После приведенного разговора Сырцов уже не появляется на страницах книги. В программе «Время» звучит сообщение о том, что «В начале августа спецслужбы Российской Федерации предотвратили террористический акт, последствия которого, если бы он был осуществлен, даже трудно себе представить. Террорист, чья фамилия пока не называется, был уничтожен при попытке применения гравитационного оружия...». Фарс становится трагедией. К тому же Георгия Дубко, лечащего врача Сырцова, старавшего оказать содействие своему пациенту, увольняют с работы, а главврача психиатрической больницы, «получившего всенародную известность своим участием в раскрытии гравитационного заговора музыкантов», как сказано в «Российской газете», награждают званием заслуженного врача РФ (из этой статьи мы узнаем фамилию врача – Синицын). На съезде «Единой России» он призвал «повысить бдительность и еще сильнее сплотиться вокруг руководства страны» (с. 520). Зло торжествует.

А у Айгуль через какое-то время рождается мальчик, которого она называет Альмир².

²Общее значение мусульманских имен Ильмир и Альмир – «властелин страны», «правитель». Есть также версия, которая, минуя тюркское посредничество, полностью возводит имя Альмир к древнеарабским корням. В таком случае «Аль» понимается как Бог, то есть Аллах, что вкуче с уже известным нам «эмир» дает понятие о божественном правителе, то есть о человеке, чья власть происходит от Всевышнего и который близок к нему в своем духовном

Сюжет, как представляется, пересказан достаточно подробно. И тем не менее, несмотря на стремление остановиться на значимых элементах развития ситуации, мне как автору статьи не удалось передать всего многообразия событий, имевших место на страницах книги. Каждая глава оказывается значимой, внося свой вклад в описание духа времени и обогащая сатирическую струю книги. Напр., ситуацией грядущего Апокалипсиса пользуется реклама:

главка **69** «ПЕРЕТЯЖКА НА ТВЕРСКОЙ УЛИЦЕ», состоящая из двух строк:

Успей до конца! Специальное предложение! Коста-Брава. Майорка, Канары Мальдивы – за полцены! (с.282).

Композиция как маркер жанра

Она состоит из четырех частей, имеющих музыкальные названия: 1) MODERATO, 2) PRESTO, 3) LANTETEMENTE, TRISTEMENTE и 4) ANDANTE (для людей, далеких от музыки, укажем, что это – названия темпов, в котором исполняется музыкальное произведение или его часть: 1) умеренный темп; 2) очень быстрый темп; 3) медленное исполнение, грустно, печально (*Lamento* ляменто – плач, жалоба); 4) не спеша. Музыкальный темп, как известно, относится к выразительным средствам исполнителя – его точный выбор определяет успех исполнительского мастерства: «Если объединить все факторы, от которых зависит правильное исполнение музыкального произведения то они, в конечном счете, сведутся к правильному темпу», – писал Р. Вагнер [2].

Далее: каждая из частей состоит из главков, имеющих свои названия. Содержание главков – диалоги и документы, главы иногда состоят из одной строки: напр., глава **129** (обозначение главы по порядку следования): «ГАДАНИЕ ПО КНИГЕ. СТР.196. ШЕСТАЯ СТРОКА СВЕРХУ» (название). *Безумца диким лепетаньем* (текст). Первая часть МОДЕРАТО (умеренный темп) состоит из 36 главков – 25 диалогов и 11 документов. Один из документов не сохранился, и глава, повествующая об этом, называется так: **32**. «ПРИЗНАНИЕ ПОДСЛЕДСТВЕННОГО СЫРЦОВА КАПИТАНУ КОРНЕЕВУ». Вместо текста: *Текст не сохранился*. Диалоги и документы первой части MODERATO относятся к выяснению личности Сырцова в инстанциях низшего уровня; PRESTO – ситуация набирает темп с допроса Сырцова в Главном управлении, где события, как уже говорилось, начинают развиваться в государственном масштабе.

Подключаются высокие государственные чины, образуются различные комиссии, газеты пестрят угрожающими заголовками, мир готовится к своему концу.

Эта часть состоит из 54 главков, составленных 28 диалогами и 26 документами; третья (LANTETEMENTE) – из 41 части, где диалогов 27, а документов – 13. Один текст, называемый «ЧАСТУШКА», мы не отнесли ни к одному из названных жанров, выделяемых по принципу устность/письменность, поскольку частушка может существовать как распеваемый (устный) текст, так и запечатленный на бумаге фольклорный документ. В этой грустной части и появляется Айгуль, уборщица из пансионата, куда поселили Сырцова.

После того как ураган стих, Сырцов исчезает со страниц книги – видимо, «его помножили на ноль» (так предлагалось поступить с ним в начале истории). Последняя часть – медленная и величественная (ANDANTE. MAESTOZO) – состоит только из шести главков: четыре диалога и два документа. Здесь документом мы называем и граффити на доме, где жил инопланетянин, с надписью *Зачем?* Это граффити – своеобразный памятник Сырцову, явившемуся на Землю и не способному выжить в жестоком мире земной цивилизации.

Как видим, главы построены практически параллельно – число диалогов всюду (за исключением второй главы) с небольшой погрешностью вдвое превышает число документов: создается определенная ритмичность текста, осуществляемая повторяющимся чередованием текстов разных жанров. Во второй главе (PRESTO) количество диалогов и документов почти равное. Такое отличие в соотношении типов текстов, на наш взгляд, вполне объяснимо – здесь с большой скоростью приходят в движение механизмы государственной машины, теснящие людей из непосредственного участия в ситуации.

Как мы уже говорили, части книги именуются итальянскими терминами, обозначающими определенный темп. Темп – это «совокупность всех факторов музыкального опуса – обобщённое... восприятие тематизма, ритмики, артикуляции, “дыхания”, гармонических последовательностей ... контрапункта. <...>» [3: 124]. Если автор книги счел необходимым обозначить части своего произведения столь значимым понятием музыкальной культуры и к тому же придал прозаическому тексту определенный ритм, то, возможно, мы имеем **интермедийный текст**, диффузно соединяющий вербальный и музыкальный компоненты худо-

предстоянии. Читайте подробнее на SYL.ru: https://www.syl.ru/article/202187/new_imya-almir-znachenie-harakteristika-i-proishozhdenie.

жественного произведения, где музыкальная составляющая скрыта от непосредственного восприятия. Не случайно «Соло для флейты», поставленное в «Другом театре», нашло необычное определение своего жанра: «В каких только жанрах не пробовали ее сыграть – от вялой бытовой драмы до жирного театрального капустника. И было – “не то”. В конечном итоге, то, что получилось, назвали “кабаре без песен и танцев”» [URL: http://www.dteatr.ru/spect_36.html].

Текст, где звучит огромное множество голосов, в своей целостности ведущих одну тему, конечно, можно считать полифоническим, но здесь более уместным представляется понятие контрапункта как ключевого приема построения этого произведения. Дм. Лихачев определял контрапункт как столкновение, соединение различных стилей в произведении [4]. Конечно, «контрапункт» – понятие музыкальной культуры, но одни и те же термины могут быть использованы применительно как к музыке, так и к литературе: «Взаимосвязи искусства слова (в данном случае литературы) и искусства звука (музыки) настолько разнообразны, что зарегистрировать их и осмыслить в некоем единстве кажется почти невозможным <...> Одновременное звучание голосов в полифонии, их разноплановость и неодновременность в контрапункте и т. д. могут быть использованы в любой науке, где существуют похожие процессы» [5: 20]. В «Соло...» как раз звучат голоса из несовместимых друг с другом пространств – даже в топографическом плане: голоса из разных галактик как в буквальном, так и метафорическом плане. Если постмодернизм воплотил идею о столкновении разных стилей в одном тексте даже на уровне отдельного предложения как одну из определяющих черт своей стилистики, то Шендерович идет другим путем – он совмещает на нескольких соседствующих страницах стили общения и поведения разных слоев современного ему общества: искренний и простой стиль Сырцова и Айгуль, грубый, агрессивный стиль психбольниц и милицеских учреждений, официальный стиль циркуляров, разностилье современных медиа. Приведем пример:

64. ЗАГОЛОВКИ НА ПЕРВЫХ ПОЛОСАХ

Газета «КоммерсантЪ». «Флейтист подкрался незаметно» / Газета «Комсомольская правда». «Иноплашнянин живет на Лубянке!» / Газета «Жизнь». «До конца света осталась неделя!!!» (с. 262).

65. ИЗ СТАТЬИ В ГАЗЕТЕ «ЗАВТРА»

Четыре русские империи рождались из таинственных вихрей. Из пучка лучей и небес-

ных радуг. Из одинокого подвига и сокровенной молитвы. Пятую алкали в святом усиллии ратники Приднестровья и страсто-терпцы 1993-го. Аскеты лубянского ордена искали державные скрепы для земли русской в тумане либеральной смуты <...>. Но гнилым студнем уже распалось русское пространство, зараженное атлантическим грибком, и выблядки Бжезинского и Олбрайт, картавя и пришепетывая, позвали коней Апокалипсиса на волжские равнины... (с. 266).

Если обратиться к первой «мизансцене» книги, то уже здесь соединяются голоса из разных срезов действительности: звуки популярной песни о вечерах в России перемежаются диалогами толпы (– *По пивасику?*), звучащими голосами средств массовой информации (– *...имеет префект Восточного округа...*), рекламными кличами (– *...по цене одного!*) и весьма показательным криком из толпы, обращенным к безмолвному участнику сцены (– *Чурка, ушел отсюда быстро!*). Автор не присутствует – читатель, не видя действующих лиц (современный театр в темноте), тем не менее ясно представляет, что происходит на «сцене», дорисовывая ее декорации. Таков весь метод представления ситуаций, создаваемых текстом.

Хотелось бы сопоставить это произведение Шендеровича с музыкальным жанром и определить его в музыкальных терминах (о музыкальных принципах организации литературных произведений писали немало [5–7]), хотя автор отдает себе отчет в отсутствии должной компетенции в этой области. Отмечая интермедийность в развитии искусства XX в., А. В. Синяя пишет о том, что «обращение литературы к музыке стало своего рода выходом из рамок привычного художественного нарратива, смелым, новаторским экспериментом в духе времени» [5: 3–4] – автор диссертации «Музыкальные принципы организации романной прозы XX в.» проводит аналогию между композицией отдельных глав романа Джойса «Уллис» и принципом фуги, а роман Олдингтона «Смерть героя» называет «джазовым» романом. Я осмелилась бы по использованию различных музыкальных техник сопоставить текст «Соло...» с фугой – наиболее сложным видом полифонического произведения, где ярко звучит одна тема, последовательно передаваемая разными голосами, и существенную роль играет контрапункт [8]. Слово «фуга» достаточно часто используется в названии литературных произведений (знаменитая «Фуга смерти» Пауля Целана и многие другие, обычно посвященные в той или иной мере звукам музыки) – Владимир Баранов, автор многочисленных

блистательных эссе в альманахе «Лебедь», говорит об открытии им нового жанра: «русской фуги» (хотя делает это по иным основаниям, нежели другие исследователи музыкального элемента в литературе – Баранов опирается на этимологию слово «фуга»: лат. fuga бег от лат. fugere бежать, убегать – и относит к русской фуге произведения, где есть уход от сюжета: напр., «Легенду о великом инквизиторе» [9]. Говоря о музыкальности романной прозы, обычно отмечают наличие в текстах фрагментов, посвященных музыке. Не настаивая на жанре фуги в применении к «Соло ...», тем не менее оговорим роль музыкального элемента в нем. Итак, название книги «Соло на флейте» включает имя музыкального инструмента и музыкального произведения, исполняемого одним человеком. Части книги названы, как уже говорилось, музыкальными терминами; уже в экспозиции повести («МАЙСКИЕ ПРАЗДНИКИ. ГОЛОСА»), наряду с различными репликами, раздающимися в толпе, звучит музыкальная фраза «И вальсы Шуберта, и хруст французской булки» – контрапунктом ей слышится реплика, видимо, обращенная к лицу нерусской национальности: «Урюк ушел отсюда! Чего не ясно, урюк?». «Упоительность» вечеров в России как-то сразу омрачается другим голосом, выражающим существующую здесь атмосферу вражды к «инородцам». Большой (Сырцов), попавший в «психушку», поет во сне Первый концерт Чайковского. Далее: Сырцов все время просит принести ему флейту, через посредство которой он передает сигнал в другую галактику, именуемую музыкальным термином Бэ Мольт. Пошлость земной жизни олицетворяется для Сырцова в пении Лепса и Трофимова, в песне «Звонят колокола», раздающейся за тюремным забором. Лейтмотивом всего произведения становится игра Сырцова на флейте – она сначала удивляет, затем пугает власть предержащих и, наконец, радует, когда в ночь урагана Сырцов, по их мнению, своей игрой останавливает конец света. И когда Сырцов исчезает со страниц книги, тему флейты продолжает его сын, рожденный Айгуль, – Альмир: «Разговор в музыкальной школе»

– Айгуль, у вас очень способный мальчик. Хороший слух, чувство ритма... Может быть, отдадим его на скрипку. У нас есть очень хороший педагог... – Нет. Он хочет играть – на флейте.

Вместо заключения

Таким образом, первым и последним словом книги является слово «флейта». И здесь мы, конечно, не можем не оговорить символическое значение этого инструмента в истории культуры. В Индии звуки флейты ассоциируются с понятием «лила», что означает «божественная игра творения». Европейская культура щедро пользовалась образом флейты: «Легенда о Гаммельнском крысолове», флейта в «Гамлете» («Вот флейта. Сыграйте на ней что-нибудь» – взято эпиграфом к книге В.Ш.), «Волшебная флейта» Моцарта, флейта в стихотворениях П. Валери, А. Пушкина и М. Лермонтова, А. Майкова и Ф. Тютчева, Б. Окуджавы и И. Бродского («военная флейта») и т. д., «Флейта-позвоночник» Вл. Маяковского и др. Этот инструмент наделяется в культуре мистической силой: *Волшебной силой тайных чар/Вести повсюду за собою/Живое существо любое,/Что ходит, плавает, летает,/ В горах или в море обитает* (Р. Браунинг).

Символика флейты, использованная Шендеровичем, побуждает искать и другие символы в его книге, способные уточнить ее многоголосое звучание. Так, имя возлюбленной Сырцова «Айгуль» в переводе с древнетюркского означает «лунный цветок», и это объясняет, почему сошлись две неземные души, а вот имя их сына – «Альмир» – при нескольких разных трактовках значения и этимологии (властелин/божественный/ знаменитый своим благородством) имеет общую часть: «защитник, знаменитый и благородный покровитель» (см. выше). Вот это обращение к имени «Альмир» позволяет не согласиться с трактовкой повести сатирика и публициста В. Шендеровича, данной Б. Стругацким, как «безнадежной». В мире появился новый благородный его защитник, продолжающий играть на флейте.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Шендерович В. Соло на флейте. Конец света в диалогах и документах. М.: Время, 2015. 560 с.
2. Вагнер Р. О дирижировании // Дирижерское исполнительство. URL: <http://wagner.su/book/export/html/816> (дата обращения: 03.07.2019).
3. Epstein D. Shaping Time: Music, the Brain, and Performance. N. Y.; L.: Schirmer Books, 1995. 598 с.

4. Лихачев Дм. Контрапункт стилей как особенность искусств. URL: https://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Linguist/Lih/07.php (дата обращения: 29.06.2019).

5. Синяя А. В. Принципы музыкальной организации романной прозы XX века : автореф. дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2008. 22 с.

6. Малышева Е. В. Контрапункт как прием организации текста антиутопии // Вестник ЛГУ. 2011. Т. 7. С. 137–144.

7. Рабинович В. С., Бабкина М. И. Диалог музыки и литературы в творчестве Олдоса Хаксли // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2017. Т. 9, вып. 2. С. 90–96.

8. Бонфельд М. Ш. Анализ фуги. URL: <https://www.booksite.ru/fulltext/fuga/text.pdf> (дата обращения: 03.07.2019).

9. Баранов Владимир. Русская fuga. URL: https://www.netslova.ru/baranov/russ_fuga.htm (дата обращения: 10.07.2019).

REFERENCES

1. Shenderovich V. *Solo na flejte* [Flute solo]. Moscow, Vremja Publ., 2015. 560 p. (in Russian).

2. Wagner R. O dirizhovanii (About conducting). *Dirizherskoe ispolnitel'stvo* (Conductor's performance). Available at: <http://wagner.su/book/export/html/816> (accessed 3 July 2019) (in Russian).

3. Epstein D. *Shaping time: music, the brain, and performance*. New York, London, Schirmer Books, 1995. 598 p.

4. Lihachev Dm. *Kontrapunkt stilej kak osobennost' iskusstv* (Counterpoint Styles as a Feature of the Arts). Available at: https://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Linguist/Lih/07.php (accessed 29 June 2019) (in Russian).

5. Sinjaja A. V. *Principy muzykal'noj organizacii romannoj prozy XX veka* [Principles of the musical organization of 20th century novel prose], Thesis Diss. Cand. Sci. (Philol.). Saint Petersburg, 2008. 22 c.

6. Malysheva E. V. Counterpoint as a technique for organizing the text of anti-utopia. *Vestnik of Pushkin Leningrad State University*, 2011, no. 7, pp. 137–144 (in Russian).

7. Rabinovich V. S., Babkina M. I. The dialogue of literature and music in Aldous Huxley's works. *Perm University Herald. Russian and Foreign Philology*, 2017, vol. 9, iss. 2, pp. 90–96 (in Russian).

8. Bonfel'd M. Sh. *Analiz fugi* (Fugue Analysis). Available at: <https://www.booksite.ru/fulltext/fuga/text.pdf> (accessed 03 July 2019) (in Russian).

9. Baranov Vladimir. *Russkaja fuga* (Russian Fugue). Available at: https://www.netslova.ru/baranov/russ_fuga.htm (accessed 10 July 2019) (in Russian).

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СТАТЬИ

Лассан Э. В. Шендерович. «Соло на флейте»: к проблеме определения жанра (между злой сатирой и литературной фугой) // Жанры речи. 2020. № 2 (26). С. 146–154. DOI: <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2020-2-26-146-154>

For citation

Lassan E. V. Shenderovich. "A Flute Solo": on the Problem of the Genre Definition (between a Wicked Satire and a Literary Fugue). *Speech Genres*, 2020, no. 2 (26), pp. 146–154 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2020-2-26-146-154>

Поступила в редакцию: 14.07.2019 / Принята: 09.09.2019 / Опубликовано: 01.06.2020

Received: 14 July 2019 / Accepted: 09 September 2019 / Published: 01 June 2020

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

ИНТЕРНЕТ-ЖАНРЫ

УДК 811.161.1'276

ББК 81.2Рус-5

DOI: <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2020-2-26-155-165>Ю. В. Щурина
Чита, РоссияYulia V. Shchurina
Chita, RussiaРечевые жанры русскоязычного сегмента
социальной сети InstagramSpeech Genres of the Russian Language Segment
of Instagram Social Network

В статье рассматриваются вопросы, связанные с исследованием речевых жанров в новых глобальных сферах коммуникации, к числу которых, в первую очередь, относится интернет-пространство. С учетом основных параметров структурирования жанрового пространства сетевого дискурса (В. И. Карасик, Е. И. Горошко) выявлены и описаны жанровые характеристики социальной сети Instagram, представляющей собой одну из наиболее популярных площадок коммуникации, самопрезентации, продвижения и продаж. В качестве базовых признаков этого типа коммуникации предлагается выделить следующие: 1) гипертекстовый характер (опосредованная компьютерной средой особая форма организации текста, характеризующаяся процессом нелинейного письма и чтения); 2) интерактивность (публично доступная лента публикаций в Instagram предполагает возможность одобрения и комментирования выложенных автором материалов – количество комментариев к посту считается основным показателем «успешности» аккаунта/автора); 3) императивность (большая часть реализуемых жанров носит императивный характер, включая косвенные репрезентации); 4) преобладание поликодовых сообщений, включающих текстовый, визуальный и/или видеокомпоненты (первоначальное преобладание визуальной составляющей жанра в результате развития коммуникативного пространства Instagram сменилось реализацией жанра одновременно на нескольких уровнях – вербальном и визуальном, причем характерно увеличение объема текстового компонента).

Отмечается специфика Instagram как социальной сети, располагающей особыми возможностями не только для виртуальной социализации и самопрезентации субъектов коммуникации, но и для продвижения брендов, товаров и услуг, что существенно меняет существующую речевую картину.

Обсуждаются возможности типологизирования жанров, присутствующих в коммуникативном пространстве социальных сетей, в частности сети Instagram. Определено, что жанровая система данного типа дискурса подвижна, характерно размывание границ между жанрами и их транс-

The article considers issues related to speech genres in the new global areas of communication, which, in the first place, includes the Internet. Taking into account the main parameters of structuring the genre space of network discourse (V. I. Karasik, E. I. Goroshko), the author identifies and describes the genre characteristics of the social network Instagram, which is one of the most popular platforms for communication, self-presentation, promotion and sales. As the basic features of this type of communication, the following ones are highlighted: 1) a hypertextual nature (a special form of text organization, mediated by a computer environment, characterized by a process of non-linear writing and reading); 2) interactivity (a publicly available feed of publications on Instagram implies the possibility of approval and commenting on materials posted by the author – the number of comments on the post is considered as the main indicator of the “success” of the account/author); 3) imperative character (most of the represented genres are imperative, including indirect representations); 4) predominance of polycode messages, including text, visual and video components (the initial predominance of the visual component of the genre as a result of the development of the Instagram communicative space was replaced by the implementation of the genre at the same time at several levels – verbal and visual, with an increase in the volume of the text component). The article also discusses specific aspects of Instagram as a social network. It has special opportunities not only for virtual socialization and self-presentation of the subjects of communication, but also for promoting brands, goods and services, that significantly changes the existing speech genre pattern.

There is a focus on the possibilities of typologizing genres present in the communicative space of social networks, in particular the Instagram network. It is determined that the genre system of this discourse type is flexible, characterized by blurring of the boundaries between the genres and their transformation in accordance with the prevalence of utilitarian communication goals.

формация в соответствии с преобладанием утилитарных целей коммуникации.

Ключевые слова: речевой жанр, интернет-коммуникация, социальная сеть, Инстаграм, гипертекст, интерактивность, императив, креолизованный текст.

Keywords: speech genre, Internet communication, social network, Instagram, hypertext, interactivity, imperative, creolized text.

Сведения об авторе: Щурина Юлия Васильевна, кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой русского языка и методики его преподавания.

Место работы: Забайкальский государственный университет, Чита.

E-mail: shchurina@inbox.ru

About the author: Shchurina Yulia Vasil'evna, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Head of the Department of the Russian Language and Methods of its Teaching.

Place of employment: Zabaikalsky State University, Chita.

E-mail: shchurina@inbox.ru

Введение

Современное коммуникативное пространство продолжает порождать новые виды общения, которые могут быть описаны в терминах теории речевых жанров [1–5 и др.]. По мнению В. В. Дементьева, базовые положения теории речевых жанров могут быть эффективно использованы для представления современной речевой реальности [2].

Актуальным оказывается, прежде всего, исследование речевых жанров в новых глобальных сферах коммуникации – так, отмечается, что для описания речежанровой картины современности особое значение имеет интернет-пространство [6, 7]. С целью обобщения данных и разработки новых направлений предлагается выделить область дигитального (виртуального) жанроведения [8, 9].

Наиболее значимый в речежанровом отношении фрагмент интернет-коммуникации представляют социальные сети и те «новые возможности реализации ценностно-маркированных современным индивидом потребностей, которые они представляют» [7: 84].

Авторство термина «социальная сеть» – «social network» принадлежит британскому социологу Джону Барнсу, который писал: «Изучая социальную организацию простого общества, мы видим нашу цель в том, чтобы понять различные способы, посредством которых члены этого общества систематически взаимодействуют друг с другом» [цит. по: 10: 50]. Сегодня понимание социальной сети уточняется – теперь это интернет-ресурс, обеспечивающий возможности общения субъектов. «Конфигурации и типы социальных сетей разнообразны, выделяются открытые и закрытые, национальные и групповые, деловые и развлекательные, новостные и предметно-ориентированные сети» [10: 50].

При этом нельзя не учитывать, что жанры социальных сетей возникают благодаря определенным технологическим возможно-

стям, но по мере использования и развития технологий свойства жанров могут меняться; виды интернет-коммуникации могут взаимодействовать все теснее, трансформироваться и вступать в иерархические отношения [11, 12]: так, посты в социальной сети (как и другого рода тексты) могут сопровождаться комментариями, которые, в свою очередь, могут вызывать ответы на них и т. п.

В. И. Карасик определяет конститутивные признаки общения в социальной сети, относя к ним: 1) коммуникативную общность людей, обладающих схожими интересами и подключенных к единому электронному ресурсу, 2) полимодальную семиотику сообщений, 3) возможность получить немедленный отклик на размещаемый контент, 4) сокращенную дистанцию общения, в которой стирается грань между приватным и публичным форматами коммуникации [10: 54–55].

Помимо вышеперечисленных свойств социальных сетей, важно отметить их многофункциональность – здесь представлены различные виды коммуникации. Современные социальные сети предлагают технологическую платформу для новостной коммуникации, блогов, комментариев, систем мгновенного обмена сообщениями, для участия в тестировании, опросах, онлайн-играх и мн. др. Представляется, что именно «технологический» критерий во многом определил становление, развитие и огромную популярность социальной сети Instagram (Instagram.com).

Кроме того (возможно, это станет или уже стало определяющим фактором), активное развитие социальных сетей в настоящее время позволяет использовать их в качестве весьма мощного инструмента рекламы и саморекламы – известных личностей, СМИ, товаров и услуг. Так, Instagram сегодня представляет собой уникальную платформу для продвижения брендов и услуг: здесь востребованы различные курсы и семинары, развле-

кательные программы, предметы гардероба, косметика, товары «хэндмейд», оригинальные аксессуары, сервисы по доставке еды, всевозможные услуги парикмахеров, стилистов, косметологов и стоматологов и мн. др.

1. Речевой жанр в Instagram как интерактивный гипертекст

Рассмотрим пространство социальной сети Instagram как вид интернет-коммуникации, располагающий определенным репертуаром речевых жанров и обладающий специфическими жанровыми особенностями.

Instagram был создан в 2010 г. К. Систромом и М. Кригером в качестве программы для смартфонов, предоставляющей возможность снимать, обрабатывать и размещать фотографии. Первоначально предполагалось, что основной целью пользователей данной сети будет размещение изображений (фотографий), снабженных подписями (причем текстовый компонент носил факультативный характер), однако дальнейшее развитие сервиса показало, что его возможности и направленность гораздо шире. Сегодня Instagram считается одной из наиболее популярных социальных сетей и одной из основных платформ разнообразных продаж. К 2018 году число пользователей данной сети превысило 800 миллионов в месяц и 500 миллионов активных пользователей в день; общее количество фотографий, размещенных на сервисе, достигло 40 миллиардов; ежедневно в Instagramе публикуется более 80 миллионов изображений и появляется около 3,5 миллиардов «лайков» [13].

Дискурс Instagram, как и другие разновидности интернет-коммуникации (блог, форум, чат), формируется как гипертекст – под гипертекстом подразумевается «особая форма организации письменного текста, опосредованная компьютерной средой и характеризующаяся процессом нелинейного письма и чтения» [14: 24].

Базовый жанр, представленный в сети Instagram, – это пост, выложенный автором аккаунта в виде фотографии, как правило, сопровождаемой подписью. Пост может вызывать комментарии – как самого автора, так и его подписчиков. Комментарии, в свою очередь, могут сопровождаться ответными сообщениями. Количество комментариев практически не ограничено. При этом в самой «ленте» Instagram (это представление публикаций всех аккаунтов, на которые подписан пользователь) виден лишь основной пост (фотография и несколько начальных строк подписи) и общее количество комментариев.

Дальнейшее чтение предполагает «разворачивание» комментариев и ответов к ним (рис. 1).

Рис. 1 / Fig. 1

Отличительная жанровая характеристика Instagram – его интерактивность (ср. понятие адресата у М. М. Бахтина и его значимость «в речевой цепи» общения) [15]. Выкладываемая сообщение, автор аккаунта адресует его своей целевой аудитории, своим настоящим и потенциальным подписчикам, то есть тем адресатам, которым это может быть интересно. Выкладываемый контент получает немедленный отклик – как в виде «лайков», так и в виде комментариев. Количество комментариев к посту считается основным показателем «успешности» автора и его сообщения, рассматривается как подтверждение для потенциального подписчика, что данный аккаунт интересен и заслуживает внимания.

С 2018 г. изменились закономерности ранжирования постов в «ленте» Instagram, и в новых условиях только вызывающие активную дискуссию в комментариях посты могут

«бороться» за охват аудитории. Существуют различные способы повысить количество комментариев, в первую очередь связанные с вовлечением подписчиков: проведение опросов, конкурсов, просьба высказаться в комментариях, открытый вопрос, завершающий пост и предполагающий ответы в комментариях, и т. п.

Выделим несколько основных текстовых способов, использующихся для повышения интерактивности сообщений в ленте:

1. Репрезентация информации в форме жизненной истории, близкой и/или интересной подписчикам, – так называемый «сторителлинг» (англ. storytelling), – позволяет улучшить взаимодействие с подписчиками, считается одним из наиболее эффективных приемов продвижения в социальных сетях. Так, например, на рис. 2 создатель «масок» (способы визуального оформления поста) для Instagram Дарья (@dasha_cher) рассказывает о начале своего (предполагается, что весьма успешного) пути.

2. Интерактив – рассказ о личности автора аккаунта, содержащий задание для подписчиков, которое они выполняют посредством комментариев, например, «10 фактов обо мне» (читателям следует определить, какой из этих фактов не соответствует действительности). Существуют различные варианты

интерактивов для социальных сетей, в частности сети Instagram, используемые блогерами и другими популярными аккаунтами; так, в аккаунте информационного агентства Читур.ру (chita.ru75) прошел следующий предпраздничный интерактив (здесь и далее орфография и пунктуация источников сохранена. – Ю. Щ.):

Восьмимартовский конкурс!

Угадываем руки читарушниц, которых мы сфотографировали за рабочими местами. Пишем фамилию, которая соответствует фотографии по порядку

(Если есть сложности с узнаваемостью рук – пишем должность сотрудницы)

Побеждает тот, кто угадает больше всех

Итоги – 12 марта

Приз – сертификат, который порадует любую представительницу прекрасного пола. Желаем удачи! (рис. 3).

3. Хэштеги – ключевое слово или несколько слов сообщения, используемые в микроблогах и социальных сетях, облегчающие поиск сообщений по теме или содержанию и начинающиеся со знака решетки – # [16].

Следует отметить, что часто авторы помещают свои персональные данные (имя, фамилию) не только внутрь никнейма, но и внутрь хэштега, тем самым автор делает ссылку на самого себя, акцентирует внимание

Рис. 2 / Fig. 2

Рис. 3 / Fig. 3

на своей персоне, например, *#juliavysotskaya*, *#димабилан* и др. Также упоминание персональных данных помогает при поиске в сети информации о каком-либо авторе – для этого в строку поиска вводится никнейм, и поисковая система выдает все, что связано с этой личностью (в том числе хэштеги и все сопровождаемые ими материалы). Например,

на рис. 4 мы видим, что персональные идентификационные данные известного российского певца (*lazarevsergey*) размещены им в подписи к фотографии внутри хэштегов на русском и английском языках:

Всем хорошего доброго дня!
Have a good day!
#sergeylazarev #сергейлазарев

Рис. 4 / Fig. 4

Характерная жанровая особенность постов в Instagram связана также с тем, что подписчики аккаунта могут активно влиять на содержание общения в «ленте»: формировать внешний вид сообщения и определять его тематическую направленность [5]. Типичны обращенные к подписчикам вопросы, связанные с темами сообщений: «А что интересно вам?», «Продолжать мне писать про мое детство?» и т. п. Подписчики имеют возможность общаться друг с другом (в виде комментариев к посту), высказывая свое мнение и воспринимая суждение собеседника/ов. Количество комментаторов при этом ограничено лишь теми настройками, которые задаются автором аккаунта.

2. Поликодовый характер речевых жанров в Instagram

Публикации в Instagram практически всегда представляют собой совокупность нескольких знаковых систем (изображение или видео, сопровождаемое текстом), включающую в себя комплекс речевых жанров.

Соединение различных видов семиотических систем определило в качестве основной особенности коммуникативно-жанрового пространства Instagram креолизованный характер сообщений – наличие поликодовости (или полимодальности [10]). Тем самым реализация речевых жанров в Instagram происходит

одновременно на нескольких уровнях – вербальном и визуальном [5]. Как и во всяких креолизованных жанрах, в Instagram-сообщениях вербальные и невербальные элементы образуют одно визуальное, структурное, смысловое и функциональное целое, направленное на комплексное воздействие на адресата [17: 181]. Поликодовость сообщений проявляется также и в возможности комбинации различных способов оформления (с использованием параграфемии) и размещения компонентов текста (например, заголовок может быть нанесен на фотографию в публикации, чтобы читатель не пропустил тему, которая может его заинтересовать). Так, на рис. 5 комбинируется написание заголовка (*Как построить тренировку в тренажерном зале?*) прописными буквами и его вынос на фотографию.

Подписи к фотографиям могут включать в себя различные традиционные речевые жанры: информационное сообщение, отзыв, благодарность, совет, поздравление, приглашение, вопрос, просьбу, рекомендацию, рекламу и т. д.

На рис. 6 представлен речевой жанр поздравления: «С Днем матери, дорогие мои... Спасибо нашим малышам, что открыли нам новый, порой такой сложный, но точно необыкновенный мир материнства». Поздравление комбинируется с косвенной благодарностью (наличие форманта *спасибо*).

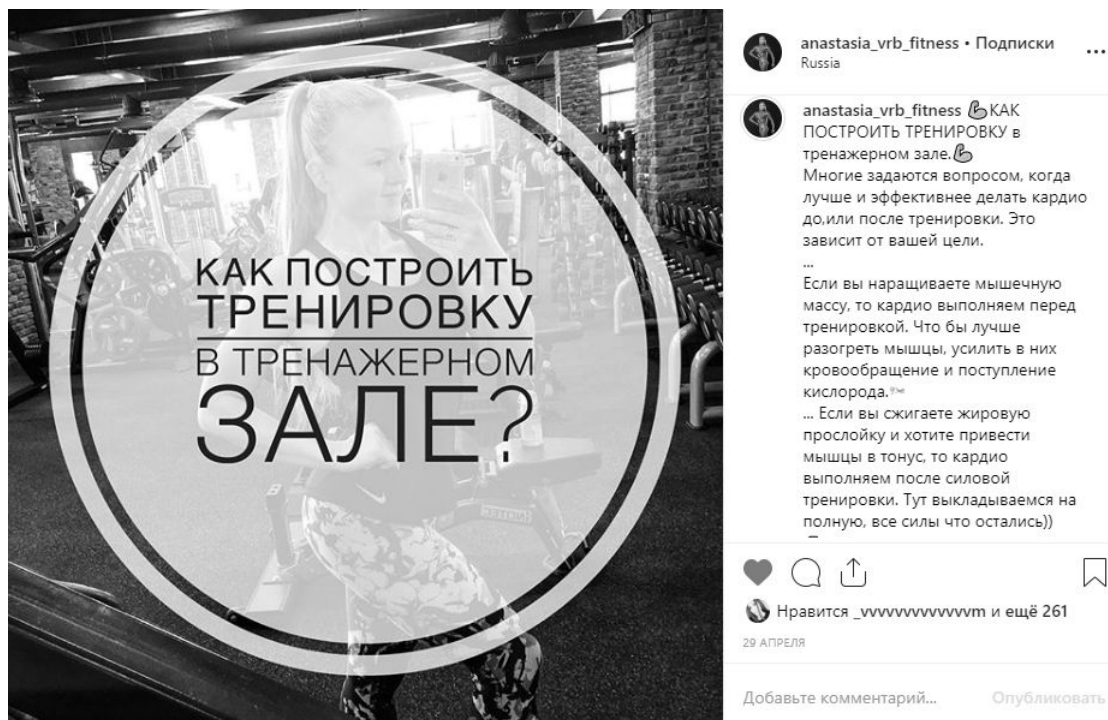

Рис. 5 / Fig. 5

Рис. 6 / Fig. 6

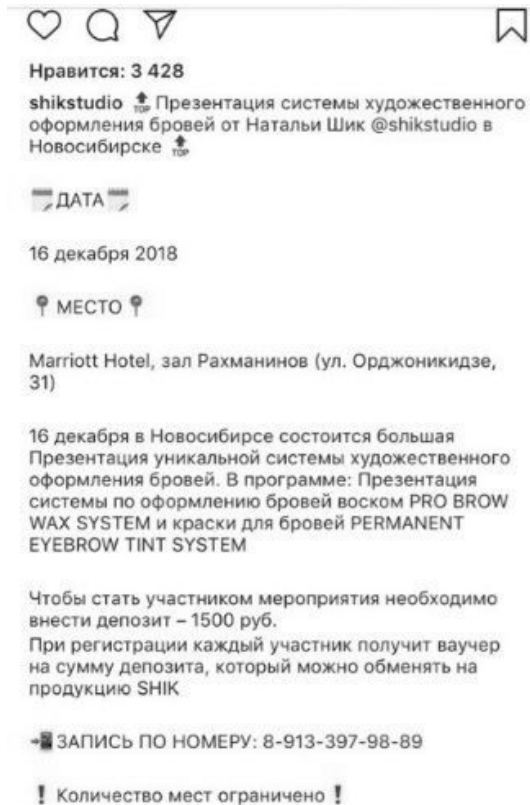

Рис. 7 / Fig. 7

На рис. 7 представлено информационное сообщение, направленное на определенную целевую аудиторию. Информационный характер сообщения подчеркивается указанием точной даты и места проведения мероприятия, стоимости и условий участия.

Важная особенность жанрового пространства Инстаграм связана с возможностью публикации так называемых «сториз» (от англ. stories – истории, моменты) – позволяющих выкладывать самую актуальную информацию – короткие видео или фотографии тех событий, которые происходят с автором блога в настоящем времени, т. е. «прямое включение». При этом в самом аккаунте «истории» не появляются, и срок их существования составляет всего 24 часа, после чего они исчезают, что позволяет избежать перегруженности ленты или публикации недостаточно качественных фотографий. Существует возможность сохранять актуальные истории в соответствующем разделе или архивировать их, что широко используется в маркетинговых целях: в «сториз» размещают отзывы, прайсы на услуги, анонсы мероприятий или конкурсов и т. п.

Так, рис. 8 содержит развернутый отзыв об оказанной услуге, опубликованный в «сториз».

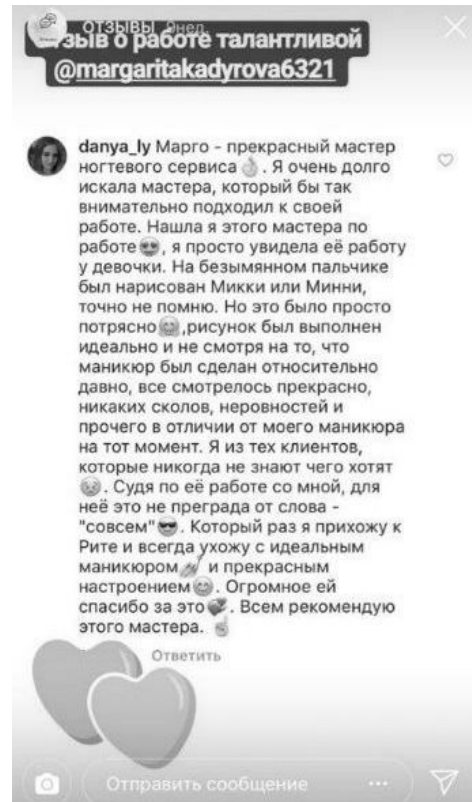

Рис. 8 / Fig. 8

3. Императивность Instagram-сообщений

Типичной чертой современного Instagram-дискурса можно считать императивный характер большинства реализуемых жанров: так, распространено использование речевого жанра вопроса в конце или в начале Instagram-сообщения (в качестве подписи к фотографии может выступать практически любое высказывание/текст разной степени развернутости), открытый вопрос обращен ко всем читателям данного аккаунта. Так, рассказ автора о рождении у него ребенка завершается вопросом «А вы помните, как у вас появился малыш?», сообщение об осенней хандре у автора и ее признаках сопровождается вопросом «А как вы справляетесь с осенней депрессией?», сообщение о подготовке к Новому году предваряется вопросом «А есть здесь те, кого вся эта предновогодняя суета просто бесит?», пост, посвященный первому дню ребенка в детском саду, содержит воспоминания автора и вопросы «У вас побольше воспоминаний о садике? Хороших или плохих?» и т. п. (рис. 9).

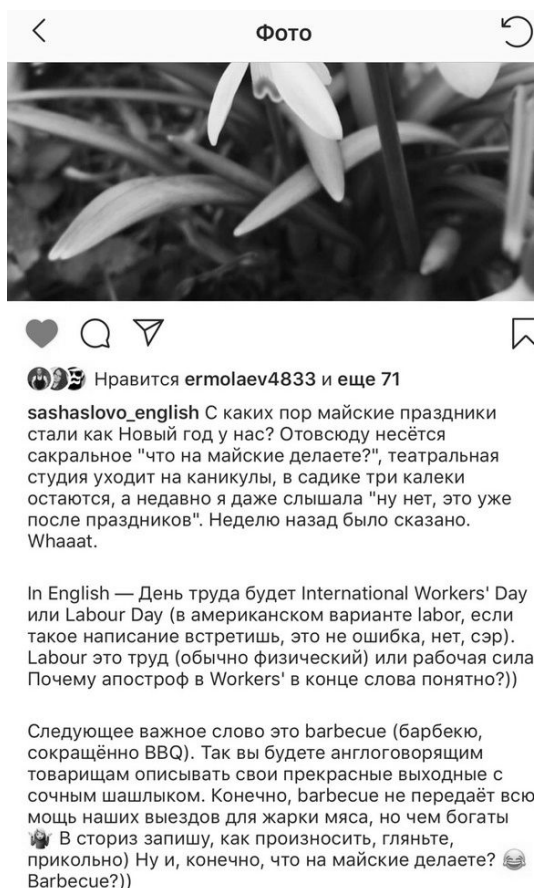

Рис. 9 / Fig. 9

Данный пост блогера Александры (sashaslovo_english), завершающийся вопросом «Ну и, конечно, что на майские делаете? (Barbecue?)», вызвал 44 комментария, большая часть которых и представляет собой ответы на заданный в конце сообщения вопрос (рис. 10).

Сообщение может завершаться просьбой высказаться в комментариях по поводу поднятой в посте проблемы: важно, чтобы эта просьба выглядела ненавязчиво и деликатно. Как и вопросы, просьбы в финале поста нацелены на повышение количества комментариев, сопровождающих данный пост. При этом, чтобы снизить категоричность (явный императив может вызвать обратную реакцию у адресатов), достаточно часто используются разного рода косвенные репрезентации просьбы (рис. 11).

Просьба выражена в форме шуточного предсказания «Ванюю – каждый, кто оставит комментарий, поедет на море в этом году», однако базовая интенция сохраняется и, вне сомнений, «прочитывается» адресатами.

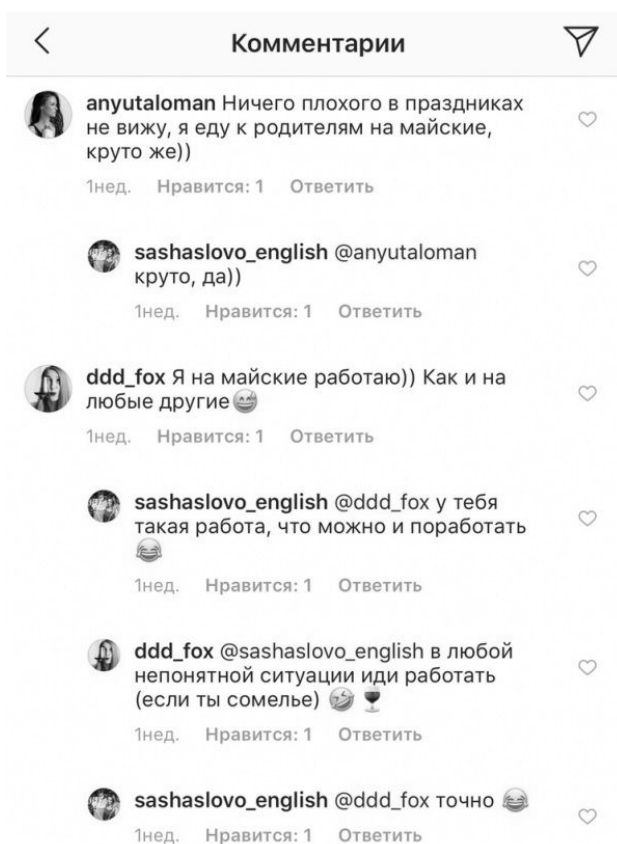

Рис. 10 / Fig. 10

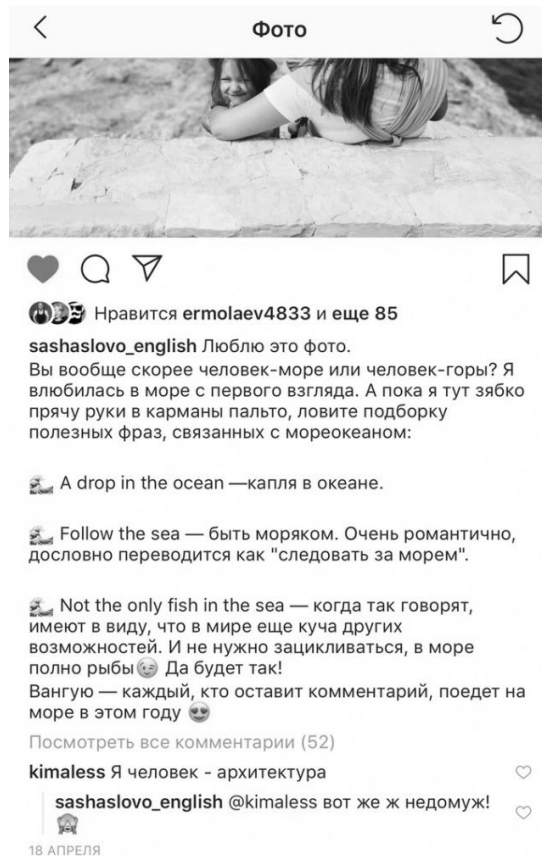

Рис. 11 / Fig. 11

Отметим, что императивность как характерная особенность речевых жанров в Instagram связана с современными тенденциями к использованию социальной сети как площадки для продвижения товаров и услуг или личности автора аккаунта (блогера).

4. Проблема типологии Instagram-жанров

Возможности типологизирования жанров, присутствующих в пространстве социальных сетей, в частности сети Instagram, как представляется, связаны с поиском адекватного основания для классификации. Можно выделить по крайней мере четыре таких основания:

- 1) базовая интенция (коммуникативная цель сообщения);
- 2) семиотический признак (текстовые, визуальные, поликодовые сообщения);
- 3) структура (первичные и комплексные жанры);
- 4) тематический признак (наиболее популярные темы сообщений фиксируются при помощи хэштегов): а) посты, посвященные еде, – *#мирдолжензнатьчтояем*; б) различные типы селфи (фотографии себя) – *#лицфтолок*, *#туалетныйлук*, *#уткоселфи*, *#эруфи* (групповое селфи), *#фитнес-селфи*, или селфи из спортзала, *#bedstagram*,

или селфи из постели; в) посвященные путешествиям; г) домашним питомцам; д) детям и семье; а также е) *#фотоног*, ж) *#love*, з) *#следуизамной* и мн. др.

Безусловно, первый критерий (коммуникативная цель) видится одним из наиболее значимых. Так, В. И. Карасиком выделены восемь основных жанровых групп в рамках дискурса социальных сетей на основе базовых интенций: 1) демонстративы (автопрезентации с фотографиями себя и своих близких), 2) репортативы (сообщения о важных новостях, обычно в виде перепоста), 3) социативы (заметки об интересных явлениях и событиях, часто оформленные как тематическая группа), 4) креативы (предлагаемые сообществу собственные либо чужие художественные произведения), 5) агитативы (сообщения, продвигающие тот или иной товар или образ жизни), 6) инструктивы (советы для решения конкретной проблемы), 7) прескриптивы (назидательные послания морального плана), 8) аттрактивы (развлекательные шуточные послания) [10].

Очевидно, что речевые жанры всех этих групп представлены в сети Instagram, однако необходимо отметить важную особенность распределения жанров на типы: общение в социальной сети в значительной степени «размывает» сложившуюся традиционную жанровую систему. Жанры дискурса Instagram «переплетены» и «перетекают один в другой» – о такой возможности в свое время писал еще М. М. Бахтин [15]. Первичные жанры (такие как совет или предложение) трансформируются в более сложные и организованные вторичные (развернутый отзыв, реклама); границы между жанрами становятся все более подвижными.

В условиях бесконечной борьбы за продвижение аккаунта границы между жанрами зачастую носят сугубо формальный характер, поскольку базовая коммуникативная цель у многих из них сводится к тому, чтобы привлечь внимание – к автору аккаунта (по разным причинам), к предлагаемой услуге, бренду и т. п. Все восемь обозначенных выше типов жанров могут в реальности преследовать лишь рекламную цель – что меняет их жанровую сущность.

Заключение

Таким образом, жанровые характеристики сетевого дискурса в целом и социальной сети Instagram в частности обусловлены системно-технологическими особенностями – прежде всего установлением коммуникации с широким кругом адресатов, а также возможностью мгновенного распространения информации и полу-

чения немедленного отклика на размещаемый контент [10].

Речевые жанры в сети Instagram можно рассматривать как сложные гипертекстовые образования, обладающие выраженными свойствами креолизованного текста и характеризующиеся высокой степенью интерактивности и императивности. Интерес для дальнейшего изучения они представляют в связи с широкими возможностями коммуникативной социализации, самопрезентации, рекламы и саморекламы.

Instagram сегодня становится своеобразным коммуникативным «полигоном», в рам-

ках которого формируются, функционируют и проходят «испытания» разнообразные речевые стратегии и жанры общения, значительная часть которых характеризуется утилитарными целями. Коммуникативная специфика Instagram определяется тем, что эта социальная сеть представляет собой уникальную платформу, располагающую эффективными инструментами не только для виртуальной социализации и самопрезентации субъектов коммуникации, но и для продвижения брендов, товаров и услуг, что существенно меняет существующую речежанровую картину.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Горошко Е. И.* Интернет-жанр и функционирование языка в Интернете: попытка рефлексии // *Жанры речи: сб. науч. ст. Вып. 6. Жанр и язык.* Саратов: ИЦ «Наука», 2009. С. 11–27.
2. *Дементьев В. В.* Теория речевых жанров и актуальные процессы современной речи // *Вопросы языкознания.* 2015. № 6. С. 78–107.
3. *Шмелева Т. В.* Жанр в современной медиасфере // *Жанры речи: сб. науч. ст. Вып. 8. Жанр и творчество.* Саратов; М.: Лабиринт, 2012. С. 26–37.
4. *Шчипицина Л. Ю.* Жанры компьютерно-опосредованной коммуникации. Архангельск: Поморский университет, 2009. 238 с.
5. *Щурина Ю. В.* Жанровое своеобразие социальной сети Instagram // *Жанры речи.* 2016. № 1 (13). С. 156–168.
6. *Дементьев В. В.* Лингвоэкология через призму речевых жанров: сфера новых «технологических» коммуникаций // *Экология языка и коммуникативная практика.* 2015. № 2. С. 22–47.
7. *Карпоян С. М.* Instagram как особый жанр виртуальной коммуникации // *Филологические науки. Вопросы теории и практики.* Тамбов: Грамота, 2015. № 12 (54): в 4 ч. Ч. III. С. 84–88.
8. *Горошко Е. И.* Лингвистика Интернета: формирование дисциплинарной парадигмы // *Жанры и типы текста в научном и медийном дискурсе.* Орел: Картуш, 2007. Вып. 5. С. 223–237.
9. *Горошко Е. И., Жигалина Е. А.* Виртуальное жанроведение: устоявшееся и спорное // *Ученые записки Таврического национального университета им. В. И. Вернадского. Сер. Филология. Социальные коммуникации.* 2011. Т. 24 (63), № 1, ч. 1. С. 105–124.
10. *Карасик В. И.* Жанры сетевого дискурса // *Жанры речи.* 2019. № 1 (21). С. 49–55.
11. *Капанадзе Л. А.* На границе письменного и устного текста: структура и тенденции развития электронных жанров // *Л. А. Капанадзе. Голоса и смыслы. Избранные работы по русскому языку.* М.: Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова РАН, 2005. С. 305–320.
12. *Макаров М. Л.* Жанры в электронной коммуникации: Quo vadis? // *Жанры речи: сб. науч. ст. Вып. 4. Жанр и концепт.* Саратов: ГосУНЦ «Колледж», 2005. С. 336–352.
13. Отборная Instagram-статистика: что мы имеем к 2018 году? URL: [marketing/smm/otbornaya-instagram-statistika-chto-my-imeem-k-2018/ \(дата обращения: 01.05.2019\).](https://rusability.ru/internet-

</div>
<div data-bbox=)

14. *Рязанцева Т. И.* Гипертекст и электронная коммуникация. М.: Изд-во ЛКИ, 2010. 256 с.
15. *Бахтин М. М.* Проблема речевых жанров // *Бахтин М. М. Собр. соч.: в 5 т. Т. 5: Работы 1940-х – начала 1960-х годов.* М.: Языки русской культуры, 1996. С. 159–206.
16. *Атягина А. П.* Твиттер как новая дискурсивная практика: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Омск, 2014. 22 с.
17. *Сорокин Ю. А., Тарасов Е. Ф.* Креолизованные тексты и их коммуникативная функция // *Оптимизация речевого воздействия.* М.: Наука, 1990. С. 180–181.

REFERENCES

1. Goroshko E. I. Internet-zhanr i funktsionirovanie yazyka v Internetе: popytka reflexii [Internet genre and language functioning in the Internet]. *Zhanry rechi: sb. nauch. tr.* [Speech genres: collection of scientific works]. Iss. 6. Genre and Language. Saratov, ITs “Nauka”, 2009, pp. 11–27 (in Russian).
2. Dement'ev V. V. Teoriya rechevykh zhanrov i aktual'nye protsessy sovremennoj rechi [The theory of speech genres and actual processes of the modern speech]. *Voprosy yazykoznanija* [Topics in the study of language], 2015, no. 6, pp. 78–107 (in Russian).
3. Shmeleva T. V. Zhanr v sovremennoy mediasfere [Genre in modern mediasphere]. *Zhanry rechi: sb. nauch. tr.* [Speech genres: collection of scientific works]. Iss. 8, Genre and creativity. Saratov, Moscow, Labirint Publ., 2012, pp. 26–37 (in Russian).
4. Shchipitsina L. Yu. *Zhanry komp'yuterno-oposredovannoi kommunikatsii* [Genres of computer-mediated communication]. Arkhangel'sk, Pomorskiy universitet, 2009. 238 p. (in Russian).
5. Shchurina Yu. V. Genre individuality of Instagram social net. *Speech Genres*, 2016, no. 1 (13), pp. 156–168 (in Russian).
6. Dement'ev V. V. Lingvoekologiya cherez prizmu rechevykh zhanrov: sfera novykh “tekhnologicheskikh” kommunikatsiy [Lingvoecology through the prism of speech genres: the sphere of new “technological” communications]. *Ekologiya yazyka i novaya kommunikativnaya praktika* [Ecology of language and communicative practice], 2015, iss. 2, pp. 22–47 (in Russian).

7. Karpoyan S. M. Instagram kak osoby zhanr virtual'noy kommunikatsii [Instagram as a peculiar genre of virtual communication]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki* [Philological sciences. Issues of theory and practice], 2015, iss. 12 (54), vol. III. Tambov, Gramota Publ., pp. 84–88 (in Russian).

8. Goroshko E. I. Lingvistika Interneta: formirovanie distsiplinarnoy paradigmy [Internet Linguistics: the formation of a disciplinary paradigm]. *Zhanry i tipy teksta v nauchnom i mediynom diskurse: sb. nauch. tr.* [Genres and text types in the scientific and media discourse: collection of scientific works]. Orel, Cartouche Publ., 2007, iss. 5, pp. 223–237 (in Russian).

9. Goroshko E. I., Zhigalina E. A. Virtual'noe zhanrovedenie: ustoyavsheyesya i spornoe [Virtual genre studies: established and controversial]. *Uchyonye zapiski Tavricheskogo natsional'nogo universiteta im. V. I. Vernadskogo. Ser. Filologiya. Social Communications*, 2011, vol. 24 (63), no. 1, iss. 1, pp. 105–124 (in Russian).

10. Karasik V. I. Network discourse genres. *Speech Genres*, 2019, no. 1 (21), pp. 49–55 (in Russian).

11. Kapanadze L. A. Na granitse pis'mennogo i ustnogo teksta: struktura i tendentsii razvitiya elektronnykh zhanrov [On the board of written and spoken texts: structure and tendencies of e-genres development]. In: *L. A. Kapanadze. Golosa i smysly. Izbrannye raboty po russkomu yazyku* [Voices and meanings. Selected papers on Russian

language]. Moscow, V. V. Vinogradov Russian Language Institute, 2005, pp. 305–320 (in Russian).

12. Makarov M. L. Zhanry v elektronnoi kommunikatsii: Quo vadis? [E-communication genres: Quo vadis?]. *Zhanry rechi: sb. nauch. tr.* [Speech genres: collection of scientific works]. Iss. 4. Genre and Concept. Saratov, GosUNTs "Kolledzh", 2005, pp. 336–352 (in Russian).

13. *Otbornaya Instagram-statistika: chto my imeem k 2018 godu?* (Selected Instagram statistics: what do we have by 2018?). Available at: <https://rusability.ru/internet-marketing/smm/otbornaya-instagram-statistika-chto-my-imeem-k-2018> (accessed 01 May 2019).

14. Ryazantseva T. I. *Gipertekst i elektronnyaya kommunikatsiya* [Hypertext and e-communication]. Moscow, LKI Publ., 2010. 256 p. (in Russian).

15. Bakhtin M. M. Problema rechevykh zhanrov [Problem of speech genres]. *Bakhtin M. M. Sobr. soch.: v 5 t. T. 5. Raboty 1940-kh nachala 1960-kh godov* [Works of the 1940th the 1960th years]. Moscow, Yazyki russkoi kul'tury Publ., 1996, pp. 159–206 (in Russian).

16. Atyagina A. P. *Twitter kak novaya diskursivnaya praktika* [Twitter as a new discursive practice]. Thesis Diss. Cand. Sci. (Philol.). Omsk, 2014, 22 p. (in Russian).

17. Sorokin Yu. A., Tarasov E. F. Kreolizovannyye teksty i ih kommunikativnaya funktsiya [Creolized texts and their communicative function]. In: *Optimizatsiya rechevogo vozdeistviya* [Optimize speech effect]. Moscow, Nauka Publ., 1990, pp. 180–181 (in Russian).

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СТАТЬИ

Щурина Ю. В. Речевые жанры русскоязычного сегмента социальной сети Instagram // *Жанры речи*. 2020. № 2 (26). С. 155–165. DOI: <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2020-2-26-155-165>

For citation

Shchurina Yu. V. Speech Genres of the Russian Language Segment of Instagram Social Network. *Speech Genres*, 2020, no. 2 (26), pp. 155–165 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2020-2-26-155-165>

Поступила в редакцию: 02.07.2019 / Принята: 09.09.2019 / Опубликовано: 01.06.2020

Received: 02 July 2019 / Accepted: 09 September 2019 / Published: 01 June 2020

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

Редактор *Е. А. Митенёва*
Корректор *Е. А. Митенёва*
Технический редактор *Т. А. Трубникова*
Оригинал-макет подготовил *И. А. Каргин*

Адрес учредителя, издателя и издательства (редакции):
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования
«Саратовский национальный исследовательский государственный университет
имени Н. Г. Чернышевского».
410012, Саратовская область, Саратов, ул. Астраханская, 83

Подписано в печать 25.05.2020. Подписано в свет 01.06.2020.
Формат 60 × 84/8.
Усл. печ. л. 9.56 (10.25). Тираж 500. Заказ 44-Т. Цена свободная

Издательство (редакция) Саратовского университета.
410012, Саратов, Астраханская, 83.
Типография Саратовского университета.
410012, Саратов, Б. Казачья, 112А.